

Текст и карта: Урал в путевых очерках конца XVIII – начала XX в.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Лаборатория политики культурного наследия

**ТЕКСТ И КАРТА:
УРАЛ В ТРАВЕЛОГАХ КОНЦА XVIII
– НАЧАЛА XX в.
(сборник статей)**

Пермь 2016

УДК 821.161:91
ББК 83.3(2Рос=Рус):28.6
Т 307

Составители – **Е. Г. Власова, В. В. Абашев**

Т 307 Текст и карта: Урал в травелогах конца XVIII-начала XX в. [Электронный ресурс]: сб. статей / сост. Е. Г. Власова, В.В. Абашев; Перм. гос. нац. исслед. ун-т; Лаб. политики культурного наследия Перм. гос. нац. исслед. ун-та. – Электрон. дан. – Пермь, 2016. – 185 с. – Систем. требования: процессор Intel Pentium, 1,3 ГГц; 40 Мб HDD; 256 Мб RAM; операц. система Windows 98 и выше; рекомендуемое разрешение 1024x576, CD-ROM или DVD-ROM; ПО для чтения документов в формате *.pdf. – Загл. с этикетки диска.

Сборник составили научные статьи и материалы, посвященные описанию методики литературного картирования, а также опыту ее использования при проведении конкретных историко-литературных исследований. Основным литературным материалом картографического описания послужили тексты литературных путешествий конца XVIII - начала XX в.

УДК 821.161:91
ББК 83.3(2Рос=Рус):28.6

Издание подготовлено при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках проекта № 15-14-59004 а(р) «Маршрутами российских первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII – начала XX вв.».

© Е. Г. Власова, В. В. Абашев, составление, 2016
© В.В.Абашев, Е.Г.Власова, А.В.Фирсова,
И.М.Печищев, авторы статей, 2016
© Пермский государственный национальный
исследовательский университет, 2016
© Лаборатория политики культурного наследия, 2016

Содержание

<u>ПРЕДИСЛОВИЕ</u>	5
<u>I. КАРТИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ</u>	7
<u>Абашев В.В., Фирсова А.В. План местности: литература как путеводитель</u>	7
<u>Фирсова А.В. Литературное картирование пространства</u>	23
<u>Абашев В.В. «Русская Швейцария» Михаила Шишкина в контексте путеводительного жанра</u>	39
<u>II. ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА УРАЛА</u>	51
<u>Власова Е.Г. У истоков образа Урала: отчёты об учёных путешествиях конца XVIII в.</u>	51
<u>Абашев В.В. «Дикая красота и сумрачное величие...». Панорама Урала в путевых очерках Вас. И. Немировича-Данченко</u>	75
<u>Абашев В.В. Увидеть Урал: ландшафтные описания В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка</u>	101
<u>Фирсова А.В. Литературное картирование Перми в путеводителях</u>	115
<u>Власова Е.Г. Маршруты путешествия и особенности формирования образа пространства в уральском травелогге конца XVIII - начала XX в.</u>	129
<u>III. КАРТИРОВАНИЕ В ТУРИСТИЧЕСКОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ</u>	143
<u>Фирсова А.В. Литературное картирование пространства в туристических проектах</u>	143
<u>Печищев И.М. Инструменты новых медиа – новый язык образования</u>	169

Власова Е.Г. Маршрутами российских первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII – начала XX вв. Аннотация проекта.....	177
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	184

ПРЕДИСЛОВИЕ

Литературное картирование (literary mapping) входит сегодня в активно развивающееся в мировой гуманитаристике междисциплинарное научное направление, возникшее на стыке литературоведения и гуманитарной географии. В основе формирующейся дисциплины лежит представление о карте как имплицитном плане содержания литературного произведения. Это особенно актуально в приложении к произведениям путевых жанров. Визуализация локаций текста в виде карты не только становится инструментом его анализа, но имеет и существенное прикладное значение. В этом убеждает работа, проведенная в рамках реализованного нами проекта «Маршрутами российских первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII – начала XX вв.», материалы которого составили данный сборник.

Важным теоретическим и методологическим основанием проекта является его связь с полем так называемых пространственных гуманитарных исследований («spatial humanities»), предполагающих картирование и визуализацию пространственных данных литературного (или исторического) текста с использованием возможностей современных геоинформационных систем и средств визуализации. Примером подобных исследований в этой области могут служить проекты «Mapping the Lakes» Ланкастерского университета (Великобритания), «Literary Atlas of Europe» Института картографии Федерального технического университета в Цюрихе, «Mapping Emotions in Victorian London» Литературной лаборатории Стэнфорда при поддержке CESTA, а также некоторые опыты в отечественной гуманитаристике. В частности, разработанные Школой лингвистики НИУ ВШЭ совместно с компанией

Samsung, Государственным музеем Л.Н.Толстого и группой Tolstoy Digital мобильное приложение и веб-версия проекта «Живые страницы».

Проект «Маршрутами российских первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII – начала XX вв.» посвящен разработке электронного картографического ресурса, объединяющего интерактивные карты наиболее значимых путешествий по Уралу конца XVIII – начала XX в. Подготовка проекта предполагала выработку методологии картирования, которая строилась на соединении литературоведческих методик с топографическим анализом текста и технологиями цифрового картирования. В результате этой работы появился цикл научных статей, которые представили теоретические и прикладные аспекты исследования.

I. КАРТИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

В.В. Абашев, А.В. Фирсова

План местности: литература как путеводитель

*Тут ничего не поделаешь - я должен
осознать план местности
и как бы отпечатать себя на нем.*

Владимир Набоков

1.

Взаимодействие литературного текста и географического пространства с начала 1990-х гг. остается одной из актуальных и чрезвычайно увлекательных тем отечественного литературоведения. Сегодня, когда литература все теснее взаимодействует с различными социальными практиками, нарастает потребность в изучении аспектов прагматики текста: его бытования, связи с потребителем, функционирования в социальном поле. А в отношении текста и места ярко проявляется как раз действенный, порой почти демиургический, потенциал литературы. Это как раз тот случай, когда «Words Do Things». Связывая сюжет, события и персонажей произведения с реальным местом, описывая его виды и детали, писатель изменяет само место. Он по-новому структурирует его, наделяет новыми смыслами, сообщает месту новую персонаологию и событийность.

Тем самым художественное произведение существенно повышает аттрактивность территории. У читателя появля-

ется желание увидеть своими глазами те места, где жили персонажи и разворачивались события, описанные в увлекшем его произведении. Понятно, что литературный текст конструирует идеальное символическое пространство, но, попадая в место-прототип, читатель пользуется художественным произведением инструментально, как своего рода путеводителем.

В подобных случаях особенно отчетливо проявляется один из специфических аспектов прагматики литературного произведения – его картирующая функция. Как известно, прагматика литературы охватывает область отношений автора и текста с читателем. В недавней отечественной традиции эта область частично входила в сферу интересов так называемого историко-функционального подхода. В центре внимания этого направления в общем стояли вопросы о видах и формах бытования литературного произведения в обществе. Но главным образом отечественные «функционалисты» занимались изучением исторической изменчивости восприятия и интерпретации текста¹.

Если же речь идет о произведениях с ярко выраженной картирующей функцией, то здесь читатель не ограничивается «пассивным» восприятием текста. Он становится субъектом широкого спектра социальных практик: от краеведческой работы, многообразных форм музеефикации следов литературной памяти до культуры путешествий по литературным местам. Использование литературных текстов в качестве путеводителей – одна из важнейших форм социального «потребления» произведения. В современном мире, с его развитой индустрией туризма и глобализацией маркетингового мышления, картирующая функция литера-

¹ См., например: Русская литература в историко-функциональном освещении: сб.ст. отв. ред. Н.В.Осьмаков. М.: Наука, 1979, 303 с.; Вопросы функционального изучения литературы: сб.научн.тр. под ред. Н.С.Травушкина, Волгоград: ВГПИ, 1982, 131 с.; Функциональные аспекты изучения и преподавания литературы: сб.науч.тр. под ред. Н.С.Травушкина. Волгоград: ВГПИ, 1983, 136 с.

турного текста становится особенно востребованной. Она-то и станет предметом нашего внимания в настоящей статье. Мы попытаемся выявить теоретические основания и проблемы изучения литературных произведений в их картографическом аспекте.

Внимание к картирующим возможностям литературы в последние годы явно возросло. Достаточно вспомнить ряд современных литературоведческих исследований, выполненных в не совсем обычных жанрах путеводителя, литературной прогулки, путевых записок и обращенных не только к специалистам, но и к более широкому кругу читателей. Появление «Скотопригоньевска и Старой Руссы» Г. Смирнова (2001), «Москвы Мандельштама. Книжки-экскурсии» Л. Видгофа (2006), «Благословенной Тавриды» Г.Кунцевской (2008), «Москвы Пастернака» А. Сергеевой-Клятис и В. Смолицкого (2009), «Путешествия с доктором Живаго» В. Абашева (2010) и некоторых других изданий того же рода кажется нам симптоматичным². На наших глазах складывается относительно новый аспект

² Список подобных работ можно продолжить: Богатырева С.И., Селезнева Е.В. Литературная карта России. Приглашение к путешествию. М., 2006., Колодный Л.Е. Москва в улицах и лицах. М., 2005, Ваксман С.И. Путеводитель по Юрятину. Пермь, 2005, Гладышев В.Ф.Чехов и Пермь. Легенда о трех сестрах. Пермь, 2008. Сами авторы по-разному определяют жанр своих исследований: «карта мемориальных музеев», которые связаны с литературой и поэтому о них нужно «говорить литературой» [Богатырева 2006:10]; «книгой-экскурсией», которая понимается как жанр пограничный между искусством и наукой и «очень подходит для рассказа о поэте-горожанине» [Видгоф 2006:16]; путешествием, где главным становится «союз текста и места», он «вызывает к жизни новую реальность – неосязаемую, но несомненную реальность символического мира». [Абашев 2010:3]

изучения литературных произведений¹. Художественное произведение изучается здесь как своего рода документ, источник, который допускает проекцию текста в реальное географическое и урбанистическое пространство. Пространственные образы текста совмещаются с физическими реалиями. Итогом исследования становится своего рода литературная карта местности, которая извлекается из текста, а также «легенда карты» или «ключ» к чтению произведения как путеводителя. Результаты подобных исследований находят практическое применение, они востребованы активно развивающейся индустрией экскурсий и путешествий.

2.

Прежде всего, уточним, насколько правомерно в отношении описаний географического пространства в художественном тексте использовать термин карта, если брать его в точном картографическом смысле. Конечно, в общем плане структурное и функциональное сходство литературной вербальной и картографической моделей пространства, каковой является карта, достаточно очевидно. И в том и в другом случае мы имеем дело с образом и схемой пространства, его моделью. Но при более близком сравне-

¹ Об относительности новизны этого подхода мы говорим, поскольку он формируется в русле богатой отечественной традиции *геокультурологических* исследований. В ее основании лежат классические труды 1910-20-х гг. И.М. Гревса, Н.К. Пиксанова, Н.П. Анциферова. Мощное развитие эта традиция получила в работах ученых тартуско-московской семиотической школы о Петербурге и «петербургском тексте» русской литературы: В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, Вяч. Вс. Иванова. Третья волна в движении этого направления относится к 1990-м гг. и связана с развитием, с одной стороны, региональных исследований (А.Н. Давыдов, К.В. Анисимов, В.В. Абашев, И.А. Разумова, А.А. Литягин, А.В. Тарабукина и др.), с другой – со становлением отечественной культурной географии (Д.Н. Замятин, Н.Ю. Замятина, И.А. Митин, О.А. Лавренова, Б.Б. Родоман). Новизна упомянутых работ состоит в том, что акцент в них делается на прагматическом исследовании литературного произведения.

нии литературного описания и карты на первый план выступают, скорее, существенные отличия. Если карта дает сплошной образ территории, то литературное описание всегда дискретно. Описываются лишь отдельные участки пространства, отношения между которыми подчиняются не метрическим законам, а смысловым. Далее. Если графика карты стремится максимально точно отразить метрику территории и в ценностно-смысловом отношении она нейтральна, то элементы литературной карты неразрывно связаны с сюжетными ситуациями, персонажами, они эмоционально окрашены и аксиологически значимы.

Поэтому в строгом смысле литературные описания пространства следовало бы уподобить другой, неклассической, картографической модели. Не карте, а *картоиду*. В отличие от карт, картоиды не строго следуют метрике. Они призваны создавать обобщенные образы территории, «чтобы наглядно выразить какую-то идею, для которой картоид служит пространственной структурной формулой»².

² Родоман Б.Б. Географические картоиды с множественной интерпретацией // *Hermeneutics in Russia*. 1998. Vol.1.P.2. <http://www.tversu.ru/Science/Hermeneutics/1998-1/1998-1-28.pdf>. Для разъяснения понятия приведем дополнительные выдержки из статьи Б.Б. Родомана. Использование картоидов, как утверждает исследователь, получило развитие, прежде всего, в теоретической географии. Картоиды преодолели «противоречие между стремлением географических наук к обобщениям и чрезмерной конкретностью географических карт», они свободны «от традиционных правил картографии». Авторы картоидов «могут совсем не связывать себя <...> метрикой; <...> идут на любое искажение форм и размеров, чтобы наглядно выразить какую-то идею, для которой картоид служит пространственной структурной формулой. Картоид может вовсе не иметь масштаба и географических координат, подчиняться им лишь в одном избранном направлении <...> Однако <...> картоиды <...> сохраняют два признака традиционных карт наглядность и характер изобразительных средств». Картоиды «способны изображать не только реальные, но и идеальные объекты; отражать не только сущее, но и должное, желательное, вероятное, возможное; выражать, таким образом, проекты и прогнозы».

Для картоида важно подобие не метрическое, а смысловое. Подчеркнем, что в отличие от традиционной карты, в идеале безличной, для картоида, как и для литературного произведения, релевантна категория авторства. Картоид призван наглядно выразить размышления автора о картируемом пространстве – например, прогноз урбанистического или рекреационного развития территории.

Таким образом, говоря строго, термин картоид более адекватен модели пространства в литературном произведении. Но, понимая это, мы, тем не менее, предпочитаем использовать традиционный термин карта. Во-первых, он общеизвестен. Во-вторых, именно благодаря всеупотребительности он приобрел ту многозначность и гибкость, благодаря которой легко переносится в самые разные сферы человеческой деятельности и опыта. Иначе говоря, в общекультурном плане термин карта часто употребляется как раз в том значении, которое в рамках географии закреплено за термином картоид.

3.

Наиболее очевидным образом функция литературного картирования местности реализуется в литературе путешествий. Путевые очерки, как точно заметил один из исследователей, «оставаясь фактом литературы, стремятся покинуть литературу как особую форму человеческой деятельности, обособленную от реальной жизни».[5, с. 141]

Остановимся на «Письмах русского путешественника» Н.М.Карамзина¹. На наш взгляд, картирующая функция

¹ «Письма» не раз становились объектом литературоведческого анализа, упомянем лишь некоторые исследования: Сиповский В.В. Карамзин – автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899; Макагоненко Г.П. Жизнь и творчество Н.М.Карамзина. М., 1941; Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М., 1983; Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987; Лотман М.Ю., Успенский Б.А. «Письма» Карамзина и их место в развитии русской культуры. /В кн. Карамзин Н.М. Письма

литературного текста здесь представлена особенно наглядно. Используя выражение В.М. Гуминского, «Письма русского путешественника» можно было бы назвать классическим примером «путешествия в бумажных очках».[5, с. 147] Европа воспринимается Карамзиным сквозь призму прочитанных литературных текстов, и они служат для него путеводителем и картой. Главными событиями путешествия становятся встречи с авторами и книгами. Прочитанные книги определяют маршрут путешествия. В каждом пункте Карамзин находит своего «гения места»: Дерпт воспринимается как родной город Ленца. Кенигсберг отмечен встречей с Кантом. В Берлине путешественник беседует со стариком Рамлером – «немецким Горацием», с Морицем – педагогом, автором повести «Антон Райзер»; посещает королевскую библиотеку и гарнизонную церковь, в которой вспоминает судьбу Клейста. Ляйпциг для путешественника – университетский центр, книжная ярмарка и город Геллерта: «В Вендлеровом саду видел я Геллертов монумент, ... вспомнил я счастливое время моего ребячества, когда Геллертовы басни составляли почти всю мою библиотеку...»[6, с. 102]. В Веймаре героя интересуют встречи с Виландом, Гердером, Гете: «Здесь ли Виланд, Здесь ли Гердер, Здесь ли Гете?» «Здесь. Здесь. Здесь».[6, с. 116]

Далее герой приближается к Альпам – главной цели своего путешествия. И здесь, в Швейцарии, у Женевского озера, гидом «русского путешественника» становится Ж.Ж.Руссо, а роман «Новая Элоиза» – путеводителем и картой местности. Этот сюжет занимает несколько глав повествования и демонстрирует поэтапное «вхождение» героя в пространство, освященное литературным произведением. На первом этапе мы отметим предвкушение встречи текста и места. Текст романа хорошо знаком пу-

русского путешественника. Л., 1987; Гуминский В.М. Открытие мира или Путешествия и странники. М., 1987;

тешественнику, иными словами, «карта места» изучена: «В пять часов поутру вышел я из Лозанны с весельем в сердце – и с Руссовою «Элоизою» в руках. Вы, конечно, угадаете цель сего путешествия. Так, друзья мои! Я хотел видеть собственными глазами те прекрасные места, в которых бессмертный Руссо поселил своих романических любовников».[6, с. 219] Затем герой ищет визуального сходства, т.е. ориентируется в пространстве по тексту, находит нужный ракурс, сверяет с источником и рефлектирует по поводу ощущений от «совпадения» подлинного и художественного пространства: «Вы можете иметь понятие о чувствах, произведенных во мне сими предметами, зная, как я люблю Руссо и с каким удовольствием читал с вами его «Элоизу»!... Все описания его так живы и притом так верны!».[6, с. 220] Далее герой «проживает» или «встраивает» литературный сюжет в местность: «В девять часов был я уже в Веве и, остановясь под тенью каштановых деревьев гульбища, смотрел на каменные утесы Мельери, с которых отчаянный Сен-Прё хотел низвергнуться в озеро и откуда писал он к Юлии».[6, с. 219]

Примечательно, что Карамзин анализирует процесс создания литературного места. В сносках он дает историко-биографическую справку о том, как произошел выбор именно этой местности, и как Руссо реконструировал данный ландшафт по памяти. Подтверждая и подчеркивая несомненность созданной Руссо новой реальности места, Карамзин ссылается на местных жителей. Они не только усвоили литературную легенду своего местожительства, знают «Новую Элоизу» и «весьма довольны тем, что великий Руссо прославил их родину, сделав ее сценою своего романа»[6, с. 222], но и продолжают ее развивать. Остров Петра, замечает Карамзин, «называют ныне по большей части Руссовым»[6, с. 261]. В итоге, благодаря писателю, окрестности Женевского озера, прекрасные сами по себе в их природной данности, преображаются, приобретают новый, природно-культурный, статус. И – необходимо под-

черкнуть – в дальнейшем их существование во многом определяется влиянием как романа, так и биографии его автора. С последней трети XVIII века Швейцария становится новым местом паломничества для просвещенной публики. «В XVI и XVII столетиях английская культурная элита не включала Швейцарию в маршрут образовательных путешествий, – замечает один из лучших на сегодня знатоков культурной истории Швейцарии, – Именно благодаря роману <...> толпы паломников из всех стран Европы отправляются в Швейцарию – вслед за Руссо к местам действия «Новой Элоизы» [11]. Ну, а тем самым, роман Руссо изменил экономическое бытие Швейцарии: путешественники стали не последним источником благополучия страны.

4.

Описание прогулок «русского путешественника» в окрестностях Женевского озера с томиком Руссо делает предельно наглядным процесс возникновения того феномена, который мы определяем как литературное место.

Происходит следующее. Образ места, созданный в популярном романе, проецируется читателями на реальное место и, по существу, сливается с ним. Синтез воображаемой и физической реальностей создает новый объект – литературное место. И оно становится доступным восприятию не только для читателей романа. Благодаря разнообразным вторичным производным текстам (путевые очерки, путеводители, биографическая литература) литературное место начинает самостоятельную жизнь в культуре.

Место уже несвободно от своего художественного образа, и новый путешественник продолжает начатую в культуре рефлексию. Хороший пример тому – стихотворение П.Вяземского «Рябина». У Вяземского история Руссо становится объектом иронии и поводом осмыслить русский лирический сюжет. Эмблемой «русского» на берегу

Женевского озера является рябина, увиденная в литературном месте, созданном «Новой Элоизой». Рябина выпадает из смыслового контекста, навязываемого литературным местом, оказывается кодом другой традиции:

Тобой, красивая рябина,
 Тобой, наш русский виноград,
 Меня потешила чужбина,
 И я землячке милой рад.
 Забыв и озера картину,
 И снежный пояс темных гор,
 В тебя, родную мне рябину,
 Впился мой ненасытный взор.
 Потомка новой Элоизы
 В сей романтической земле,
 Заботясь о хозяйстве мызы,
 Или по-здешнему – шале,
 Своим Жан-Жаком они бредят,
 Свой скотный двор и сыр любя, -
 Плохая ключница не цедит
 Она наливки из тебя.[4, с. 322]

Подобные примеры восприятия места под впечатлением прочитанного произведения мы встречаем в текстах путешествий конца XVIII – начала XIX вв. Популярность жанра в данный период была обусловлена жаждой страноведческих знаний. Как отмечает составитель сборника «Ландшафт моих воображений», «путешествия раздвигали идейный горизонт, приобщали к истории человечества и культуре»[7]. Одним из объектов рефлексии становилось литературное место, именно в таком ключе воспринималось место жизни популярного писателя, посещение его самого или паломничество к его могиле, путешествие к ландшафту, запечатленному в литературном произведении, или по маршрутам предшествующей литературы «путешествий». Такие произведения целиком строились на историческом диалоге по одному и тому же поводу, а по-

водом становилось исторически и географически реальное пространство, отмеченное литературой. Неизменно раскрытая книга русская, французская, немецкая, английская в руках путешественника – это своеобразный путеводитель, по которому сверяется точность маршрута, или подтверждает верность описания.

Так П.Шаликов, отправляясь в путешествие по Малороссии, в качестве постоянного собеседника имеет при себе книгу Карамзина. Некоторые главы его книги предстают как калька с «Писем русского путешественника». Глава «Буря» у Шаликова совпадает с эпизодом поломки кибитки под Нарвой у Карамзина. Любуясь природой, герой читает стихи французских поэтов, да и сама Малороссия воспринимается сквозь художественный образ Швейцарии, герой ищет в ней приметы ландшафта для сентиментального сюжета: «Имея некоторую живость воображения, чувствительность сердца, можно ли не знать Швейцарии... Кто не читал Новой Элоизы и Писем русского путешественника? Я читал, помню и часто делаю сравнения по одному воображению»[10, с. 555]. В малороссийском путешествии Шаликова особенно красноречив эпизод посещения Полтавы. В этом историческом месте текстом-путеводителем и текстом-картой для него становится «Путешествие в полуденную Россию» В.В. Измайлова: «Сев на горе, по которой протягивается город Полтава, я читал в путешествии Измайлова сравнение Карла XII с Петром Великим – читал с живейшим чувством, нежели прежде, при виде таких предметов, которые воспламеняли счастливое его воображение»[10, с. 539]. Чтение текста предшественника сопровождается сопоставлением описаний местности с их непосредственной данностью – «подлинником». При этом именно совершенный синтез текста и места оказывается источником насыщенных переживаний: «сличал описание сих самих предметов с подлинником и радовался точности его – сия эспланада, распещренная речками, лесочками, крестьянскими и господскими доми-

ками; сей монастырь, гордо возвышающийся на высоком холме, занимали несколько часов глаза и душу мою с таким удовольствием, которого – не могу выразить»[10, с. 539].

Таким образом, даже наш беглый анализ традиции путешествий наглядно выявляет одну из функций литературных произведений в их социально-историческом бытовании – функцию картирования местности. Далее мы увидим, что эта функция характерна не только для травелогов.

5.

В том аспекте социально-исторического бытования литературы, который мы определяем как картографический, наиболее показательны случаи, когда литературное произведение не имея (в отличие от травелога) задачи быть картой местности, становится ею. Использование Карамзиным романа Руссо в качестве путевода по окрестностям Женевского озера – характерный тому пример. Такую роль сыграл, например, «Улисс» Д.Джойса для Дублина, «Мастер и Маргарита» М.Булгакова для Москвы, «Преступление и наказание» Достоевского для Петербурга, «Евгений Онегин» А.Пушкина для Тригорского и Михайловского, «Доктор Живаго» Б.Пастернака для Перми, «Два капитана» В.Каверина для Пскова и т.д.

Именно в этих случаях возникают феномены сложной природно-культурной реальности – Москва Булгакова, Петербург Достоевского, Урал Пастернака. Эти продукты взаимодействия текста и места в процессе функционирования литературного произведения начинают восприниматься как самостоятельная, обособленная и от исходного текста, и от физического пространства реальность. Они сами по себе становятся предметами исследовательского внимания и, что следует подчеркнуть, социальных интересов.

В некоторых случаях эта воображаемая, в сущности, реальность настолько ярка, убедительна и увлекательна, что настоятельно требует буквальной материализации – вещественной инсталляции в физическое пространство. Так на карте Лондона появляется квартира Шерлока Холмса на Бейкер Стрит, на мостовые Дублина наносятся маршрут блужданий Стивена Дедала, в Вероне находят типичный средневековый дом, к которому достраивают балкон Джульетты, в Севилье вблизи старинной арены для боя быков возводят памятники героям новеллы Проспера Мериме, а булгаковский дом на Садово-Кудринской 10 и Патриаршие пруды постепенно обрастают плотной средой мемориальных объектов, материализующих образы знаменитого романа.

Во всех подобных случаях происходит своего рода переструктуризация сложных и многосоставных художественных миров великих романов. Из всего многообразия их образной ткани вычлняется и акцентируется преимущественно один аспект – изображение места. Этот аспект выдвигается на первый план, укрупняется, становится доминантой и своего рода представителем сложного художественного целого произведения, его целостного события. Одновременно пространственный аспект текста проецируется на реальное место, детали текста отождествляются с реалиями места. В итоге мы уже имеем дело уже с неким новым текстом синкретической природы – булгаковской Москвой, Петербургом Достоевского или пастернаковской Пермью. Конечно, этот новый текст уже не связан с каким-то единственным произведением. В сформировавшееся литературное место проецируются целостный образ автора и образ его творчества.

В процессе переструктуризации прецедентного текста важную роль играют, условно говоря, разного рода производные тексты, благодаря которым из произведения вычлняется его пространственный слой. Прежде всего, это краеведческие и литературоведческие работы, посвящен-

ные изучению пространственных реалий произведения. В свою очередь, исследовательские тексты дают основу для текстов прагматического инструментального характера – путеводителей, карт, описаний экскурсионных маршрутов и т.п. Одновременно идет процесс музеефикации литературных мест: появляются мемориальные доски, открываются литературные музеи, восстанавливаются утраченные объекты, устанавливаются памятники писателям и литературным героям.

В итоге воображаемое пространство текста, его художественный мир вещественно «отпечатываются» на местности. Место текстуализируется. Невольными со-авторами этого синкретического природно-культурного текста оказываются многочисленные акторы процесса переструктурирования прецедентного текста: литературоведы, краеведы, авторы путеводителей, экскурсоводы, туроператоры – все, кто оформляет новый культурный феномен и вводит его в социальное обращение. Так литература включается в производство впечатлений – самого востребованного продукта новой экономики [9, с. 303]. Сложный, многосоставный и многосубъектный процесс производства и обращения литературных мест является, на наш взгляд, одним из важных объектов современной прагматики литературы.

Возрастающее внимание к прагматике литературы отражает реалии современности. Трудно не заметить, что и российская словесность сегодня значительно более плотно, чем ранее, встроена в сеть не только общих социальных, но и специфически экономических отношений. Маркетинговое мышление пронизывает все сферы общественной и культурной жизни, а литература – не изолированный остров. В том аспекте литературной прагматики, который мы здесь рассматриваем, влияние маркетинговых факторов вполне очевидно. Миллионы людей перемещаются по миру в поисках впечатлений. Они нуждаются в авторитетных указаниях: куда им ехать, что смотреть и что видеть в том, на что они смотрят. Для них создается громадная литера-

тура путеводительного характера. И одним из источников этой служебной литературы является беллетристика – описания местностей и городов в художественных произведениях. Без ссылок на них не обходятся ни один guide-book. Бурное развитие индустрии путешествий, с одной стороны, культ локального своеобразия и амбиции местных администраций – с другой, повышают «спрос» и на современные, и на классические произведения с картографическим началом.

Список литературы

1. Абашев В.В. Путешествие с доктором Живаго: Борис Пастернак в Пермском крае. Спб.: Изд-во Маматов, 2010. 98 с.
2. Богатырева С.И. Селезнева Е.В. Литературная карта России: Приглашение к путешествию. М.: Собрание, 2006. 237 с.
3. Видгоф Л.М. Москва Мандельштама: Книга-экскурсия. М.: ОГИ, 2006. 480 с.
4. Вяземский П. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1958. 508 с.
5. Гуминский В.М. Открытие мира или Путешествия и странники. М.: Современник, 1987. 429 с.
6. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1982. 608 с.
7. Коровин В.И. «Наслаждающееся размышление самого себя» / Ландшафт моих воображений. М., Современник, 1990. С.5-28.
8. Родоман Б.Б. География, районирование, картоиды: сб. трудов. Смоленск: Ойкумена, 2007. 368 с.
9. Пайн Д., Гилмор Д. Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена. М.: Вильямс, 2005. 303 с.

10. Шаликов П. Путешествие в Малороссию. / Ландшафт моих воображений. М.: Современник, 1990. С.516-570.
11. Шишкин М. Как сделан рай. Отрывок из книги «Монтре-Миссолонги-Астапово. По следам Байрона и Толстого. Литературная прогулка от Женевского озера в Бернские Альпы» // Иностранная литература. 2008. №7. С.237-258.

А.В. Фирсова

Литературное картирование пространства

«Читать литературное произведение – значит принимать участие в игре, позволяющей нам придать осмысленность бесконечному разнообразию вещей»
У.Эко

Литература как путеводитель

В практике путешествий нередки ситуации, когда известный литературный сюжет становится мотивом путешествия, а само произведение выступает в качестве путеводителя. Самые ранние примеры такого обращения с художественным текстом мы встречаем в литературе путешествий. В очерках В.Кокса, посвященных социально-экономической жизни Швейцарии, вдруг появляется яркий образ окрестностей Женевского озера как места действия романа «Юлия или Новая Элоиза» Ж.Ж.Руссо: «... *Близ сего города находится Кларенс, и Мельери напротив: сиюто точно места Руссо полагает сценою своей Гелоизы: в следствие сего я взял у книгопродавца Лозаннского сей роман. <...> Я примечал мрачные и темные каменные горы Мельерийские, сколько только мог видеть другой берег, <...> без сомнения узнал бы то место, куда Сен-Пре проводил свою Юлию*»[24, с. 55-58]. Почитание «литературного места» становится своеобразной культурной традицией, так в «Письмах русского путешественника» Н.М.Карамзина, герой, попав на берег Женевского озера, путеводителем выбирает все тот же роман: «*В пять часов поутру вышел я из Лозанны с весельем в сердце — и с Рус-*

22

совою «Элоизою» в руках. <...> Я хотел видеть собственными глазами те прекрасные места, в которых бессмертный Руссо поселил своих романических любовников»[25, с. 116-118]. Иногда яркие литературные ассоциации возникают в ландшафте, еще не отмеченном литературой. В очерке «От Зауралья до Закавказья» Е.А.Вердеревского глава, посвященная прогулкам по Перми, отсылает читателя к романам Ф.Купера: «Если же судьба занесет кого-нибудь из вас в Пермь, <...> то послушайте моего совета и обратите ваше внимание на следующие достопримечательности Перми: прогуляйтесь по берегу Камы или влево от городского собора <... > и полюбуйтесь, с романом Фенимора Купера в руках, этой огромной, плавной, величавой рекою <... > и я уверен, что эта пустынная река, этот безграничный лесной мир покажутся вам братьями тем американским рекам и тем девственным саваннам...»[26]. Интересно, что прием аналогии североамериканских пейзажей и пермского ландшафта производит впечатление на современных туристов, цитата словно «открывает глаза» и вызывает культурные образы. Подобный пример встречаем в воспоминаниях Г.Н.Потанина, где за описанием тьянь-шанского пейзажа, возникают литературные ассоциации: «Вечные снега на горах, бурные потоки, зеленые альпийские озера, густые травы, теплые ночи, киргизские красавицы <...>. Поэзия Пушкина и Лермонтова заставила русских мечтать о жаркой долине Дагестана, о башне царицы Тамары, о Бахчисарайском фонтане. Когда я очутился в Заилийском крае, я почувствовал, что он имеет те же права на внимание северных поэтов, как Италия, Кавказ, Крым»[27, с. 55].

Тексты современных путевых очерков, туристских путеводителей содержат описания литературных мест, ссылки на литературные сюжеты. Характерен в этом смысле пример эссеистики Петра Вайля. Он называет свой метод «путешествием по миру в сопровождении великих гидов»[28]. «Великие гиды» Вайля – это классики мировой

литературы, а их произведения – путеводители по городам. Литературными цитатами наполнены книги серии Оранжевый гид¹. Мы видим, как в прагматике путешествий художественный текст реализует одну из своих главных функций – *отражать* и *структурировать* действительность.

В последнее десятилетие опубликован ряд книг, написанных одновременно в жанре литературной прогулки и историко-литературного исследования². Авторы данных работ изучают литературную топографию реальной местности, вскрывают для нас тайны «творческой лаборатории» писателя; демонстрируют, как описывая отдельные локусы, писатель наделяет их новыми смыслами. В итоге возникает некий феномен сложной природно-культурной природы – Петербург Гоголя и Достоевского [22], Урал Пастернака [1], в современной прозе поэзия пространства особо представлена в художественном мире А.Иванова [2]. Эти феномены взаимодействия текста и места становятся предметами исследовательского внимания и *туристского* интереса.

¹ См., например, О.Клементова О.Клементова Москва: путеводитель. – М.:Эксмо,2010. – 336 с.:(Оранжевый гид). С.60, С.84, С.92, С.140, С. 158 цитаты произведений В.В.Маяковского, А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, А.И.Герцена, М.А.Булгакова сопровождают прогулки по Москве.

² Л. Видгоф «Москва Манделъштама. Книга-экскурсия» М.:ОГИ, 1998. – 480 с.; Богатырева С.И., Селезнева Е.В. Литературная карта России. Приглашение к путешествию. – М.:«Собрание», 2006. – 273 с.; Смирнов Г. И. Скотопригоньевск и Старая Русса. – М.: Лурена, 2001. – 120 с.; Кунцевская Г.Н. Благословенная Таврида. Крым глазами великих русских писателей. – Симферополь., Изд-во «Таврия», 2008. – 392 с.; Сергеева-Клятис А, Смолицкий В. Москва Пастернака. – М., Изд-во «Совпадение», 2009. – 527 с.; Абашев В.В. Путешествие с Доктором Живаго: Борис Пастернак в Пермском крае. – СПб., Изд-во «Мама-тов», 2009. – 98 с. и др.

Очевидно, что в ходе поиска *литературных мест* художественный текст помогает ориентироваться в пространстве. Мы можем сказать, что в данном случае он выступает в *функции карты*. Подобное явление мы предлагаем называть *феноменом литературного картирования пространства*, имея в виду те случаи, когда литературное произведение взаимодействует с пространством, определяет в нем литературные места и эти места обретают новое бытование в социально-культурных практиках [3, 4].

К вопросу о классификации литературных мест.

Рассматривая научную традицию изучения литературных мест, обратимся к трудам Н.П.Анциферова. В работах посвященных методике литературных экскурсий, автор поступательно совершает научную рефлексию понятия *genius loci* – «душа места» [5,6,7,8]. Приступая к определению предмета литературной экскурсии, Н.П.Анциферов начинает с цитаты: «Вдумаемся в слова В.П.Боткина друга Герцена. Вот свидетельство об его любопытном опыте: *“За несколько дней ходил я с “Notre Dame de Paris” в руке на башню собора. Признаюсь, мне хотелось найти какой-нибудь след затерявшейся драмы, и еще раз, но с каким новым живым наслаждением читал дивный роман. Сколько раз <...> подходил я к собору, смотрел на его угрюмую форму <...>: тут Квазимодо, Эсмеральда, Фролло – вся эта драма принимала размер огромны”*» [5, с.23]. Это явление Анциферов называет «власть места над созерцающей душой». В работе «Быль и Миф Петербурга» он обозначит методику нахождения подобных мест: от города к литературному памятнику, ибо памятниках, нашедших новое отражение в художественных текстах, быль и миф города являются нам «неотделенными и может быть неотделимыми» [7, с.5]. Художественный текст позволяет картографировать те объекты, которые формируют «душа города», текст хранит легенду этого места, выступает в

функции своеобразного *картографического знака*. В работах Н.П.Анциферова литературная урбанистика начинает обретать свой научный инструментарий, который найдет дальнейшую разработку в исследованиях литературоведов, культурологов и географов. Размышляя над предметом *литературной урбанистики*, автор выделяет следующие аспекты: 1) трактовка города как исторической индивидуальности; 2) отображение городских ландшафтов (панорам города, улиц, домов); 3) методы ознакомления писателя с городом и его творческая лаборатория; 4) власть города над сознанием и поступками литературных персонажей; 5) осмысление исторического пути города [8].

Выводы Н.П.Анциферова по-своему развивает Г.М.Лаппо. Исследователь подчеркивает: взаимоотношения географии и литературы диалогичны – от географии литература получает информацию о городах, их положении, функциях, микрогеографии, а литературное произведение, зачастую, «обращено к городу». Он намечает три направления литературной геоурбанистики: 1) изучение литературных гнезд; 2) города – места литературного действия; 3) использование потенциала литературы для развития методологии и методики геоурбанистики, особенно метода литературного картографирования: «Литературные карты – необходимый инструмент исследования, позволяющий охарактеризовать пространственную выраженность литературного процесса и «полей» действия крупных произведений творчества того или иного писателя, той или иной национальной литературы, литературы определенной эпохи» [19, с.108-109].

Практическое применение метод литературного картирования находит в сфере туризма. При разработке литературных маршрутов методист-экскурсионист читает литературное произведение как карту и выстраивает в городском пространстве маршруты автора и его героев, ищет места разыгрывания напряженных сюжетов. В.Н.Топоров называет такие места *locus poesiae*: «Поэзия «разыгры-

вающая» пространство и пространство, «разыгрываемое» поэзией, *roesia loci* и *locus roesiaie*, то целое, где граница между причиной и следствием, порождающим и порождаемым тяготеет к стиранию» [22, с. 502]. Локус города, отмеченный литературными событиями, В.Н.Топоров называет *литературным урочищем* и относит к ним: 1) описание реального пространства; 2) место вдохновения поэта; 3) место, где живет писатель, творит и обретает вечный покой; 4) место, где поэзия и действительность вступают в фантастические синтезы, «разыгрывая» литературный сюжет; 5) место, которое само начинает определяться через литературу, представляет особую «поэтоферу» [20].

Чаще всего «разыгрывание» литературного действия в том или ином локусе происходит в силу исторической и социальной традиции. Каждый писатель решает вопрос «где» будет происходить событие его произведения и, как правило, размещает его в обжитой географической среде. В.Г.Щукин предлагает свою таксономию литературных мест, обусловленную социальным значением. Местом действия литературного произведения становятся известные локусы (усадебный дом, город, деревня, улица, площадь, дом, храм, вокзал, тюрьма); в каждом указанном месте, герой совершает определенное действие (исповедь, размышление, признание, покупка, продажа, скандал, брань, сплетня, донос). Иными словами, герой проявляет «интенционально-функциональный тип психического и социального поведения» [23, с. 464]. Эти типы ученый называет «жанрами» и приходит к мнению, что в художественном мире, как и в социальном, каждому жанру соответствует определенный локус: «В условиях земного микромира тот или иной жанр находит свое осуществление не в произвольном, а в предопределенном для него пространственно-временном континууме» [23, с. 465]. Литературное место представляет собой синтез географического облика, социальной практики и художественного осмысления, его следует воспринимать как сложный *геокультурный образ*. По

определению В.Г.Щукина, три компонента формируют геокультурный образ места: «локус» (место пространства), «хронотоп» (время совершения события в этом пространстве) и «жанр» (тип социального или психологического поведения). Перефразируем термины «локус/хронотоп/жанр» как «место/время/действие» и получим известное требование эстетики классицизма: единство места времени и действия. Так в своих литературных прогулках по городу мы ищем тот *locus poesiaie*, который и позволит «разыграть» литературный сюжет в единстве места, времени и действия.

Обобщая вышесказанное, мы предлагаем свою классификацию литературных мест и тот тип текста, который данное место *картирует* т.е. помогает определить его в пространстве (Табл. 1). Также в таблице мы устанавливаем тот принцип картографического моделирования, который соответствует типу взаимоотношений текста и места.

Таблица 1.

Классификация литературных мест

Литературное место	Тип текста, который выступает в картирующей функции	Принцип картографического моделирования
Адрес писателя (дом, квартира, музей)	Биографический текст (мемуарная проза, историко-литературные исследования)	Принцип конкретизации (соотнесение модели (описания в тексте) с самим объектом)
Маршрут писателя	Биографический текст (мемуарная проза, историко-литературные исследования), Художественный текст (повесть, роман, лирика)	Принцип конкретизации

«Адрес» литературного героя.	Художественный текст (повесть, роман, лирика); Биографический текст.	Принцип аналогии (означает сходство модели (М) и объекта (А), в заданном отношении)
«Маршрут» литературного героя	Художественный текст (рассказ, повесть, роман, лирика) Биографический текст.	Принцип аналогии
Литературный город и его прототип	Художественный текст (очерк, рассказ, повесть, роман, лирика), Фактографический текст (литература путешествий); Биографический текст	Принцип аналогии Принцип системности (т.е. рассмотрение объектов как целостного множества взаимодействующих компонентов, со всеми их внутренними и внешними связями).
«locus poesiae» – место «разыгрывания» литературного сюжета	Художественный текст (очерк, рассказ, повесть, роман, лирика)	Принцип аналогии, Принцип абстрагирования (выделение главного в объекте и отвлечение от его несущественных свойств)
Панорамный обзор – место, которое создает условия для наблюдения культурного ландшафта; способствует восприятию образа места	Фактографический текст (Литература путешествий); Художественный текст (топозкфраксис: описание ландшафта, пейзажа, панорамы)	Принцип аналогии, Принцип системности
«Литературное гнездо» – места социально-культурной жизни литературного со-	Историко-литературные и краеведческие исследования, публикации СМИ, биографиче-	Принцип конкретизации

общества: редакции литературных издательств, литературные кафе (салоны), дом писателя и др.	ский текст	
Прагматика литературного места	Жизнь текста в социально-культурной практике: текст рекламы, текст путеводителя, текст литературной экскурсии; вне-текстовые реалии: скульптура, памятник, туристская инфраструктура.	Принцип аналогии Принцип конкретизации

Задачи литературного картирование пространства.

Посещение литературных мест предполагает чтение художественного текста, при этом текст является основным каналом коммуникации между человеком и культурным ландшафтом, точно так же, как карта является источником информации при изучении территории. Правомерно ли функциональное сближение карты и художественного текста, может быть достаточно того факта, что литературные образы пространства хорошо проецируются в пространство географическое? Работы в данном направлении предпринимались С.А.Золотаревым [14], Л.Е.Июфой [16], О.А.Лавреновой [18], В.П.Максаковским [21]. В данных исследованиях литературное произведение рассматривалось как источник картографической информации или как элемент геокультурного образа ландшафта; мы изучаем те случаи, в которых проявляется картирующая функция литературы.

Проанализируем понятия *текст* и *карта*, чтобы выявить их функциональное сходство. Термин «карта» (лат. charta) является производной от греческого хартес – лист,

бумага папируса; не менее употребительным является термин, восходящий к лат. *tapra* – кусок полотна. Даже на уровне этимологии (*textus* – ‘ткать’ и *tapra* – ‘полотно’) термины находятся в отношении причинно-следственной связи. Для анализа свойств карты и текста в необходимом нам ключе, важно учитывать *модельно-познавательную, языковую и коммуникативную* концепции картографии, где карта определяется как специфический текст: «картографическая литература» [13, с.336], «картографическое высказывание» [11, с.68], «языковое выражение действительности» [10, с.9], «картографическое произведение» [17, с.9]. Идею о естественном происхождении языка карты отстаивает А.А.Лютый: «<...> язык карты – это не искусственная, не придуманная совокупность или система графических значков и эмпирически сформулированных правил. Это объективно существующий язык, сформировавшийся в общественно-исторической практике человека, передающийся из поколения в поколение путем обучения и приобщения субъектов к соответствующему кругу явлений» [20, с.22]. По своей семантической структуре картографические знаки сравнимы со словами естественного языка, а их знаковая природа может быть отражена в модели семантического треугольника С.К.Огдена и И.А.Ричардса (Рис.1):

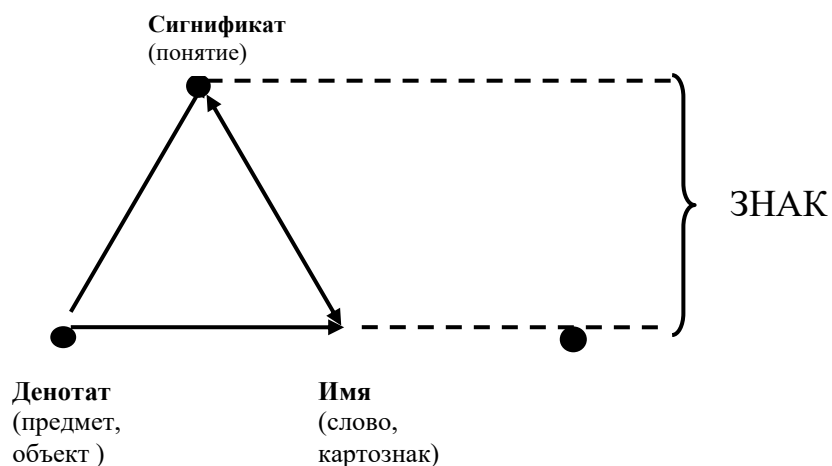

Рис.1.Семантический треугольник

Совмещая понятия «слово» и «картографический знак», мы предлагаем следующие комментарии к рисунку: денотат – это данный в ощущениях объект реальной действительности или картографируемый объект; сигнификат – мысленный образ, смысл или картографическая информация о данном объекте; имя – принятое в обществе наименование объекта, слово или графический знак. Если знак имеет глубинный смысл, содержащий замысел коммуниканта (картографа, писателя), в этом случае он может быть прочитан как текст. Определение текста и карты опираются на такие их свойства как *знаковость, системность, цельность*.

Текст и карта являются универсальной формой коммуникации. В работах А.А.Лютого встречаем коммуникативную модель «создание-использование карт» [17, с.14], которая сопоставима с коммуникативной моделью высказывания Р.О.Якобсона [9]. Текст и карта занимают центральное положение, за текстом «стоит» языковая личность автора и адресата, система языка и окружающая действительность. Объединив схемы, мы получим следующий рисунок:

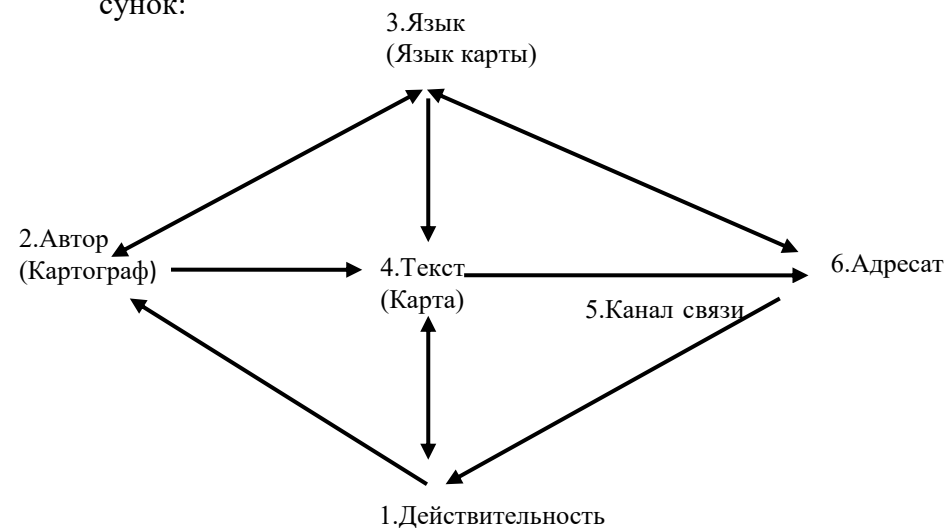

Рис.2.Структура текстовой коммуникации

Восприятие места сквозь текст возможно в определенной коммуникативной ситуации – виртуальной (через книгу, кинофильм) или реальной (в ходе экскурсии, путешествия). Во время литературной экскурсии реализуется коммуникативный акт между человеком, текстом и ландшафтом, иными словами, картирующая функция литературы проявляется в ситуации экскурсии, которую мы предлагаем называть *экскурсионный дискурс*. Под дискурсом будем понимать «речь, погруженную в жизнь», иначе говоря, связный текст в совокупности с экстралингвистическими (внетекстовыми) и прагматическими факторами. [9]. Дискурсивный подход неотделим от изучения *прагматических* свойств карты и текста, т.е. исследования сфер ее практического применения, и эффектов воздействия на потребителя. Географическое место, отмеченное литературой, аккумулирует новые смыслы, и этот процесс приводит к новой форме его бытования. Образ укореняется в пространстве, проявляется в городской топонимике, рекламе, объектах туристской и рекреационной инфраструктуры. Репрезентация сюжетов локального текста происходит в различных социально-культурных практиках, таких как тематические фестивали, конференции, литературный туризм, экранизация, историческая реконструкция, театр на ландшафте. Так для Перми «счастливым» геокультурным сюжетом стал сюжет «совпадения» топографии литературного города Юрятин и реальной Перми [4].

Таким образом, к исследовательским задачам литературной геоурбанистики намеченным выше, мы добавим еще три: 1) историко-литературный и прагматический анализ литературного наследия, как ресурса, способного развивать туристский каркас территории [15]; 2) изучение картирующей функции литературы, реализующейся в современных социально-культурных практиках и продуктах [4]; 3) фиксирование изменений социально-культурной среды вокруг литературных мест. В области картографии использование метода литературного картирования поз-

волит создавать карты двух видов: туристских и ресурсно-оценочных. При этом генерализация туристских карт будет подчинена прагматической задаче – ориентирования и символического восприятия пространства. Ресурсно-оценочная карта преследует стратегические цели – определение местоположения литературных мест относительно туристско-рекреационного каркаса и прогноз новых социально-культурных практик в регионе.

Список литературы

1. Абашев В.В. Урал как предчувствие. Заметки о геопоэтике Бориса Пастернака // Вопросы литературы. 2008. №4. С. 125-144.
2. Абашев В.В., Абашева М.П. Поэзия пространства в прозе Алексея Иванова // Сибирский филологический журнал. 2010. №2. С. 81-90.
3. Абашев В.В. Фирсова А.В. План местности: литература как путеводитель // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып.4. С.98-104.
4. Абашев В.В. Пастернаковский город Юрятин: география, семиотика и прагматика романного образа. // Вестник Томского государственного педагогического университета 2010. №8. С. 115-121.
5. Анциферов Н.П. Литературные экскурсии (Медный всадник) // Вопросы экскурсионного дела. По данным Петроградской экскурсионной конференции 10-12 марта 1923 г. Под ред. Б.Е.Райкова. Культурно-просветительское кооперативное товарищество «Начатки знаний». Петроград, 1923. С.23-32.
6. Анциферов Н.П. Теория и практика литературных экскурсий. Ленинград. Издательство «Сеятель» Е.В.Высоцкого. 1926 г. – 120 с.

7. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга. Репринтное воспроизведение изданий 1922-24 гг. М.: Книга, 1991. – 335 с.

8. Анциферов Н.П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. Составление, подготовка текста, послесловие Д.С.Московской. М.:ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, 2009. – 584 с.

9. Арутюнова Н.Д. Дискурс. // Лингвистический энциклопедический словарь. М. 1990. С.137-136.

10. Асланикашвили А.Ф. Единство и системная сущность географии и картографии // Человек и природа в географической науке. Тбилиси: Мецниереба, 1981. С.6-27.

11. Баранский Н.Н. Генерализация в картографии и в географическом текстовом описании // Ученые записки Московского университета. Вып.119 «География», кн.2. 1946. С.180-205.

12. Болотнова Н.С. Основы теории текста.: Пособие для учителей и студентов-филологов. – Томск.: Изд-во Том.гос.пед.ун-та, 1999. – 100 с.

13. Геттнер А. География. Ее история, сущность, методы. М.-Л.: Госиздат, 1930. – 416 с.

14. Золотарев С.А. Синхронистическая диаграмма по истории русской литературы и историко-литературная карта России (1661-1904). Петроград. Книгоиздательство бывш.М.В.Попова. 1916 г.

15. Зырянов А.И., Мышлявцева С.Э. Технология развития туризма в новом районе // Региональные исследования, 2011. № 4 (34). С. 49-57.

16. Иофа Л.Е. Города Урала. М., Геогиз, 1951.

17. Картоведение: Учебник для вузов/ А.М.Берлянт, А.В.Востокова, В.И.Кравцов и др., Под ред. А.М.Берлянта. М.:Аспект Пресс, 2003, – 477 с.

18. Лавренова О.Л. Географическое пространство в русской поэзии XVIII- начала XIX в. (геокультурный ас-

пект). / Науч. ред. Ю.А. Веденин. М.: Институт наследия, 1998.

19. Лаппо Г.П. Литературная геоурбанистика // Экономическая и социальная география на пороге XXI века. Смоленск: Смол. Гуманит. ун-т, 1997. с.97-109

20. Лютый А.А. Язык карты: сущность, система, функции. – М.: ИГ АН СССР, 1988. – 292 с.

21. Максаковский В.П. Литературная география: географические образы в рус.худож.лит.: кн.для учителя / В.П. Максаковский. – М.: Просвещение, 2006. – 407 с.

22. Топоров В.Н.Петербургский текст. / В.Н.Топоров; Отделение историко-филологических наук РАН. – М.:Наука, 2009. – 820 с.

23. Шукин В.Г. Российский гений просвещения: Исследования в области мифопоэтики и истории идей / В.Г.Шукин. – М.: Изд-во «РОССМЭН», 2007. – 364.

24. Кокс В. «Опыт нынешнего естественного гражданского и политического состояния Швейцарии или письма Вильгельма Кокса, магистра свободных наук, члена Королевской Кембриджской Академии и Капеллана Герцога Малборугского, писанные к дворянину Вильгельму Мельмонту». Перевод Василий Раевский. Москва, в Университетской типографии у В.Окорокова, 1791 г. – 290 с.

25. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1982.

26. Вердеревский Е.А. От Зауралья до Закавказья. / В Парме. Пермь, 1988. С. 57-130.

27. Потанин Г.Н. Воспоминания. / Литературное наследство Сибири. Т.6. Новосибирск: Западно-Сибирское кн.из-во, 1983.

28. Вайль П. Гений места. М., «Колибри», 2008. – 488 с.

В.В. Абашев

«Русская Швейцария» Михаила Шишкина в контексте путеводительного жанра

Как в критических отзывах, так и в автокомментариях «Русскую Швейцарию» справедливо интерпретируют как своего рода историко-философский трактат о путях России и Европы. Но при этом недооценивается значение авторского жанрового определения: «историко-культурный путеводитель». Книга, как принято считать, «только притворяется путеводителем». Между тем конструктивные особенности путеводительного жанра здесь строго соблюдены: повествование подчиняется движению в пространстве и членится главами по локациям. Так именно форма путеводителя помогает реализоваться шишкинской поэтике ахронных сцеплений. Порядок истории подчиняется порядку пространства: «швейцарская география сцепляет русскую историю в самых непривычных комбинациях». Далее, как этого и требует путеводительный жанр одним из главных сюжетов «Русской Швейцарии» становится диалог о пространстве. В повествовании рассеяны выразительные описания швейцарских ландшафтов, увиденных глазами деятелей русской культуры. Здесь сталкиваются два образа пространства – горное и равнинное, российское. Философия равнины сталкивается с философией гор, «горной философией».

Перенеся конструкцию путеводителя из прикладной сферы в историко-культурную, Шишкин произвел перспективный сдвиг жанра. Внимание к метафизике про-

странства, сама идея спроецировать в пространство культурно-исторические коллизии и подчинить историко-философское повествование принципам путеводительного жанра оказались важным шагом в историко-литературной перспективе. «Русская Швейцария» предвосхитила проекцию «пространственного поворота» (spatial turn) в практику отечественной культурно-географической эссеистики. Ее развитие в России связано с деятельностью литературно-исследовательской группы «Путевой журнал» (А. Балдин, Р. Рахматуллин, Д. Замятин).

В ряду произведений Михаила Шишкина «Русская Швейцария» стоит особняком, хотя и занимает в нем место необходимое. О внутренне глубоком импульсе к написанию книги сам автор говорил неоднократно. «Путеводитель, - по словам Шишкина, - родился из ощущения пустоты под ногами» [2, с.207]. Чужое пространство нужно было освоить, или как не раз говорил автор: «колонизовать» [11], колонизировать, чтобы сделать его своим, внутренне родственным. Как говорил Набоков, «я должен осознать план местности и как бы отпечатать себя на нем» [7, с.325]. Из этого желания – осознать план местности и отпечатать себя на нем - выросла «Русская Швейцария» и как произведение, книга, и как творческое и экзистенциальное действие, имеющее целью найти себя в другом, чужом пространстве.

Всех, кто взял на себя труд осилить эту почти семисот-страничную книгу, несколько смущает ее жанровое определение - «литературно-исторический путеводитель», особенно с акцентом на последнем слове: путеводитель. «Русская Швейцария» «только притворяется путеводителем — по сути, это та же проза» [2, с. 207], вот типичное утверждение. Да и сам автор в одном из интервью сказал, что «путеводителем» его книга называется «лукаво» [11].

В таком колебании есть резон. В определенном отношении «Русская Швейцария» это историко-философский трактат о России. Может быть, точнее – материалы к тако-

му трактату. Едва ли не на три четверти повествование соткано из фрагментов воспоминаний, писем, публицистических текстов деятелей русской культуры и революции на протяжении почти 200 лет - от Карамзина до Набокова, от Михаила Бакунина до Владимира Ленина, избравших Швейцарию кто как место путешествий, кто как убежище или место жизни. Швейцария становится зеркалом, которое фокусирует конфликты русского самосознания и истории, русской идеи.

«На берегах альпийских озер тесно от русских теней. Швейцарская география сцепляет русскую историю в самых непривычных комбинациях. Скрыбин спешит по жене-вской улице навстречу бегущему за акушеркой Достоевскому, а потом оба отпевают в церкви на Рю-Родольф-Тепфер своих дочерей. Пансионерка Муся Цветаева скачет к маме вприпрыжку по набережной Уши мимо задумавшегося Азефа. Герцен и Солженицын печатаются в одной газете. На вершине горы Риги встречают восход плечом к плечу Тютчев и Бунин. Замусоленные достопримечательности превращаются в зеркало, отражающее всякого, кто заглядывает. Не русские путешественники рассказывают о Рейнском водопаде, но водопад о них. В падении Рейна отражается русский мир» [10, с.13,14]. Этот фрагмент из открывающего книгу эссе «Урок швейцарского» почти исчерпывающе формулирует ее концепцию – Россия на рандеву с Швейцарией. «Это попытка понять через альпийские отражения, почему у моей страны такое монструозное прошлое, которое не пускает ее в будущее» [12], - резюмировал автор в одном из интервью. Здесь же в процитированном фрагменте эксплицированы особенности поэтики книги – поэтики ахронических сцеплений, созвучий, поэтике рифм.

«Русская Швейцария» это открытый текст. Во-первых, это своего рода питомник, где ждут своего часа саженцы историй. Множество свернутых сюжетов. Один из них уже реализовался в «Кампанале святого Марка» (2011), доку-

ментальной повести о романе любовных отношений русской феминистки и социалистки Лидии Кочетковой и Фрица Брупбахера.

Во-вторых, множеством цитат, пересказанных историй Шишкин создает внутритекстовое поле для взаимодействия чужих голосов, переключек тестов. Это поле диалога и игры, предполагающее значительную степень активности читателя. Читатель становится агентом структуризации текста, устанавливая связи элементов не программируемых, или не вполне программируемых, автором. Возникают спонтанные эффекты взаимодействия – своего рода внутренние рифмы. Это важное слово – рифма – как созвучие, иногда ироническое, ситуаций, образов, положений, персонажей Шишкин произносит сам в начале книги: «История, как известно, обожает рифмы» [10, с.26]. Кстати, если провести аналогию между «Русской Швейцарией» и венком сонетов, то вступительное эссе здесь играет роль магистрала – его темы и персонажи потом будут развиты в последующих 15 главах. Рифмы способен подсказывать или угадывать сам читатель. Безумный Нижинский, танцующий на высях верхнего Энгадина, неизбежно извлекает из памяти созвучие с Ницше и его танцующим пророком.

Такой же внутренней и вероятно вполне спонтанной рифмой становится извлеченные автором истории о садах у Михаила Бакунина и Сергея Рахманинова. Они не сопоставлены прямо, но далеко разнесенные в пространстве текста, невольно резонируют.

В последние годы жизни в 1874 году в Лугано на вилле «Фумагальи» («Fumagalli») Михаил Бакунин решает разбить сад. Он отдается этому делу со всей страстью, торопится, но в итоге остывает, и от задуманного сада остаются одни ямы – чем не прообраз «Котлована». Сергей Рахманинов строит виллу Сенар в Хертенштайне (Hertenstein) на берегу Фирвальшtedского озера, где и живет с 1932 до августа 1939. Трудясь как швейцарский бюргер, русский

композитор воссоздал в Швейцарии свой «кусочек России» [10, с.376], имение с тщательно распланированным садом, где росло «более тысячи разновидностей роз» [10, с.378]. Эти две истории рифмуются, как метафоры двух стратегий и образов русского духа. Почти притча о двух Россия. Россия Рахманинова не может существовать в рамках российского государства, поэтому свой сад разбивает в другом пространстве. Россия Бакунина, усиливаясь взрастить небывалый сад, неизбежно приходит к ямам, к котловану. Но эта рифма предусмотрена, она созвучна общей концепции книги. Собственно «урок швейцарского» и состоит в том, что центре системы ценностей стоит свой сад. Этот урок усвоили В.А. Жуковский, назвав его «горной философией», Лев Тихомиров, увидевший в каменной кладке альпийских хижин спрессованный и преемственный труд многих поколений.

И все же хотя внимание читателя концентрируется на коллизиях русского сознания, конструкция путевода является не только формальным способом упаковки объемного историко-биографического материала. Материалы к историко-философским размышлениям о России организованы по правилам «путеводительного дискурса» [5, с.37]. Собственно «путеводительный дискурс» конституируется лишь установкой на «имитацию совместной прогулки». Это обеспечивается как структурным принципом организации «материала <...> по маршрутам», так и системой «приемов вовлечения читателя» в пространственное движение, системой «приемов руководства восприятием пространства» [5, с.20]. В этом смысле он очень гибок, склонен и расположен к симбиозам и может выступать как конструктивный, организующий повествование принцип в разнообразных проблемно-тематических полях и реализоваться в широком спектре жанров и вступать во взаимодействие с другими дискурсами. Убедительный и перспективный пример такого взаимодействия или гибридизации дискурсов «Русская Швейцария».

Конструктивные особенности путеводительного жанра здесь строго соблюдены: повествование подчиняется движению в пространстве и членится главами по локациям. По мере чтения мы перемещаемся от города к городу, от кантона к кантону, от ландшафта к ландшафту. Наглядный пример последовательности реализации путеводительного импульса – глава XI «Пушкинский профиль Маттерхорна. Валлис». Сначала мы, пересекая весь кантон, следуем за Николаем Станкевичем, выехавшим из Веве и перевалившим через Альпы через Симплонский перевал в 1839 году. Затем, после общего очерка путешествия по Валлису мы повторяем маршрут, двигаясь от места к месту и постепенно знакомясь с окрестностями, следуя по местам жизни и поездок деятелей русской культуры и истории. Завершается очерк Валлиса грандиозной горной панорамой, увиденной глазами Герцена. В том же Церматте (Zermatt), через столетие останавливается Владимир Набоков: «Он рисует силуэт Маттерхорна. У него получается пушкинский профиль» [10, с.461].

Необходимо подчеркнуть, что именно форма путеводителя и помогает реализоваться и открытости концепции книги, и поэтике сцеплений. Поскольку повествование следует за движением в пространстве от места к месту и членится по локациям, это обеспечивает эффект ахронизма. Пространство отменяет историю и освобождает автора от необходимости выстраивать жесткую концепцию. Разновременные факты, события, лица встречаются в одной точке пространства: «Швейцарская география сцепляет русскую историю в самых непривычных комбинациях» [10, с.14].

Именно география. Все же, читая книгу, мы путешествуем по Швейцарии с особыми гидами – деятелями русской культуры. Виды Швейцарии, ее ландшафты и города мы видим их глазами и чуткими, и пристрастными. Поэтому одним из главных сюжетов «Русской Швейцарии», как это и требует путеводитель, становится про-

странство. В повествовании рассеяно множество выразительных описаний швейцарских ландшафтов. Деятели русской культуры как бы проходят испытание иным пространством. Испытание иной красотой. Здесь сталкиваются два образа пространства – горное и равнинное, российское. Философия равнины сталкивается с философией гор, «горной философией».

Отпугивает красота гор Чайковского. Среди «величественно прекрасных видов и впечатлений туриста» он «всей душой стремится в Русь», его «сердце сжимается при представлении ее равнин, лугов, рощей». «О милая родина, - патетически восклицает композитор, - ты во сто крат краше и милее всех этих красивых уродов гор, которые, в сущности, не что иное суть, как окаменевшие конвульсии природы» [10, с.433]. «Чужда европейская природа» Николаю Бердяеву (1904). Вид на альпийские вершины и Тунское озеро кажется ему красивой «картинкой», с которой он не испытывает чувства слияния «как с русским лесом, русской рекой» [10, с.403]. Этот ряд – красивое, но чужое – продолжает Гоголь и многие другие.

Но чужая красота могла действовать и по-другому. «Всякий раз, когда я <...> отворял ставни окна <...> и взглядывал на озеро и <...> горы, отражавшиеся в нем, - писал Лев Толстой, - красота ослепляла меня и мгновенно, с силой неожиданного, действовала на меня <...> как будто физическое впечатление, как красота через глаза вливалась мне в душу» (560). То же впечатления слияния и урока пережил Герцен на горном перевале в виду гигантского амфитеатра Монте-Розы (Monte Rosa). Картина не оттолкнула, а поглотила его. «Странно чувствует себя человек в этой раме – гостем, лишним, посторонним – и, с другой стороны, свободнее дышит и, будто под цвет окружающему, становится бел и чист внутри... серьезен и полон какого-то благочестия!» [10, с.461].

Свою формулу швейцарского урока горного пространства извлекала Маргарита Сабашникова в Энгадине: «Эта

страна, <...> где в небе прямо за светом угадывается черная бездна, эта светонесущая страна <...> навсегда осталась, не географическим пространством, а неким состоянием сознания, чем-то, что, может быть, в давние времена могли переживать паломники в Иерусалиме. Так ощущала я всегда и позднее, когда я там бывала: бытие, действительность» [10, с.437].

Внимание к метафизике пространства, диалог его образов, сама идея спроецировать в пространство культурно-исторические коллизии в «Русской Швейцарии» и подчинить историко-философское повествование принципам путеводительного жанра оказалось важным шагом в историко-литературной перспективе. Перенеся конструкцию путеводителя из прикладной сферы в историко-культурную, историко-философскую, Шишкин произвел перспективный сдвиг жанра. Можно сказать, он написал книгу, которая уже искалась, нащупывалась в русской словесности.

Вышедшая в 2001 «Русская Швейцария», органично вошла (а в локальном контексте даже предвосхитила) в ту проекцию «пространственного поворота» [13] в практику отечественного гуманитарного письма и, в частности, литературных исследований, которая в России разворачивалась как раз на рубеже 1990-2000-х гг. Наиболее явно и программно сдвиг внимания к пространству в сфере гуманитарных практик выразился в литературно-художественной и исследовательской деятельности группы «Путевой журнал», возникшей в 1999 году. Ядро группы, «литературно-исследовательской», - так определяли ее характер участники, составили Василий Голованов, путешественник и эссеист, Андрей Балдин, архитектор и писатель, Дмитрий Замятин, географ, культуролог и инициатор становления в России культурной географии как научной дисциплины, а также эссеист Рустам Рахматуллин. Их объединил географический детерминизм, общая интуиция «геократии, пространства как власти» [4, с.251]. Путеводительные заговорили о геоэтике как функции литератур-

ного творчества и как его истоке, поскольку «чувство пространства <...> нам дано прежде слова» [1, с.348].

Дмитрий Замятин развивал идею геоэтики или метагеографии, трактуя ее как поле междисциплинарных исследований «на границе культурной или образной географии и литературы, понимаемой локально, регионально, иначе говоря — пространственно» [4, с.229]. Прочитываемая в геоэтическом ракурсе литература не просто отражает географическое пространство, она творит образы, создающие новую пространственную реальность – метагеографическую. Отсюда проект путеводительных о «картографии русской литературы», которая не сводится к фиксации литературных мест на географической карте, а проецирует на нее «сеть образов» воображаемых пространств, созданных писателями [4, с.231][1,с.217]. Такое понимание геоэтики реализовывалось в практике эссеистического письма, объединяющего научный и художественный курсы, исследование и воображение в описаниях реальных или воображаемых путешествий. Такое письмо организуется конструкцией путеводительного жанра. У Замятина это, к примеру, прогулка по пастернаковскому Балашову, существующему на пересечении реальной топографии города и образного мира «Сестры моей – жизни» [4, с.204-212].

На рубеже 2000-х путеводительные организовали цикл экспедиций по местам и маршрутам русской культуры, улавливая связь развертывания русской культуры и геометрии пространства. Начиная с 2002 года, материалы об экспедициях «Путевого Журнала» регулярно появлялись в журнале «Октябрь». А во второй половине 2000-х стали выходить эссеистические книги участников группы, объединенные общим проектом - путеводителем и «некоей сводной — историко-литературно-географической — русской картой» [1, с.217].

Одновременно путеводительный жанр как конструктивный принцип организации исследования и повествова-

ния распространялся в более специальных литературных исследованиях, принося и здесь убедительные свидетельства новых эвристических возможностей. Размещение в пространстве позволяло лучше увидеть время. Удачным свидетельством возможностей пространственного анализа феноменов литературной жизни и творчества стала книга Л. Видгофа о московских маршрутах Мандельштама. «Хотелось бы построить эту книгу, - декларировал замысел автор, - как экскурсию по мандельштамовской Москве.<...> Попробуем увидеть Мандельштама в Москве, Москву его глазами, а его самого – понять через Москву» [3, с.10]. Попытка удалась. Рассматривая стихи и жизнь Мандельштама, сквозь городское пространство Москвы как сквозь лабиринт человеческих отношений и исторических обстоятельств, Видгоф открыл новые возможности прочитать стихи поэта «как элемент дышащей ткани повседневности» [6]. Другим удачным примером путеводительного чтения литературы стала книга о пастернаковской Москве [9].

Убедительным свидетельством нового вкуса к пространству и, соответственно, путеводителю стал достаточно неожиданный для наблюдателей читательский успех итоговых книг путеводителей: исследования сакральной топографии Москвы Рустама Рахматуллина [8] и книги «литературных путешествий» Андрея Балдина [1]. Рахматуллин стал третьим призёром премии «Большая книга» в 2008 году. Андрей Балдин попал в финал «Большой книги» и завоевал приз симпатий читателей в 2009, успешно конкурируя с романами именитых авторов: Леонида Юзефовича («Журавли и карлики»), Александра Терехова («Каменный мост»), Мариам Петросян («Дом, в котором...»), Андрея Волося («Победитель»), Владимира Маканина («Асан»), Ольги Славниковой («Любовь в седьмом вагоне»).

Рассматривая «Русскую Швейцарию» Михаила Шишкина в бегло намеченном здесь контексте движения и му-

таций путеводительного жанра, а также в общей перспективе spatial turn в сфере гуманитарной рефлексии, мы не только сдвигаем ракурс прочтения этой книги. Предложенная тактика чтения «Русской Швейцарии», открывает в целом конструктивную роль пространственного аспекта в творчестве Шишкина. В связи с этим стоит иметь в виду детализированную топографию Казани в романе «Записки Ларионова», описания прогулок по Москве и топографию других мест во «Взятии Измаила», прогулку по Риму в «Венеринном Волосе». Видимо, обостренное внимание к надёжной и цепкой достоверности места фундирует общий принцип поэтики Шишкина - «встречу в пространстве людей и событий, не встречавшихся во времени» [8, с.10].

Список литературы

1. Балдин А. Протяжение точки: литературные путешествия. Карамзин и Пушкин. М.: Эксмо, 2009. 576 с.
2. Березин В. Посещение кантона Ури // Дружба народов. 2001. №4. С.207-210.
3. Видгоф Л.М. Москва Мандельштама. Книга-экскурсия. М.: Корона-принт, 1998. (Записки Мандельштамовского общества, т. 9). 496 с.
4. Замятин Д. В сердце воздуха. К поискам сокровенных пространств: Эссе. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
5. Киселева Л. Путеводитель как семиотический объект: к постановке проблемы (на примере путеводителей по Эстонии XIX в.) // Путеводитель как семиотический объект. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus / Tartu University Press, 2008. С.16-39.
6. Кукулин И. Л. М. Видгоф. Москва Мандельштама // Знамя. 1999. №8. С.222-224.
7. Набоков В. Другие берега // Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах. СПб.: Симпозиум, 2000. С.140-339.

8. Рахматуллин Р. Две Москвы, или Метафизика столицы. М.: АСТ: Олимп, 2009. 702 с.

9. Сергеева-Клятис А., Смолицкий В. Москва Пастернака. М.: Совпадение, 2009. 527 с.

10. Шишкин М. Русская Швейцария: литературно-исторический путеводитель. М.: Вагриус, 2006. 656 с.

11. Шишкин М. Только когда вам заткнут рот, вы поймете, что такое воздух... [интервью Н Сикорской, 2013]. Режим доступа: http://www.colta.ru/articles/swiss_made/1544. Дата обращения 16.05.2016.

12. Шишкин М. Мои романы – это просто большие стихотворения [интервью А Бондаревой, 2007]. Режим доступа: <http://chitaem-vmeste.ru/interviews/moi-romany-eto-prosto-bolshie-stih/> Дата обращения 27.05. 2016.

13. Podpora A. Spatial Turn in Literary Research, Analysis and Reading Practices: Perspectives and Limitations //Топос: Философско-культурологический журнал. 2011. №1. С. 81-90.

II. ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА УРАЛА

Е.Г. Власова

У истоков образа Урала: отчёты об учёных путешествиях конца XVIII в.

Изучение образов пространства – одно из самых динамично развивающихся направлений современной гуманитарной науки. В основном оно сформировалось на стыке двух дисциплин – географии и филологии. В русле географической науки образы пространства стали предметом изучения культурной и гуманитарной географии, которые оперируют понятиями «культурный ландшафт» и «географический образ». Важнейшим источником для изучения образов географического пространства вполне закономерно послужила художественная литература, получившая в свою очередь новый опыт прочтения.

В то же время в области филологических наук активизируется интерес к пространственным проблемам литературного творчества, который формирует собственное исследовательское направление, обозначаемое терминами «литературное краеведение», «литературная регионалистика», а в последнее время – «геопэтика»¹.

В данном проблемном поле географов и филологов объединяет понимание того, что человек живет не просто в физическом пространстве, а в пространстве семантически структурированном и образно оформленном. Таким спосо-

¹ Вышедшая недавно антология «Введение в геопэтику» (М.: Арт Хаус Медиа, Крымский клуб, 2012) представила основные исследовательские и художественные тексты, связанные с разработкой понятия «геопэтика». Симптоматично, что в антологию вошли и работы географов, чьи исследования коррелируют с филологическими интуициями автора данной концепции – Игоря Сида.

бом организованный мир, мир как произведение человека – это предмет и географии и филологии.

Общим методологическим основанием для подобного рода междисциплинарного взаимодействия становится понятие геокультуры как «процесса и результата развития географических образов в конкретной культуре» [7, с.5]. Разрабатывая это понимание геокультуры, Д.Н.Замятин предложил использовать геокультурный подход не только в изучении глобальных геополитических процессов, но и по отношению к формированию культуры отдельных, локальных территорий. В результате уточнилось само определение геокультуры как «комплекса пространственных представлений, связанного с образами, с мифами, с идентичностью места или территории» [17].

Тем не менее, обоюдное желание географов и литературоведов объединить усилия не приводит пока к формированию общих концепций. Сближению мешает разность языков, конкретных методов. В частности, литературоведам надо сделать шаг в сторону географии, осознав, что, занимаясь образами пространства, они в какой-то мере покидают традиционную область филологии, связанную с изучением истории и поэтики литературы. Обращаясь к пространству, филология входит в область прагматики литературного текста. В этом отношении сошлемся на размышление о влиянии литературного текста на пространство, представленное В.В. Абашевым и А.В.Фирсовой в статье «План местности: литература как путеводитель»: «Связывая сюжет, события и персонажей произведения с реальным местом, описывая его виды и детали, писатель изменяет само место. Он по-новому структурирует его, наделяет новыми смыслами, сообщает месту новую персоналогию и событийность. <...>Понятно, что литературный текст конструирует идеальное символическое пространство, но, попадая в место-прототип, читатель пользуется художественным произведением инструментально, как своего рода путеводителем. В подобных случаях особенно

отчетливо проявляется один из специфических аспектов прагматики литературного произведения – его картирующая функция» [5, с.98]. Большие произведения создают особые сюжетизированные карты местности, которые переходят в общественное пользование. Так Петербург Достоевского или Москва Булгакова – это картированные образы, ставшие самостоятельными феноменами мировой культуры. Беллетризируя реальное географическое пространство, литература создает образную карту мира.

В гуманитарной географии разработано понятие образно-географической карты, которая выступает методом исследования географических образов. Д.Н.Замятин, давая определение этого понятия, отмечает: «Она может рассматриваться и как графическое отображение структурной модели какого-либо географического образа, а также репрезентировать образно-географическое пространство вербальных текстов (письменных, визуальных, картографических), например, художественных произведений или стенограмм политических переговоров. Как когнитивное средство образно-географическая карта направлена на выявление и построение в виде системы взаимосвязанных элементов содержательных для конкретного географического пространства знаков, символов, стереотипов и архетипов» [8, с.30]. Понятие карты – точка встречи филологии и географии. Построение литературной карты может стать одним из важнейших источников формирования целостной образно-географической карты России, а - с учетом мощного символического потенциала литературного образа - сыграть роль обобщающей репрезентации российского геокультурного пространства.

Когда Хлебников в 1913 году заявил, что отечественной литературе нужен не новый Достоевский, а Пржевальский, он в парадоксальной форме сформулировал как раз эту – географическую – миссию литературы, миссию образно-символического картирования пространства.

Литературная карта России пока не является целостной. Литературоведческие исследования образов российского пространства последних лет в основном были сосредоточены на изучении «локальных текстов». Назрела необходимость объединения фрагментов в единое полотно. И начать можно с карты упоминания отдельных локусов, или их выхода в общелитературный контекст.

Когда на образной карте России появился Урал? Эту веху можно достаточно точно определить – 1880-е годы, публикация уральских очерков В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Василий Иванович Немирович-Данченко побывал на Урале в 1876 г. Творческим итогом путешествия стали очерки, которые публиковались в различных газетах и журналах в конце 1870-х и начале 1880-х гг. Позднее очерки, всего числом 65, были собраны в книгу «Кама и Урал» (1890 и 1904 гг. издания). Книга была читаемой. Впрочем, она до сих пор остается ценнейшим и увлекательнейшим для чтения источником самых разнообразных сведений об Урале. В путевых очерках Немировича-Данченко началось становление системы общих мест в описании Урала, которую можно назвать «уральским кодом» русской литературы.

Одновременно печатаются первые очерки и рассказы Д.Н. Мамина-Сибиряка. Два тома его «Уральских рассказов» (1888-1889), в сущности, окончательно ввели Урал в русскую литературу как целостный и самобытный топос, с которым связаны собственные сюжеты, человеческие типы и символика. В прозе В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка началось формирование геопоэтики Урала [2].

Следующий этап литературного картирования Урала связан с именем Бориса Пастернака. Марина Цветаева в начале 1930-х годов писала: «Нет Урала, кроме пастернаковского Урала, как оно и есть: ссылаюсь на всех читавших «Детство Люверс» и «Уральские стихи» [18, с. 380]. В

творчестве Пастернака Урал получил метафорически насыщенное и пластически наглядное воплощение, которое до сих пор остается самой яркой его литературной репрезентацией. Кроме того, благодаря зарубежной популярности романа «Доктор Живаго», Урал запечатлелся и на мировой карте больших литературных сюжетов.

Новым геопоэтическим прорывом Урала в общелитературном пространстве можно назвать творчество П.И. Бажова. Бажовские сказы предложили первую целостную мифопоэтическую интерпретацию уральского пространства. Определяя геокультурное значение сказов Бажова, М.А. Литовская назвала писателя первым имиджмейкером Урала: «Можно сказать, что Бажов создал наиболее эффектный и плодотворный имидж региону<...> Он создал своего рода квинтэссенцию уральскости, объединяющую интересы разных обитателей Урала и помогающую сформировать границы обитания “своих”» [13, с.195].

В современном литературном пространстве Урал был заново открыт пермским писателем Алексеем Ивановым. В своем романном творчестве Иванов создает увлекательный, геопоэтически точный и одновременно глубоко философский образ уральского пространства. Целостность и убедительность геопоэтики А.Иванова связаны не только с прекрасным знанием и органичным обновлением локальной традиции, но и особым поэтическим видением пространства. «В согласии с таким, открытым в начале XX века поэтическим восприятием пространства, Иванов видит (и воссоздает в прозе) пространство как общее «бытийное основание», живую подвижную колеблющуюся протяженность, и все ландшафтные формы представляет как сгустки единой пространственной субстанции, складки и узлы одной непрерывно ткущейся мировой ткани», - отмечают онтологическую природу пространственных образов Алексея Иванова Марина и Владимир Абашевы [4, с.84]. Подобный подход к изображению пространства превращает ураль-

ский ландшафт в субъект действия, выводя образ Урала на новый уровень художественного обобщения.

Таковы основные обозначения Урала на литературной карте России. Однако при увеличении масштаба на этой карте проявляются и другие тексты, сыгравшие немаловажную роль в накоплении и структурировании геопоэтических значений уральского ландшафта. Одним из таких накопителей смысла становятся ученые путешествия конца XVIII века, положившие начало формированию важнейших элементов уральской геопоэтики. Значение этих текстов в развитии уральской геокультуры можно сопоставить с характеристикой «локальных историй», предложенной Д.Замятиним: «Такие небольшие и часто малоизвестные пространства-образы могут быть интровертными, не развернутыми к «большим» истории и географии, но их серьезная роль состоит в накапливании, переработке и глубокой интерпретации местных событий, как бы невидимых издалека и свысока, становящихся в результате значимыми гуманитарно-географическими образами» [9, с. 276].

В конце XVIII века Императорская Академия наук предпринимает пять физических экспедиций по изучению восточных рубежей Российской империи. Три из них были посвящены Уралу: экспедиция И.И.Лепехина, П.-С. Палласа и И.-П.Фалька. По итогам экспедиций вышло несколько томов путевых отчетов с подробным описанием географии, экономики и культуры Урала. Научное значение их было связано не только с задачами развития горной промышленности, но и первым систематическим описанием не так давно присоединенной и мало изученной территории. В общекультурном отношении эти отчеты призваны были ввести в сознание российской общественности целостный образ Урала.

В силу особого «пограничного» положения Урал долгое время оставался *terra incognita*. Практически до конца XIX века основным литературным опытом его описания

оставались путевые и научные отчеты. До XVIII века – это путевые дневники европейских и арабских путешественников, прежде всего, торговых людей. В начале XVIII века появляются отчеты пионеров горного дела на Урале. Наибольший интерес представляют в этом отношении научные произведения В.Н.Татищева: помимо собственно горноразведочных сведений в них содержалось немало материалов по географии, климату, растительному и животному миру, а также этнографии края. Труды Татищева ввели в официальный оборот топонимы Уральские горы и Урал [6].

До этого времени Уральские горы не имели общепринятого названия. Европейцы чаще всего называли их Рифейскими, русские – Каменным поясом или Камнем. Название Урал впервые было зафиксировано в «Чертежной книге Сибири» С.Ремизова (1701 г.) в сочетании «Камень Урал». Однако утвердилось имя не сразу. На первом общероссийском Атласе, подготовленном Академией наук в 1745 году, Уральский хребет изображен с ошибками и не поименован. Атлас не раз критиковался современниками, но альтернативы ему долгое время не было. Главной причиной этому послужили внутренние проблемы Географического департамента Академии наук, который, не смотря на постоянные попытки, в том числе самого В.Н.Татищева, а позднее – М.В.Ломоносова, долгое время не смог организовать необходимое переиздание первого Атласа.

Картографические работы возобновляются в 1770-80-х годах, составляя одно из направлений масштабных географических исследований Академии Наук. Общероссийская легитимизация названия «Уральский хребет» произошла на генеральной карте Российской империи, которая была опубликована в новом Атласе Академии наук 1771-го года. Бесспорно, уральские экспедиции Палласа, Лепехина и Фалька сыграли в этом процессе немаловажную роль. В виду отсутствия официального названия, закрепленного генеральной картой, вплоть до начала 1770-х гг. продол-

жала существовать множественность наименований Уральских гор. В частности, сам Лепехин в предисловии к своим дневникам называет их «Рифейскими» [12]. Однако в основном тексте дневников Лепехина, а также у других ученых-путешественников используются только уральские «имена»: Уральские горы, отроги Урала, Уральская грива, Урал. В отчетах академических экспедиций состоялось утверждение постоянного имени, которое уже никто не пытался оспаривать.

Новое имя зафиксировало важнейшие значения складывающегося образа территории. Оно отправляло к древнему башкирскому наименованию одного из хребтов Уральских гор – Урал-тау, закрепляя связь уральского пространства с культурой коренных народов, издревле проживающих здесь. Башкирские корни топонима Урал впервые проговорил П.-С. Паллас. Описывая дорогу от Саткинского завода в Исетскую провинцию, ученый использовал местное название горного массива, который эта дорога пересекала: «Отсель обыкновенная в Исетскую провинцию дорога лежит по ненаселенным местам через кряж, который башкирцы собственно Урал-тау (горный пояс) называют...» [15, с.91-92].

Уральскими именуются не только горы, но и реки, леса, заводы. Лепехин использует понятие «уральское положение»: «От реки Ляли места начали уже пахнуть Уральским положением» [12, с.81], - имея в виду горный характер местности и особую суровость климата. Под именем Урал подразумевается целый регион: отдельная территория, обладающая своей географической и культурной целостностью. Определеннее других об этом высказался в своих путевых отчетах Н.П.Рычков, возглавивший один из отрядов экспедиции П.-С.Палласа. Размышляя о границах Европы и необходимости ее переноса с горного хребта на линию реки Камы, исследователь по большому счету обосновывает геокультурную целостность Уральских гор как отдельного региона:

«Полагающие границами Европы каменные хребты Уральских гор, не великое различие могут найти между теми местами, которые находятся на полуденной стороне реки Камы. Свойство и самое качество земли сея ни мало не отлично от мест, лежащих по другую сторону сих великих гор. Действия природы также между собою весьма сходны: ибо как та, так и другая страна изобилуют множеством различных металлов, которых очень мало находят в стране, лежащей на нагорной стороне реки Камы, а тем менее еще во внутренних частях России.

Если сие разделение положили древние писатели, то без сомнения сделали они это не по различию мест и земли, но по различию народов, обитавших в этой стране; и если разделение всех частей света можно полагать по разности народов, то и потому можно лучше положить границей Европы реку Каму: ибо начиная от нее и далее к Уральским горам обитавшие народы не только природою, но и обычаями ни мало не сходны с живущими в Европе» [16, с.29].

Превращение оронима Уральские горы в хороним Урал наглядно демонстрирует общекультурное значение предпринятых научных экспедиций.

Сами путешественники четко понимали особую геокультурную миссию своих экспедиций и составленных по их итогам отчетов. Не случайно, большинство из них, в том числе отчеты И.И.Лепехина, П.-С.Палласа и Н.П.Рычкова, написаны в форме путевого дневника – последовательных записей своих наблюдений и размышлений. Дневники не перегружены терминологией, а справочные материалы вынесены в специальные приложения к основному тексту. Во вступлении ко второй части своих записок Лепехин, обращаясь к «благоклонному читателю», поясняет: «Описание животных так же старался я изобразить природными словами, что в связи записок, а особливо по новости слов, делает прерывистость, и может быть многим наводить скуку. Для избежания сего, новых животных,

предводительствуем единственно десятым изданием Системы Натуры г.Линнея, включил я в особое прибавление» [12]. Отчеты не лишены занимательности: они описывают дорожные приключения путешественников, их встречи и знакомство с обычаями и нравами местного населения, а также активно цитируют местные топонимику и топонимические предания. На глазах читателей происходит открытие неизвестной страны, экзотической и опасной, что придает дневникам особую привлекательность для чтения. Установка на читабельность, дневниковый характер записей, репортажность повествования позволяют говорить о своеобразной публицистичности ученых путешествий, что, безусловно, оказывало влияние на характер восприятия представленных описаний и способствовало формированию обобщенного образа пространства путешествия.

Другая особенность дневников, которая играла немаловажную роль в этом процессе, связана была с манерой научного описания, принятой в ту пору. Увлечшись чтением «Физического путешествия по разным провинциям Российской империи», составленного академиком Палласом, Мандельштам так объяснял обаяние этих «пассивно-созерцательных натуралистических описаний»: «Систематика – гордость и слава линнеевского естествознания – благоприятствовала искусству описаний. Она породила замечательное мастерство детальных и замкнутых в себе созерцательных характеристик. У бездарных кропателей они вырождались в накопление полицейских примет, у художественно одаренных натуралистов расцветали в узор, в миниатюру, кружево. <...> Здесь барская изощренность и чувствительность глаза, выхоленность и виртуозность описи доведены до предела, до крепостной миниатюры» [14, с.365].

Попадающие в поле зрения ученых-путешественников приметы уральского ландшафта, так же как и упомянутая Мандельштамом «асиятская козявка», костюмированная

Палласом «под китайский придворный театр, под крепостной балет» [14, с.369], нередко становятся предметом пристального, почти живописного описания. Так, например, Рычков рассказал о камнях «серой шиферной и синими блестками испещренной руды»: «Лучшего в них было то, что внутри разбиваемых камней видимы были, как будто бы чернилами напечатанные ольховые деревца, которых величина и с камнем не более одного вершка, но размер древесных ветвей так порядочно сохранен, что можно с удивлением взирать на сие премудрое искусство натуры» [16, с.38].

То же самое происходит и с описанием окрестного пейзажа. Необходимая фиксация открывающегося во время путешествия ландшафта нередко превращается в небольшую поэтическую миниатюру: «Тут изобиловали ключи, журчащие при подошвах гор; там возвышались бесплотные гор хребты; чистота воздуха, пестрота растений и безмолвная везде тишина увеселяла наш взор и разум» [12, с.56]; «Разновидные гор утесы, оба берега реки Белой составляющие, представляли местами как бы древних городов развалины: иные имели вид башен, другие представляли столбы; а иные совсем походили на порядочно укрепленные места. Ущелья, представляющие ужасные пропасти, густота лесов, тесные проходы и стремнины представляли глазам нашим ту надежду, которую Башкирцы во время бунтов на природное земли совей укрепление полагали» [12, с.596]; «В десяти верстах от деревни Сарманаевой переехал я поперек Уральские горы, выходящих из пределов Ледовитого моря и простирающихся до реки Волги. Сия великая гора достойна тем более удивления, что состоит из множества гор, одной на другой стоящих, и нет ничего столь приятного для глаз, как взошед на высоты оных смотреть на исходящие из них отрасли, кои отделяясь идут особливыми хребтами. Превысокие каменные холмы видимы на поверхности отделившихся гор, а при подошве оных находятся глубокие и весьма приятные до-

лины, где протекают многие источники и реки, и коих берега украшены различными цветами, растущими по всей стране» [16, с.16]. Тем самым, записки ученых путешественников можно считать одним из первых литературных опытов создания самобытного уральского пейзажа, в котором закрепляются важнейшие его характеристики: обилие рек, густые леса, глубина и теснота горного рельефа.

Добросовестная констатация эмпирических фактов, сопровождаемая образным описанием, по мере их накопления приводит к формированию семантических презумпций – геокультурных значений, данность которых вытекает из множественности и повторяемости свидетельств. Ключевые значения при этом группируются вокруг представления о древности уральской земли. Образ древней земли, возникающий при объединении сформированных презумпций, определяет основное геокультурное значение уральского пространства в отчетах ученых-путешественников.

Древность Урала в ученых записках приобретает абсолютный характер, поскольку оказывается связанной с доисторическим прошлым Земли. На территории Урала сохранились многообразные остатки уникальной геологической системы конца палеозойской эры – Пермского геологического периода. Понятие это было сформировано только во второй половине XIX века в результате специальных исследований группы ученых под руководством знаменитого английского геолога Родерика Мурчисона. Однако рассказы об удивительных окаменелостях, найденных в горных породах Урала, к этому времени уже были широко известны, – прежде всего, благодаря заинтересованным описаниям ученых-путешественников конца XVIII века.

Одним из первых об уральских окаменелостях, т.е. остатках растений и животных, закаменевших в уральской породе, расскажет П.-С.Паллас в 1769 году. В частности, он отметит масштаб залегания этих находок. Исходя из его записей, практически все рудники вдоль реки Яик

«наполнены такими окаменелостями, почернелыми и нередко углю подобными частями дерева» [15, с.370]. Сам Паллас переправил из Оренбурга в Санкт-Петербургскую кунсткамеру корневище одного такого дерева, найденного в Твердышевском руднике. Кроме того, ученый подробно опишет окаменелые находки – «слоновьи кости, чертовы пальцы и зубчатые языки» – по рекам Туре и Исети, назвав их главными достопримечательностями этих мест [15, с.338].

Склонный к поэтическим обобщениям Н.П.Рычков в 1770 г. также достаточно подробно опишет «чудные творения природы», «как-то кости, дерево и зубы великих зверей» [16, с.104]. Рассказывает путешественник и об огромном окаменевшем дереве из Осокинского рудника «длинною шести аршин с половиною» и «превеликих кучах» этих окаменевших деревьев, выброшенных из рудника [16, с.118].

Академик И.И.Лепехин, в 1771 году исследовавший уральский северо-запад на границе Вятки и Перми, обнаружил в оврагах наслоения «известного камня с весьма мелкими окаменелыми митулитами» [12, с.231], что заставило ученого выдвинуть предположение о подводном происхождении этих пород. Чуть дальше, изучая зырянские соляные варницы по реке Вымь, Лепехин столкнулся с окаменелостями древних морских животных. По мнению ученого, это «ясно гласило: сия страна некогда составляла дно морское и самая соль морю же началом своим долженствует» [12, с.278-279].

Во всех представленных описаниях чувствуется не только ученый педантизм путешественников, но и желание подчеркнуть важность этих находок для истории уральской земли. Ученые называют их «достопримечательностями края», «чудным творением», а при перечислении разновидностей используют образные названия, очевидно, услышанные от местных жителей (например, «чертовы пальцы»). Множественность находок и особый – метафо-

рический – характер их описания формируют представление о древней таинственной земле, чьи недра таят в себе не только полезные ископаемые, но и символические богатства.

Другим важнейшим элементом образа уральской древности стал развернутый нарратив о древних жителях Урала – Чуди. Как представляется, именно ученые путешествия устойчиво закрепили в русской книжной традиции связь Урала с преданиями о Чуди.

Интерес ученых к народу, который, согласно преданиям, когда-то жил на Урале, был предопределен горноразведочными задачами уральских экспедиций. Рассказы о Чуди в основном связаны с обследованием древних копей, или «копаней», которые нередко служили ориентиром для поиска горной породы: «В четырех верстах от сего завода (*Каноникольского – прим. Е.В.*) на речке Куртлы находится старинная или так называемая Чудская копь. Тут и инде попадающаяся такие копи доказывают, что в сих местах были рудные промыслы еще за много лет до заведения металлоставильных заводов россиянами...» [12, с.97]. Не случайно, самые крупные рудники, такие как Гумешевский, Кукишинский, Синарский, были окружены старинными чудскими ямами. Гумешевский и Кукишинский рудники обследовали П.-С.Паллас и И.И.Лепехин, Н.П.Рычков писал о многочисленных чудских «копанях» по нагорному берегу Ика и рядом с Нагайбацкой крепостью. Плотность этих упоминаний заставляет согласиться с И.И.Лепехиным, который говорил о том, что чудские копани «наибольший подали повод заводчикам помышлять о заведении рудокопных промыслов...» [12, с.97].

Описания старинных разработок, сделанные учеными путешественниками, стали одним из первых свидетельств о горном искусстве древних жителей Урала. И.И.Лепехин отметил, что «...древние сих стран обитатели не только медных, но и других высоких металлов плодами пользоваться умели» [12, с.169]. Более того, ученый счел нужным

предположить, что до железных руд они не были большими охотниками. Способ добычи был отличен от современного: «...ибо они входили в землю, не делая никаких подстав, а отверстия их подкрепляла та же самая земля, которой верхи выделявали они наподобие свода» [16, с.67-68]. Ученые удивлялись чудским усердием и сноровке в опасном горном деле: «Таким образом проходили они в самые глубокие места, и свод, держащий на себе превеликую тяжесть земли, еще и доныне во многих местах не обрушился» [16, с.68]. П.-С.Паллас пишет о том, что старинные штольни «тем примечания достойнее, потому что состоят только в круглых каналах и ходах, которые ни обиты досками, ниже столбами подперты» [15, с.370].

П.-С.Паллас, описывая одну из штолен возле Оренбурга, рассказал о способе переплавки меди у древних рудокопов: «При Сайгачем руднике найдена кроме многих ширфов чрезвычайно пространная и во многих местах разработанная штольня еще в хорошем состоянии, при расчищении которой найдены не токмо лепешки сплавленной меди, но и много круглых из белой глины сделанных горшков, в которых медь плавил, да и кости засыпанных землею работников; но не видали ни малейшего следа плавильных печей» [15, с.370]. И.И.Лепехин также говорит об отсутствии плавильного производства: «... мне кажется, тщетно прилагают старания те, которые ищут примет бывших в сих местах плавильных заводов» [12, с.98].

Важное наблюдение сделал П.-С.Паллас и по поводу географии расположения чудских ям. Поскольку он обследовал всю горнозаводскую часть Урала от Оренбурга до Красновишерска, картина складывалась достаточно полная. В частности, ученый задолго до специальных археологических исследований, предпринятых только в XIX в., отметил, что на севере древних копаней, «таких как на Южном Урале и Алтайской горе», не встречается. «Из сего можно заключить, что тот нам неведомый народ, который по всей Сибири горную производил работу, не доходил до

северных лесов, но избирал откровеннейшие горы и теплейший климат,» – пишет ученый [15, с.199]. Таким образом, П.-С.Паллас был склонен связывать наименование Чуди с неким единым народом, проживающим на юге Урала и Сибири и занятым рудными промыслами.

И.И.Лепехин фиксирует в своих «дневных записках» еще один сюжет уральских преданий о Чуди. Он соотносится с коренными обитателями уральского севера – коми-пермяками и зырянами, которых называют Чудью «по старинному наименованию всех неизвестных нам соседей» [12, с.195]. Свои догадки о происхождении этнонима «пермяки» Лепехин основывает на «пермяцких сказаниях» о богатыре Перя: «Грамота сия дана была одному из Чюди, жившему на Каме верстах в 50 от того места, где ныне стоит село Гойна. Сей Чюденин, по их уверениям, был отменной силы <...> Сказуемая отменная его сила возбудила любопытство Государево, и он призван был в Москву, где в награждение ему дана была грамота за Государевой рукою на известной земли округ<...> Сей богатырь назывался Перя, из чего кажется заключить можно, что по крайней мере, его семейство называлось Перяки <...> а по времени для удобнейшего выговора из Перяков произошли Пермяки» [12, с.195-196]. Таким образом, лингвистические штудии Лепехина рекомендуют его как весьма прозорливого ученого, не склонного закреплять за именованьем Чуди какую-то конкретную народность. Тем не менее, легенда о Пере входит в контекст ученых рассказов об уральской Чуди, дополняя образ этого загадочного народа новыми преданиями.

Эрудиция И.И.Лепехина была основана на прекрасном знании летописей и трудов русских историков, касающихся уральского севера. Так, в описании Холмогор он опирается на летописные свидетельства о торговле датчан с «Чюдским народом», который не «только войною, но и купечеством своим» [12, с.321] был славен, а также на российскую историю Емина и труды Стурлезона: «...датчане

входили в Двину морскими судами и имели с тамошними Чюдами, или Чудью, торги» [12, с.321]. Упоминает Лепехин имя главного чудского идола: «Чюдской народ кланялся идолу Ямалу» [12, с.321]. Тем самым, Лепехин косвенно опровергает версию Палласа о сибирском происхождении Чуди.

Предлагая разные версии в решении вопроса о происхождении Чуди, ученые выдвигают разные подходы к формированию историко-культурной составляющей образа Урала. В то время как П.-С.Паллас отсылает читателя к сибирским корням древнего народа, а, следовательно, подчеркивает историческое родство Урала и Сибири, И.И.Лепехин связывает историю Чуди с финно-угорским населением уральского севера – коми-пермяками и зырянами. Его версия впоследствии и будет разрабатываться уральскими учеными и краеведами, воплотившись в нарративе о могущественном древнем государстве – Биармии (см. об этом подробнее в статье В.В.Абашева «Биармия и Пермь»).

В целом, исходя из геологоразведочных целей ученых-путешественников в их отчетах закрепляются, прежде всего, предания о Чуди-рудокопах. В обстоятельном перечне преданий о Чуди, составленном В.П.Кругляшовой [11], этот сюжет назван самым ранним среди зафиксированных. Подчеркнем только, что ученые путешествия стали ключевым элементом в историографии этого сюжета. Не случайно, и фольклористы, и геологи, и историки, занимающиеся исследованием горного дела на Урале, в первую очередь обращаются к отчетам ученых-путешественников.

Другим устойчивым сюжетом в рассказах о чуди становится описание древних укреплений – чудских городищ. П.-С.Паллас, склонявшийся, как уже было отмечено, к сибирскому происхождению чуди, описывая одно из укреплений на озере Няллаг, так комментирует его название: «На Южном плоском открытом сего озера береге верст восемь от Киштимского завода виден небольшой взгористой

курган тем достопамятный, что около одного примечательно весьма древнее укрепление, *от жителей по Сибирскому обыкновению Чюдским называемое (выделено Е.В.)*» [15, с.166-167]. Путешественник расспрашивает местных башкир о крепости, и не получив каких-либо объяснений, предполагает ее татарское происхождение: «Что за народ созидал сию и прежде упомянутую крепостицу, здешние окрестные башкирцы не ведают; мне кажется, что оные весьма с татарскими укреплениями сходятствуют» [15, с.169]. Паллас вынужден опираться только на свои собственные наблюдения, сопоставляя их с увиденным раньше.

Сюжетную линию, связанную с древними городищами, по-своему отобразил в своих путевых отчетах Н.П.Рычков, подробно описавший Чертово городище возле Елабуги. Опираясь на местные предания, путешественник рассказывает о древнем языческом храме, первым появившимся на этом месте: «По известиям, которые мне сообщил недалеко от Елабуги живущий заводчик Красильников, в сем месте бывал храм древних язычников, обитавших в сей стране» [16, с.45]. В храме жил оракул и «народ стекался к нему со всех сторон для вопрошения» [16, с.45]. До Рычкова также дошло предание о живущем в храме змее, которого «умилостливали приношением ... в жертву людей иноплеменных, и тем его питали» [16, с.46]. Любопытен рассказ Рычкова об «отрощенной и приятной березовой роще» [16, с.50], которую, по его мнению, почитали как христиане, так и язычники. Назначение этой березовой рощи он связывает с сохранившимся между «черемисами, чувашами и другими народами, пребывающими в глубине невежества и неверия» [16, с.50] обыкновения приносить «жертву посреди отрощенного лесу» [16, с.50]. Размышляя о происхождении крепости, Н.П.Рычков предполагает, что ее построили Болгары. Впрочем, путешественник не настаивает на своей версии, оставляя решение этого вопроса «искусным и упрямняющимся в истории» [16, с.51].

Важно, что благодаря подробному и энергичному описанию этого локуса как места проживания загадочного народа, Н.П.Рычков закрепляет в представлениях об Урале тему языческой древности.

Примыкают к чудской теме рассказы ученых о древних языческих капищах. Однако нужно отметить, что объединение этих рассказов с чудью – результат более позднего обобщения. В популярном краеведческом очерке «Пермистика» Л.В. Баньковский, пересказывая описание древнего вогульского капища в пещере под Яйвой, пишет: «И.И.Лепехин на пути из Верхотурья в Соликамск записал рассказы местных жителей о том, что пещера “служила общим капищем всего вогульского народа” и “до днесь в сей пещере можно видеть утхлые деревянные болваны, составляющие вогульское божество”. В честь божества и в дар ему “пермская чудь” предпринимала торжества и совершала ритуальные жертвоприношения» [Баньковский 2009: 128]. Вместе с тем сам И.И.Лепехин вогулов Чудью не называл. И под Яйвой и на горе Белой он посещает «вогульские капища», где по местным легендам обряды «идолослужения» «отправляли вогулы, будучи язычниками» [12, с. 85].

Перечисленные сюжеты формируют несколько устойчивых мотивов в описании уральской Чуди – искусность в горном промысле и градостроительстве, коренной характер проживания и язычество. Прагматические задачи ученых путешествий не предполагали мифологических трансформаций или эмоциональных обобщений. Используемые учеными предания всегда корректно введены в текст: каждый из путешественников считает необходимым сослаться на услышанный – чаще всего «от местных заводчиков» – рассказ. В русскую культуру со страниц путевых отчетов попал образ народа, существование которого подтверждено фактическими данными – многочисленными горными разработками, остатками городищ и капищ, а также бытующими преданиями.

На наш взгляд, ученый объективизм первых свидетельств о Чуди оказал серьезнейшее влияние на формирование отношения русской, в данном случае колонизаторской, культуры к коренному населению Урала. «Чудской текст» ученых путешествий и исследований XVIII в. демонстрировал попытку понимания Другого. Более того, внимательное погружение ученых в историю древнего севера, заставило утверждать родство чудского и русского народов: «Все писавшие о древности российского народа утверждают, что большая часть одного происходит от Чюдского поколения» [12, с.321]. В общей перспективе осмысления русской колонизации Урала факт признания Чуди в качестве своих предков принципиально меняет характер этнических взаимоотношений: снимается категоричность колонизаторского превосходства. Закрепившийся в русской культуре интерес к преданиям о Чуди отражал и одновременно формировал специфический характер русской колонизации на Урале, связанной с необходимостью взаимодействия в условиях многонационального заселения территории.

Колонизация Урала во второй половине XVIII века находилась на переломе: мятежи и бунты коренного населения тормозили развитие горнозаводской промышленности: силовая тактика исчерпала себя и мешала экономическому освоению региона. Необходимо было превратить Урал из «зоны контакта» в полноценный субъект российского государства. Российской общественности предлагались новые основания для идентификации региона – уникальной доисторической значимости территории и общности происхождения русских и коренных народностей Урала.

Действительно, следуя установке на описание Урала как целостного региона и включая в свои отчеты сведения по истории, этнографии и культуре края, ученые-путешественники конца XVIII века положили начало формированию важнейших геокультурных характеристик

уральского ландшафта. Ключевые из них сгруппировались вокруг представления о древности уральской земли. Впервые была обозначена связь Урала с доисторическим прошлым планеты: ученые единодушно назвали палеонтологические находки одной из главных достопримечательностей уральских недр. Другим ключевым элементом в развитии образа древней земли становится нарратив о Чуди – древнем народе, обитавшем на Урале. Ученые травелоги зафиксировали несколько основных топосов этого нарратива: чудские копи, древние городища и вогульские капища. Описание чудских артефактов и первая их интерпретация сформировали также сопутствующий данному сегменту уральского образа семантический контекст, связанный с историко-культурным содержанием местного ландшафта. В представлении об Урале были актуализированы темы культурно-исторической общности Урала и Сибири, родства чудского и русского народов, а также языческой природы коренной культуры региона. В общесемиотическом плане дневники закрепляют за уральским ландшафтом значения древности уральской истории, глубины и таинственности недр, а также самобытности культуры, связанной с многонациональным заселением и горнозаводским характером экономики.

Намеченные в уральских травелогах XVIII века семантические презумпции составили первый – эскизный – набросок будущего геокультурного образа Урала. Одной из устойчивых формул уральского пространства станет сформировавшееся тогда представление о его первобытной древности – геологической, палеонтологической, исторической и культурной. В дальнейшей истории уральской геоэтики это представление найдет выражение в художественно убедительных образах и сюжетах русской литературы от Д.Н. Мамина-Сибиряка до П.П. Бажова и А.В. Иванова. «Какая древняя земля, какая дремучая история, какая неиссякаемая сила», – это восклицание одного из героев, alter ego автора, Алексея Иванова, раскрывает эмоци-

ональный тон и ракурс восприятия Урала, утвердившийся в современной литературе. Характерное его образное воплощение находим, например, в описании лунной ночи в тайге у того же писателя. Луна «катится над старыми горами, которые осели и рассыпались, обнажив утесы, – так истлевают плоть, обнажая кости <...> над волшебной тайгой, сквозь которую пробираются темные, холодные реки. В небе одно на другое громоздятся созвездия. Я гляжу на них. У меня есть собственные созвездия, мои. Вот они – Чудские Копи, Югорский Истукан, Посох Стефана, Вогульское Копье, Золотая Баба, Ермаковы Струги, Чердынский Кремль» [10, с.124]. В сущности, перед нами лаконичный и емкий портрет уральского космоса, в котором сближаются подземный и космический мир, а созвездиями становятся ключевые артефакты древней истории от мифологической Золотой бабы и чудских копей до чердынского кремля и ермаковских стругов.

Таким образом, геокультурный анализ отчетов об ученых путешествиях по Уралу XVIII века позволил обнаружить истоки знаковых для уральского ландшафта образных констант, а также вскрыть механизм их превращения из семантических презумпций в устойчивые сюжетные конструкции. Подобный подход, построенный на объединении своеобразного картирования геокультурных значений и семиотического анализа, может лечь в основу универсальной методики по интерпретации отдельных текстов и явлений в перспективе общего развития локальной культуры.

Список литературы

1. Абашев В.В. Урал как предчувствие. Заметки о геопоэтике Бориса Пастернака // Вопросы литературы. 2008. №4. С.125-144.
2. Абашев В.В. Мамин Сибиряк: У истоков геопоэтики Урала // Уральский исторический журнал. 2009. №1(22). С.51-59

3. Абашев В.В. Биармия и Пермь // Сайт Пермской региональной общественной организации по продвижению культурных и молодежных проектов "КАМВА". 22 июля 2012. <http://www.kamwa.ru>
4. Абашев В.В., Абашева М.П. Поэзия пространства в прозе Алексея Иванова // Сибирский филологический журнал. 2010. №2. С.81-89
5. Абашев В.В., Фирсова А.В. План местности: литература как путеводитель // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып.4. С. 98-104.
6. Архипова Н. В.Н.Татищев – первопроходец уральской географии // Уральская старина. 2003. Выпуск № 5. <http://urbibl.ru/Knigi/uralskaya-starina>
7. Замятин Д.Н. Понятие геокультуры: образ и его интерпретации // Социологический журнал. 2002. № 2. С.5-12
8. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т.9. №3. С. 26-50.
9. Замятин Д.Н. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д.Н. Замятин. Вып. 2. М.: Институт Наследия, 2005. С. 276-322.
10. Иванов А. Географ глобус пропил. М.: Вагриус, 2003.
11. Кругляшова В. П. Жанры несказочной прозы Уральского горнозаводского фольклора. Свердловск: Уральский государственный университет, 1974.
12. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского Государства. Ч.1-4. СПб., при Имп. Акад. наук, 1771-1805. Ч. 1. 1771.; Ч. 2. 1772; Ч. 3. 1780; Ч. 4. 1805.

13. Литовская М.А. Проблемы формирования региональной мифологии: проект Бажова // Михаил Осоргин: Художник и журналист. Пермь, 2006. С.188-196

14. Мандельштам О. Читая Палласа // Мандельштам О. Сочинения: В 2-х тт. М., 1990. Т.2.

15. Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. [Пер. с нем.]. СПб., при Имп. Акад. наук, 1773-1788. Ч.1. Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768-1769 гг. 1773; Ч.2. Кн.1. Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1770 г. 1786.

16. Рычков Н.П. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 гг. Спб., при имп. Акад. наук, 1770-1772. Т. 1. 1770. Т. 2. 1772.

17. Территория как образ, который можно искусственно сконструировать в геокультуре: Беседа А.Ваганова с Д.Замятиним // Информационный выпуск РАН № 46 (23 ноября – 30 ноября 2012 года). <http://www.ras.ru/digests>

18. Цветаева М.И. Собр. соч. в 7 тт. Т. 5. М.: Эллис Лак, 1994–1995.

В.В. Абашев

**«Дикая красота и сумрачное величие...».
Панорама Урала в путевых очерках
Вас. И. Немировича-Данченко**

Важный аспект уральской литературной истории, как и словесности любого другого региона, – формирование образа этой земли в отечественной культуре [9, с.18-22]. Важно проследить, как регион из географической данности превращался в культурный феномен, как ландшафт, накапливая от текста к тексту черты культурной субъектности, становился, как это было с Уралом, «подземным царством рудников и копей», «опорным краем державы» или «хребтом России». Это длительный исторический процесс, вплетенный в движение демографического, экономико-производственного, путешественного и исследовательского освоения новой земли.

В истории формирования образа территории важен момент, когда после «лабораторного» накопления образно-символических репрезентаций в специализированной словесности [3; 5] этот образ через популярное чтение становится достоянием широкого читателя. Только тогда можно считать, что образ территории вышел из лабораторных условий существования и вошел в общий культурный оборот.

Знакомство широкого русского читателя с уральской страной можно датировать с точностью до десятилетия: это 1880-е гг. и, наконец, решающее время – рубеж 1880-1890-х гг. Главные лица в истории литературного открытия Урала Д.Н. Мамин-Сибиряк и Вас. И. Немирович-Данченко. Один коренной уралец, другой – столичный писатель. В 1888 и 1889 гг., завершая период многочисленных журнальных публикаций, один за другим вышли в

свет два тома «Уральских рассказов» Д.Н. Мамина-Сибиряка. Годом позднее была издана книга очерков В.И. Немировича-Данченко «Кама и Урал». Очерки, из которых она была составлена, до этого были также разбросаны по журналам и газетам 1880-х гг.

Практически одновременный выход книг об Урале не был случайным. Со значительной долей уверенности можно предположить, что именно появление «Уральских рассказов» Мамина-Сибиряка заставило В.И. Немировича-Данченко поспешить собрать в книгу очерки своего уральского путешествия. Он объехал Урал еще летом 1875 года. Его путевые очерки публиковались циклами, начиная с 1877 по 1884 год в журналах «Дело», «Русская речь» и «Исторический вестник», в газете «Русские ведомости»¹. Как видим, с середины 1880-х Немирович к ним не обращался, а тут вдруг собрался с книгой. И, скорее всего, с ревнивой оглядкой на Мамина.

Краткое предисловие к «Каме и Уралу» такую версию поддерживает, обнаруживая мотив писательского соперничества. Немирович хоть и отдал в предисловии должное уральскому писателю: «русская литература <...> обогатилась прекрасными сочинениями об Урале г. Мамина» [13, с.3], но акцентировал все же свой приоритет и актуаль-

¹ В.И. Немирович-Данченко составил книгу, объединив, практически не редактируя, журнальные публикации очерков в порядке их появления в печати. Всего в книге 66 главков. Печатались они циклами в следующей последовательности: Немирович-Данченко В.И. Река былых лесов (летняя поездка по Каме) //Дело. 1877. № 2, февраль. С.107-138 (будущие книжные главки с 1 по 4); Немирович-Данченко В.И. Урал (очерки и впечатления летней поездки) //Русская речь. 1881. №9. С.1-48; №10. С.1-50; №11. С.1-49; №12. С. 1-58 (главки с 8 по 32); Немирович-Данченко В.И. Река лесных пустынь (из поездки по Уралу)// Исторический вестник. 1882. Т.Х, ноябрь. С 241-274; Т.ХI, декабрь. С. 501-541 (главки с 33 по 42); Немирович-Данченко В.И. Колыбель миллионов //Исторический вестник. 1884. Т. XVI, июнь, С. 465 – 486; Исторический вестник. 1884. Т. XVII, июль. С. 98-111 (главки с 56 по 60).

ность собственной книги. Во-первых, отметил, что путешествовал по Уралу еще в 1875 году. Во-вторых, подчеркнул, что ничего нового с тех пор об Урале не было сказано: «все, что приходилось читать об этом крае, за последние десять лет, являлось для меня знакомым» [13, с.3], а потому и его очерки «не устарели».

Ситуация соперничества вероятно была взаимной. Мамин ревниво следил за уральскими публикациями Немировича и, как к живописателю Урала, относился к популярному уже столичному писателю с иронией и недоверием. Красноречивое свидетельство такого отношения проявилось в цикле путевых очерков «От Урала до Москвы». Они печатались с октября 1881 по февраль 1882 года в газете «Русские ведомости». Заметим, что параллельно маминским очеркам в журнале «Русская речь» с сентября по декабрь 1881 года публиковался цикл путевых очерков Немировича «Урал»².

Мамин на эти очерки отреагировал. Описывая берега Камы близ Перми, он упомянул «жалкие кусты» на правом берегу и тут же заметил в сноске: «Это тот самый дремучий сибирский лес, который привел в восхищение г. Немировича-Данченко, когда он любовался Камой» [11, с.221]. Коренной уралец, знаток здешних мест и трезвый наблюдатель реальной жизни он язвительно поправил самоуверенного столичного туриста с его поверхностным взглядом и склонностью к литературным эффектам, что было принято вменять в вину Немировичу с тяжелой руки сурового Н.К. Михайловского [14].

Однако приходится признать, что в данном конкретном случае Мамин был предвзят и неправ. Описание Немировича и до сих пор визуальное точно. Просто, как и

² Немирович-Данченко В.И. Урал (очерки и впечатления летней поездки) //Русская речь. 1881. №9. С.1-48; №10. С.1-50; №11. С.1-49; №12. С. 1-58. Зарисовка, которую имеет в виду Мамин-Сибиряк, появилась в сентябрьском номере «Русской речи».

Е.А. Вердеревский за 40 лет до него [4, с.111], Немирович осматривал закамские дали с высокого берега Камы, а не с палубы парохода как Мамин. Отсюда и разница в картине. Но красноречива, как улика, пристрастность замечания. В Немировиче, как авторе уральских очерков, Мамин увидел литературного соперника, претендующего на его писательскую территорию.

Между тем у Немировича все же были основания претендовать на первенство в открытии Урала. Не только потому, что он по праву чувствовал себя первопроходцем темы, не только потому, что на рубеже 1880-90-х гг. Немирович был, пожалуй, более известным и уже популярным журналистом и писателем. Но главное, что в очерках Немировича собственно образ Урала развернут с большей полнотой и художественно-образной интенсивностью, чем в «Уральских рассказах» Мамина. И дело тут не в масштабе таланта, а в авторской интенции и в жанровом содержании. Немирович писал путевые очерки, изначально предполагающие сосредоточенность на поисках *Couleur locale*: «Меня давно манило в самую глубь Урала...».

Существенную роль играла также степень текстовой концентрации. В сущности, и содержательно и стилистически Немирович и Мамин во многих отношениях близки, но то, что у Мамина рассеяно по многим текстам, у Немировича сфокусировано в одном большом произведении. Собственно и такой знаток Мамина как И.А. Дергачев замечал, что в большинстве рассказов первого тома собственно уральского у Мамина немного. Мамин рассказывает «о путях и судьбах передовой русской интеллигенции в условиях политической реакции новых социальных антагонизмов» [7, с.48]. Только во втором томе в очерках «Бойцы» и «Золотуха» Мамин, по словам того же И.А. Дергачева, рассказывая о сплаве по Чусовой и уральских золотых приисках, обращается к самобытно уральским темам и колориту.

Было у Немировича еще одно – и решающее – «преимущество»: преимущество позиции внешнего наблюдателя. Фигурально это преимущество проявляется в ситуации с видом Закамья: с высокого речного берега открывался лесной океан, с палубы парохода замечались «жалкие кусты» на низменном берегу. Мы имеем в виду преимущество взгляда со стороны. Немирович на Урале в силу естественной позиции внаходимости оказывался более чувствительным к специфике чужой для него жизни и к особенностям нового ландшафта. Обострял силу взгляда и опыт путешествий. До поездки на Урал Немирович основательно изучил русский Север, путешествовал по Волге и Каспию, бывал в Малороссии и на Кавказе и обладал, как показывает его путевая очеркистика, развитым чувством места [17].

Важно подчеркнуть, что именно определение авторской позиции или установка взгляда в очерковой книге Немировича становятся предметом особой авторской рефлексии. Взгляд и позиция Немировича в отношении к малоизвестному уральскому миру выстроены в повествовании в осознанном и принципиальном дистанцировании от позиции, олицетворенной типом петербургского чиновника, приехавшего на Урал с «ученой целью». Не однажды в разных обликах он встречается на страницах книги – и в натуре, и в рассказах попутчиков. Петербуржец характеризуется тем, что высокомерно не видит, не замечает здешней жизни. Впервые этот персонаж появляется в главке XIII «Вверх по Каме...»:

«Между нами оказался чистокровный петербуржец. Шляпа точно сейчас из витрины у Брюно, щегольской сюртучок, какие-то прюнелевые летние ботинки. *Монокль* в глазу (курсив наш – *А.В.*) и на лице улыбка снисходительного благоволения ко всему окружающему.

— Вы куда? - спрашивают его.

— Командирован! И в голосе слышится: вы де со мной поосторожней.

— Зачем?

— С уче-но-ю целью! отчеканил он, точно сверху вниз» [13, с.145].

На ритуальное одобрение собеседников из местных: рады, мол, что о них вспомнили, - ученый петербуржец замечает с раздражением: «У вас ничего не увидишь!» Оказалось, что гостеприимные уральцы от «ученых» запросов петербуржца отделиваются обильными бедами и ужинами. И тому есть вынесенный из опыта общения с высокопоставленными особами резон. «Вы <...> на нашего спутника полюбуйте, - делятся попутчики с повествователем, - Ишь у него палевые прюнелевые ботинки; ну как он в них по нашим горам ползет. Неужели в своей жакетке в рудники опускаться станет? <...> Мы ведь видим, кому что нужно. Явится этакий ветер, ну, угостим обедом, честь честью <...> и ступай себе дальше. Вы копните-ка его. Думаете, действительно интересуется чем. Ни Боже мой! Для него вопрос: скоро ли его камер-юнкером сделают, гораздо интереснее всяких других соображений. А тоже – «с ученою целью» (С.146). Собеседникам Немировича на камском пароходе вторит позднее ямщик, везущий автора на Косьву. Ему тоже приходилось иметь дело с учеными петербуржцами: «Много знают ваши ученые, много они видели... Помалкивай уж... Вон они какие – чуть дорога похуже, лягут на брюхо <...> Эдак мало усмотришь» [13, с.378].

Тип чиновного петербуржца не раз всплывает в рассказах Немировича об Урале, неизменно олицетворяя позицию, которую в беседе с путешественником резюмирует управляющий заводами кн. Абамелек-Лазаревой Н. Н. Новокрещенных: «В Петербурге не только не знают России, но и не заботятся узнать ее» [13, с.474]. Это взгляд, который высокомерно не замечает ничего вокруг себя уверенный в собственном превосходстве. И *монокль* петербуржца не столько оптическое орудие, умножающее воз-

можности зрения, сколько маркер социального превосходства.

Дистанцируясь от такой политически, социально и психологически мотивированной позиции высокомерной слепоты и нежелания знать, В.И. Немирович-Данченко в качестве повествователя декларирует стратегию пристального и солидарного с окружающим вглядывания в новую малоизвестную землю и своеобразный уклад жизни ее обитателей. «Зорко присматривался», «всмотрелся <...> еще с большим интересом», «внимательный взгляд туриста» заметил [13, с. 27, 249, 432], - такими автокомментариями, подчеркивая внимание и пристальность взгляда, сопровождает Немирович свое поведение в ситуациях путешествия.

Он пристально всматривался в окружающее, что и позволяло различать и живописный красочный слой своеобразной местной жизни, и ее второй план. «Опять пошли меловые горы, - любитесь он камскими берегами, - Вон две бабы взползают вверх. Точно два маковых цветка, от кумачного платья, в которое они одеты. Посмотрел я в *бинокль* (курсив наш – А.В.). Проделяют ступеньку, станут на нее и следующую высекают. Танталов труд» [13, с.147]. За красочной подробностью ландшафта – алые пятна на белоснежном фоне, - скрывается социальная подоплека: женщины заняты тяжким и опасным трудом на добыче известняка. Оптические инструменты – *монокль* у петербуржца, *бинокль* у путешественника, – в контексте темы выступают как метафоры качества и остроты взгляда, общего отношения к жизни.

Уроки пристального вглядывания дают повествователю его попутчики, люди из гущи той самой жизни, которую он стремится узнать. С таким «героем зрения», мастером вглядывания и всматривания он встречается в самом начале путешествия, в очерке «Лоцман Терентий», открывающем книгу: «Дно - он точно ладонь свою видит, все выпуклины, гребни, морщинки на нем ясны ему до того,

что умей он взять в руки карандаш, начертил бы их безошибочно» (С.9). Лоцман различает симптомы глубины на поверхности: по оттенку цвета воды, по особенностям течения и десяткам других, одному ему видимых, примет. Он безошибочно различает очертания и детали судна, которое чуть показалось на горизонте. «Ему и бинокля не надо» [13, с.14], - комментирует капитан парохода. Такое «напряжение внимания» [13, с.10] вызывает неподдельное восхищение повествователя: «Зоркость необычайная и для меня <...> непонятная» [13, с.14]. Такой же урок непостижимой зоркости он получает у кизеловского старожилы, восьмидесятилетнего старика: «А ты посмотри. Тут главная причина - смотреть надо, и тогда откроется тебе» [13, с.223].

В опоре на собственный взгляд и в солидарной общности с народным опытом видения и понимания жизни повествователь резюмирует свою стратегию взглядывания в уральский мир: «Я смотрел на уральскую действительность не сквозь одни свои очки (курсив наш – А.В.): мне помогали в этом деле все, начиная от простых рудокопов и кончая заводскою администрацией» [13, с.218].

Так обеспечивается и поддерживается общая интенция литературного путешествия Немировича-Данченко в Прикамье и на Урал – охватить в максимальной широте и подробностях жизнь неведомой еще земли с ее яркой и суровой природой и сложившимся своеобразным укладом жизни и открыть ее России. Как аспект этой общей интенции рождается стремление привлечь, заинтересовать читателя. Вот Немирович озирает с восторгом причудливое и в свете заката кажущееся фантастическим нагромождение скал на реке Косье и недоумевает, почему эту красоту никто не знает? «Протираешь глаза себе - куда попал я? Неужели это уголок России? Отчего же где такой здоровый воздух, такие чудные окрестности, такие поэтические виды, - отчего сюда не направляются наши скучающие туристы?..», -

задается он до сих пор актуально звучащим в России вопросом [13, с.433, 434]¹.

В итоге усилий к познанию России и русского человека в его особом уральском складе Немировичу-Данченко удалось создать впечатляющую, исполненную «дикой красоты и сумрачного величия» [13, с.430] картину Уральской страны [10, с.41-42]. Именно так. Очерки Немировича открывают читателю целый своеобразный мир, где «в вечном мраке рудника гном-человек ценою невероятных усилий отнимает у земли ее глубоко схороненные сокровища; где одинокие старательские артели в глуши дремучих лесов по целым месяцам выживающие у золотоносных рек, еще не намеченных даже на карте; где высокие горы стали на самый рубеж студеного сибирского царства, точно заслоняя Россию от его ледящего дыхания» (С.617). Собственно это пусть и отмеченная некоторой публицистической риторичностью, но все же первая геопозитивная формула Урала, предвещающая его будущие определения вплоть до «хребта России» [1].

Основной принцип изображения Урала в очерках В.И. Немировича-Данченко можно определить как панорамность. Прежде всего, на уровне предмета изображения: очерки отличает панорамность путешественного охвата пространства. Маршрут Немировича впечатляет пространственным охватом региона. На пароходе из Нижнего Новгорода Волгой и Камой он добрался до Перми, оттуда пароходиком же поднялся вверх по Каме до строгановского Усолья. Из Усолья долиной реки Яйвы доехал до Кизела, где надолго остановился. Живя в Кизеле, объездил его окрестности: посетил Александровский завод, Луньевку и

¹ Ср. те же lamentации у Мамина: «...Чусовая – дикая река, и эта дичь пугает российских путешественников, художников и ученых. Они привыкли наслаждаться южным небом, красотами моря, а на Чусовой не встретишь шотландских коттеджей, ни швейцарских шале, ни итальянских вилл, ни поэтических развалин старинных замков и крепостей». [11, с. 211].

Шабурное, то есть Всеволодо-Вильву. Покинув Кизел, переехав через гору Белый Спай, Немирович добрался до поселка Няра в среднем течении горной реки Косьвы. Из Няра на лодке-«душегубке» с двумя гребцами поднялся вверх по реке до Троицкого рудника. Оттуда вернулся в Няра, где снова нанял лодку и по Косьве, минуя Губаху, спустился до Камы и заехал в Чермоз. Из Чермоза он вернулся в Пермь, а оттуда Сибирским трактом через Кунгур, Суксун, Бисерть и Билимбай доехал до Екатеринбурга и объездил его окрестности. Из Екатеринбурга Немирович отправился в Верх-Нейвинск, оттуда в Невьянск, потом в Нижний Тагил, далее в Верхнюю и Нижнюю Салду, объезжая демидовские заводы и рудники. Даже если не считать водный путь до Перми за 3 месяца, с конца мая до начала сентября Немирович проехал не менее полутора тысяч верст по Прикамью и Уралу: где экипажем, где на подводе, где на лодке-душегубке, а где и пешком.

В беглом обзоре маршрута мы назвали только его опорные точки. Между тем в повествовании каждая такая точка становится центром обзора окрестностей. Немирович по пути замечает и втягивает в повествование, где более развернутым описанием, где беглым замечанием или простым упоминанием, десятки соседствующих поселений, гор, речек, урочищ. Это важный компонент повествования у Немировича – насыщенность топонимами. «Только до одной Ослянки и Няра, по тому пространству, по которому мы только что проехали, - рассказывает Немирович-Данченко о сплаве по горной реке, - Косьва приняла в себя более двадцати речек. <...> Рассольная, Большая Чирковая, Малая Чирковая, Ершовка, Гремяча, Малая и Большая Усвинки, Тоскаиха, Рассолка, Сухая, Ломовая, Ослянка, Ташковка, Полуденная — одна красивее другой» [13, с.430]. Перечни топонимов создают впечатление развертывающейся в путешествии карты Урала. Сотни топонимов размечают пространственные перспективы повествования, связывая ход рассказа с географией

местности, вписывают точку или locus путешествия в сетку координат географической карты.

Панорамность как повествовательный принцип не исчерпывается, конечно, пространственно широким охватом территории и ее художественным картированием [2, с.98-100].

В приведенном выше суммирующем описании, где Урал предстает царством рудников и золотых приисков, щитом, берегущим Россию от «леденящего дыхания» Сибири, присутствует ясное видение этой земли в общей геопанораме России. И это принцип повествования. Рассказывая об Урале, В.И. Немирович-Данченко соотносит виденное с другими краями России, прежде всего, с хорошо знакомым ему Поморьем и Волгой¹, берега Камы он сравнивает в волжскими и берегами Дона, находя то сходства, то различия. Показательно в этом смысле, вызвавшее сарказм Мамина-Сибиряка, описание лесных закамских далей из Набережного сквера в Перми: «Не оторвешься от них, как не оторвешься от картин Заволжья с нижегородского откоса, от саволакских далей с горы Пойю в Финляндии, от вида Подола и Заднепровья в Киеве...» [13, с.134]. Река Кизел напомнила путешественнику «Тириберку на Мурмане», хотя «последняя обставлена более грандиозными массами полярных гор» [13, с.216], а цветы шиповника, заполнившего долину Яйвы, показались гуще

¹ С 1869 по 1874 год В.И. Немирович-Данченко провел в ссылке в Архангельской губернии, где служил в канцелярии архангельского губернатора. В губернском статистическом комитете он собирал сведения о народах Севера. По делам службы и личному почину он объездил весь край, и литературная известность Немировича началась с публикации очерков и рассказов о Севере. Вскоре отдельным изданием вышла книга «Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами» (СПб., 1875). Чуть позднее он путешествовал по Волге и Каспийскому морю, впечатления о которых отразились в книгах «По Волге» (СПб., 1877) и «В море» (М., 1897). Иными словами, на Урал В.И. Немирович-Данченко приехал опытным литературным путешественником со своей образной картой России.

цветом, чем виденные в Лапландии. Сравнивая виды Урала с другими местами, Немирович вводит их таким образом в широкий ряд ландшафтной типологии России.

Панорамность у Немировича - принцип повествования, действующий и на уровне структуры повествования и на уровне отдельных его компонентов. Он проявляется, например, в ландшафтно-пейзажных описаниях. В.И. Немировича-Данченко любит именно панорамные описания окрестностей с вершин гор и холмов. Выразительны описания вида долины Яйвы с горы у деревни Камень, панорамы окрестностей Кизела с вершины Коршуновской копи, вида на вершины Уральского хребта с вершины горы Белый Спай, вид излучин Косьвы и горы Ослянки из дома управляющего Троицким рудником, вида с Суксунской горы, панорамы Екатеринбурга с Плешивой горки, панорамы Верх-Нейвинска и его окрестностей с Сухой горы [13, с.206; 264,264; 376,377; 415, 416; 524,525; 588; 642].

Для подобных описаний характерно особенное внимание к ориентации в пространстве. Развертывая описание, Немирович всегда располагает детали видимого ландшафта относительно наблюдателя, фиксирует их ориентацию по сторонам света, меняет планы от общего до крупного: от мерещащихся далее до внезапно укрупненной, словно рассмотренной в бинокль, детали. Он строит зримую карту окрестностей, как бы втягивая в линию маршрута окружающие его просторы.

«Внизу под нами Косьва, - развертывает Немирович описание вида из дома управляющего Троицким рудников, - делает пять излучин и образует два прелестных острова <...> Налево гора Троицкая, вся изрытая рудниками, за ней вечные снега и ягелевые пастбища Ослянки... Противоположный берег тоже весь заставлен горами. Это какой-то хаос скал, лесистых склонов, голых вершин... Быстро течет мимо них река, гремя в бесчисленных переборах. Вода до того чиста, что мы отсюда под солнечными лучами видим дно ее, с высоты полутора фута... Узенькие душе-

губки (тип лодки – *А.В.*) замерли у берега, рядом тоже замерла засмотревшаяся в воду хорошенькая девочка. Под ее ногами река делает маленький каскад, и ребенок смотрит - не насмотрится» [13, с.416]. Здесь хорошо проявляется важный конструктивный принцип описаний Немировича: он вводит читателя в оптическую работу разглядывания окрестностей, подчиняя описание блуждающему движению взгляда. Иными словами, повествователь вовлекает читателя в собственную работу визуального конструирования ландшафта.

Ландшафтно-пейзажные фрагменты Немировича хорошо иллюстрируют мысль исследователей поэтики пространства, что конститутивным элементом места как феномена культуры является «усилие, которое прилагает созерцающий субъект», что наблюдатель «создает бытие места, обращая на него свой пристально разглядывающий взор» [16, с.179]. Важно и то обстоятельство, что погружение в сиюминутную ситуацию рассматривания ландшафта придает описанию спонтанность и свежесть, преодолевая нередко у Немировича литературную банальность определений вроде «прелестный» и т.п. Этот принцип делает возможным сближение в одном абзаце далекой заснеженной вершины горы Ослянки с водоворотом речных струй вокруг ног ребенка, вызывая эффект первозданности вида.

Принцип панорамности сказывается не только в многочисленных ландшафтно-пейзажных описаниях. На уровне структуры повествования ее обеспечивает также интенсивное использование чужого слова. «Смотрел на уральскую действительность не сквозь одни свои очки, мне помогали в этом деле все, начиная от простых рудокопов и кончая заводскою администрацией» [13, с.218], - означает, в частности, что В.И. Немирович-Данченко максимально расширяет охват действительности, включая в свой рассказ чужие рассказы.

Немирович насыщает повествование рассказами встречаемых им в путешествии людей, стремясь воссо-

здать их слово во всем индивидуальном речевом колорите. Некоторые их таких рассказов образуют целые вставные новеллы, как, например, рассказ помещика любителя псовой охоты о том, как он променял любовницу на пса Зефира или рассказ о камской разбойнице Фелисате, быличка о Демидове, который подстрелил лебедя и тем самым, как оказалось, смертельно ранил свою красавицу любовницу [13, с.89-90; 449-452; 461, 462]. В.И. Немирович-Данченко щедро расцветчивает колоритными историями свое повествование, явно любясь цветистостью речевого материала. Но важно другое. Жадно вслушиваясь в рассказы уральцев, записывая их, Немирович погружается в стихию местного мышления, выделяет и акцентирует важные константы этого сознания, запечатленный в рассказах образ мира.

Разорившиеся помещики и чувствующие себя хозяевами жизни купцы, управляющие заводами и инженеры, ямщики, лесорубы, рабочие заводов и рудников, старатели, крестьяне и выбившиеся из привычной жизненной колеи колоритные чудаки, - их личные истории, рассказы о производстве и экономике, о ремесле, бытовых обычаях и происшествиях, а также местные легенды и предания широко раздвигают рамки повествования. В том числе и пространственные. Рассказы попутчиков и проводников вводят в рассказ Немировича новые географические горизонты: «Мой спутник был старожиллом кизеловского завода. На сотни верст кругом не нашлось бы холма и утеса ему неизвестного» [13, с.218]. Рассказы золотоискателя Егора Ивановича Жмаева - от них «веет простором и привольем сибирской тайги» - заставляют повествователя живо вообразить золотоносные реки, «засыпанные снегом вершины сумрачных гор и ропот океана у отвесных скал Камчатки» [13, с.607].

Принципиально важную роль в очерках играют легенды и предания об уральской старине. В.И. Немирович-Данченко вплетает в свое повествование десятки расска-

занных ему попутчиками легендарных рассказов о деяниях Ермака, Строгановых, Демидовых. В итоге временной горизонт повествования резко расширяется, удаляясь ко времени культурных героев русского Урала, его первостроителей. При этом рассказы о культурных героях связываются с урочищами, приобретая тем самым зримую пространственную проекцию: «Начиная от Елабуги и выше, что ни место - то былина» [13, с.70]. Каждое урочище становится уроком, рассказом, овеществленным в ландшафте - в нагромождении скал, в пещере, повороте реки: «Тут Строгановы татар били, там татары поймали Строгановых и мучили их, вымогая признаний, где зарыты их сокровища. Вон на этой горе они изжарили на медленном огне старика, а рядом один из Строгановых схватил изуверов и двенадцать человек их закопал живьем в землю... Три дня головы их виднелись над нею, пока несчастные не погибли в страшных мучениях. Народ здесь, как и везде. Что бы кем ни было сделано - припишут Строгановым, что бы с кем ни случилось - случилось со Строгановыми. Бил какой-нибудь «разбойный» человек мирные поселки пермяков - это Ермак» [13, с.561, 562]. Существенен эстетический итог насыщения повествования местными преданиями: «Миром легенд кажется вся эта даль, заставленная мрачными горами» [13, с.561].

Своими путевыми очерками В.И. Немирович-Данченко открывал богатый нарративный потенциал Урала. В щедрой россыпи сотен чужих рассказов, рассеянных по повествованию, встречаются сюжетные мотивы, которые впоследствии будут развиты в прозе писателей Урала. Так, в рассказах о Ермаке обнаруживается сюжет будущего бажовского сказа «Ермаковы лебеди»¹, в рассказе о

¹ «По Чусовой, когда Ермак подымался, так лебедь ему показывал дорогу, впереди плыл, где отмели или камни, лебедь в сторону сворачивал, и атаман тоже забирал стороной. Поэтому по всему Уралу теперь лебеди в большой милости. До них никто не дотронется». [13, с. 462]

встрече в медном руднике в Нижнем Тагиле встречаем сюжетный мотив, который будет развит в сказе «Таюткино зеркальце»¹. В разговоре с рабочим на Кизеловском заводе возникает даже параллель к «Доктору Живаго»: к приданию о кузнеце Вакхе, выковавшем себе железное нутро².

Но помимо развернутой пространственно и исторически панорамной картины Урала в очерках В.И. Немировича-Данченко есть нечто иное – масштабное художественное обобщение об уральском мире. «Меня давно манило в самую глубь Урала», – в этих словах помимо их прямого смысла, находит выражение замысел найти сущность, тайну горной страны. Очерки Немировича объединены в единое, развивающееся целое не только маршрутом путешествия, но и пунктирно намеченным сюжетом поисков подлинного Урала, «погружения в глубину». Эту подлинную глубину Урала он находит в рудниках и на заводах у доменных печей и бессемеровских конвертеров.

Не только природные ландшафты служили источником сильных эстетических переживаний Немировича, но и своеобразная, потрясающая нечеловеческим размахом поэтика горнозаводского дела. В очерках встречается замечательная в своем роде формула: «техническое дело [на Урале] принимает сказочные размеры» [13, с.738]. И другое важное замечание, характеризующее авторское видение: «Я <...> был потрясен <...> обстановкой заводского дела, его картиной, его художественным целым» [13, с.738]. «Художественное целое» Урала открывается Немировичу

¹ «Направо ячейка. Сумрачный рабочий <...> возится в ней; рядом с ним трехлетняя девочка: бледная, большеглазая... <...> - Сиротка она, ответил за нее рабочий. Жена у меня померла – оставить ее не на кого; ну, я и беру ее с собою, пока подрастет... Все она лопочет по-своему – мне и повеселей». [13, с. 721].

² «Десять полуштофов сегодня я с утра выпил и не пьян. И очень мне это обидно. Так мне это обидно, так обидно. Значит, я нутра снова решил, и что ж мне теперь делать? Вытравил нутро-то. – Новое вставь! Железное. Из хорошего листового железа. [13, с. 255]

в органической связи природных ландшафтов и горнозаводского производства, природы и трудовой жизни здесь-него человека.

Как каждый камень и скала оказываются окаменевшей историей, так каждый рудник – хранителем тайны. Спускаясь в рудник, повествователь находит на его сводах таинственные письмена: «При свете взятых с собою свечей изломы угля ярко светились на черных стенах штольни. Казалось, в подземном царстве открылся нам волшебный грот с таинственными надписями, звездообразными знаками, непонятными символами, скрывающимися под своими причудливыми зигзагами тайны, недоступные смертному. Символами этими были изборождены и своды грота. Следы ударов от кайл повсюду. Можно подумать, что в этой черной, подземной пещере было заключено какое-то громадное, могучее чудовище, в бессильной злобе исцарапавшее стены своими сильными железными когтями» [13, с.266].

В этом фрагменте на глазах переходит переключение из плана воображения в план действительности и обратно, в план воображения. Сначала открывается «волшебный грот с таинственными надписями», затем уже надписи объясняются прозаической причиной – следы ударов кайла, но сразу за этим включается тератологическое объяснение – следы железных когтей чудовища, заключенного в пещере. Кстати заметим, что на подобном переключении горизонтов от действительности к воображению и обратно строится масса описаний Немировича. Как раз в описании горнозаводского дела: рудников и металлургических процессов – Немирович проявляет не только осведомленность и наблюдательность, но и дает волю поэтическому воображению. В них и концентрируется образ Урала.

Особенно примечательны для анализа очерки «Огненные змеи и железные люди» о Кизеловском заводе и «Храм Бессемера и таинство претворения» о металлургии

ческом производстве в Нижней Салде, но можно также привести и очерк «Домна», и множество фрагментов с описаниями рудников и металлургических заводов.

В очерках о металлургических процессах Немирович ближе всего подходит к мифопоэтике Урала. Переделка чугуна в железо и выплавка стали изображаются им то в терминах космогонии, то в терминах таинственного сакрального архаического культа, а порой, и это особенно интересно и важно, он отсылает к представлениям об алхимическом процессе. Вот космогоническая интерпретация металлургического процесса: «Воображение невольно работало, подсказывая сравнения, создавая целые картины. Эта громадная черная лаборатория превращалась, раздвигаясь, в лабораторию миров, где неведомые существа ковали из огня и железа мириады звезд, разбрасывая их снопами, струями и ливнями во тьму еще неодоухотворенной вселенной. В высоте чудится присутствие господствующего духа. Действие первых сил, творящих и созидающих, выражалось в страшном грохоте, в свете газов, стремившихся занять свое место в пространстве, в ударах раскалывающихся чудовищных метеоров, в стихийном шуме световых тел, носившихся в высоте. Материал, из которого создавались все эти тела, казался неистощимым. Огненные печи творящего божества выпускали его без конца. А мириады звезд все дальше и дальше уносились в бесконечность, в пространство, которому еще не создано ни меры, ни уподобления. Работа шла без усталости. Руки прикованных к этим мировым очагам чудовищ не знали напряжения, не знали пределов своей силы. Мне казалось, что вот-вот и я сейчас же понесусь вслед.

– Ты опять пьян! – раздалось над самым ухом.

Мировой лаборатории как не бывало. С небес я стремглав слетел на землю. Действительность, одна действительность была кругом» [13, с.249, 250].

Автор на глазах читателя переключает горизонты повествования, но иронические отсылки к действительности

не отменяют ни яркости, ни интенсивности образной ткани, ни мифопоэтической перспективы, открывающейся в сравнениях Немировича. Не отменяют, потому что воображение не произвольно, оно проникает в подлинную символическую глубину предмета.

Очень важны алхимические коннотации в очерке «Домна», и особенно ярко они проявлены в очерке «Храм Бессемера и таинство претворения». И в том, и в другом металлургический процесс описан в терминах «древнего таинства языческого культа» [13, с.238], и домна или конвертер Бессемера представляются «храмом, в котором совершается чудное таинство претворения никуда не годной горной породы в металл» [13, с.239].

Эти коннотации в очерке «Храм Бессемера» особенно очевидны, и само описание системно. Здесь домна, пристроенная к скале, напоминает какое-то «вавилонское сооружение», «железная пещера», где установлен конвертер Бессемера, превращается в «языческое капище невидимого, но страшного бога», главный инженер – в жреца, техники – в таинственных алхимиков [13, с.738; 740; 741; 742], а сам процесс бессемерования чугуна становится священнодействием, родственным космогоническому процессу. В металлургических очерках Немирович-Данченко кажется максимально близким к универсальной мифопоэтике кузнечного и металлургического дела, завораживающе описанной Мирча Элиаде в работах «Вавилонская космология и алхимия» (1937) и «Кузнецы и алхимики» (1956) [15, с.78–140; 141–270].

Стоит отметить, что в очерке «Храм Бессемера» встречается отсылка к стилевому ориентиру фантастических описаний В. И. Немировича-Данченко. Это поэтический эпос Виктора Гюго. Если бы знаменитому французу довелось побывать в металлургическом цехе уральского завода, он бы, не сомневаясь Немирович, «нарисовал бы поразительно грандиозную картину рождения звезд и планет из общей стихийной жидкости» [13, с.742]. Скорее все-

го, Немирович имел тогда в виду космические видения в поэмах «Бездна» (Abîme), «Комета» (La Comète) и «Là-haut» (Наверху) из второй серии «Легенды веков», вышедшей в 1877 году. Здесь, в «Легенде веков», как считают знатоки французской литературы, Гюго «добился небывалого роскошества живописных образов, блистающих феерических картин и пылающих красок» [8, с.23], уподобляя воображение поэта «виденью некоего демиурга, созерцавшего мир сквозь время и пространство» [12, с. 436]. В описании уральских заводов Немирович явно склонялся к эстетически близкому ему романтическому гиперболизму Виктора Гюго. Знание творчества французского поэта проявляется и в других местах повествования.

В очерках Немировича намечена основа своеобразной теллурически ориентированной уральской антропологии, которая получит развитие и в прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка [1]. Место и дело, мастерство определяют тип человека, его характер, даже его телесность. Кровная, телесная связь человека с недрами – вот принцип этой художественной антропологии. «В каждом горнозаводском округе выработался свой народный тип, - замечает Немирович, - Рабочие из Луньевки, Александровского и Кизеловского заводов очень непохожи на таких же в Невьянске, или Кыну. Работая на одном и том же деле, они складывались при чрезвычайно различных условиях». [13, с.704].

Немирович замечает, что уральцы «по своим нравственным качествам» резко делятся по двум главным отраслям горного производства: металлурги и золотоискатели. Металлург «так же не похож на лихорадочного, беспокойного золотоискателя, как, например, мексиканец не похож на неразговорчивого, спокойного американца-скваттера» [13, с.635]. «Золото, – продолжает размышлять Немирович, – <...> роковым образом влияет на людей, добывающих его из недр земли. Кажется, что это именно тот бесовский клад, который, по зароку схоронивших его

убийц, нельзя получить, не оставив на его месте <...> своей души» [13, с.635].

Размышление о людях железа развертывается у Немировича едва ли не в миф. Железо, приводит он уральскую поговорку, – «металл строгий». «Железо дает <...> целые поколения сумрачных и строгих людей, которым чужды сангвиническое легкомыслие старателей и их покладистая совесть. <...> На железном деле люди много думают, имеют за частую дело с машинами; сверх того, если верить местным психологам, своим внутренним организмом складываются в твердые, стойкие формы, как будто чугун и железо передают им свои основные качества» [13, с.635].

Немирович записывает рассказы, демонстрирующие особый склад восприятия и мышления у «железных» людей. Например, рассказ о своеобразных заводских «поэтах», замороженных магией металлургического процесса. У плавильных печей встречаются рабочие, видящие в «переливах огня, в сверкающей массе металла, всевозможные образы. То река льется в серебряных берегах и вырастают на них золотые дворцы и храмы. То море из белого пламени разливается шипучими волнами; ходят над ними морские чудовища, огненная буря шумит, налетая на них. То клочкотание геены огненной, точно перед задумчивым рабочим разверзаются в этой печи врата адовы» [13, с.253].

Таким образом, в очерках Немировича мы обнаруживаем не только со знанием дела прописанную социальную и экономическую феноменологию Урала, но и уральскую онтологию и антропологию. Онтология Урала у Немировича приобретает черты сакральной реальности. Повествователь путешествует в поисках настоящего, подлинного, глубинного Урала. Так позднее герой повести «Веселые братья» Николая Гумилева отправится к таинственному городу в глубине уральских гор. Погружаясь в глубину Урала, Немирович попадает в «Храм Бессемера» (этим очерком завершается путешествие), где творится ал-

химическое таинство претворения черного чугуна в сияющую солнцеподобную сталь. Сакральным центром Урала оказывается металлургический завод.

В очерках Немировича есть видимое противоречие. Следуя конвенциям того же социологического реализма 1880-х гг., в русле которого работал Д.Н. Мамин-Сибиряк [7, с.8], Немирович трезво описывает, как хищнически организованная горнозаводская промышленность уничтожает природу Урала, он рисует жестокие картины обнищания и нечеловеческих условий труда на рудниках и заводах, вводит в повествование множество статистических данных, характеризующих масштабы производства и его финансово-экономические показатели, положение рабочих.

В то же время эстетически ему близка романтическая традиция с ее тягой к масштабным обобщениям, яркой образности, чувствительностью к мифопоэтическому плану действительности. Его увлекает размах и поэзия горнозаводского дела. Оказывается, что на более глубоком уровне, онтологически, заводы связаны с этой суровой, мрачной и таинственной природой и ее выражают. В заводах и рудниках природа продолжается и обнаруживается в своем существовании, они-то и вводят в ее глубь – в подземное царство.

Природа и производство в поэтике очерков В.И. Немирович-Данченко обнаруживают тайное сродство, он чувствует движение теллурических энергий в уральских ландшафтах. Поэтому для ландшафтно-пейзажных описаний В.И. Немировича-Данченко характерно подчеркивание динамизма ландшафта, его готовности прийти в движение. Так, например, описывая панораму окрестностей Верх-Нейвинска с вершины Сухой горы, он заставляет двигаться горные гряды: «Кругом каймами, грядками, перепутавшимися узлами поднялись крутые горы. Одни кряжи хотят точно переброситься через другие, сливаются и снова разделяются, принижаются, чтобы тотчас же гордо выдвинуть остроконечный пик. Их то окутывают зеленые облака ле-

сов, то серые скалы взрезают их скаты снизу...» [13, с.640, 641].

И это не единичный пример, а тенденция к динамизации статичного ландшафта. Характерно в этом отношении как Немирович использует клишированное сравнение покрытых лесом горных гряд с застывшими морскими волнами. Такое сравнение постоянно встречается и в описаниях Мамина. Но вот что происходит у Немировича, когда он, к примеру, описывает панораму окрестностей с «вышки коршуновской шахты» близ Кизела. «Точно волны океана застыли в момент спокойной зыби, так отлоги, так мягки эти горы, - начинает он описание традиционным сравнением, но тут же приводит риторические «волны» в движение: - Кажется, вот-вот они проснутся и покатаются зелеными грядками к каким-то неведомым берегам. И все эти шахты и заводы, как корабли застигнутые ветром, закольшутся на мерно волнуемом просторе этого величавого моря». Еще большую пластическую убедительность картине пришедшего в движение ландшафта придает следующее свежее сравнение: «Вон между двумя, окаменевшими в форме гор волнами вынырнула и точно ждет попутного ветра, вся на виду, маленькая белая церковь, кажется уже распутившая свои паруса» [13, с.264]. Буквализация оживляет клишированный троп, и он дает важную смысловую проекцию: эти горы и леса полны внутренней жизни, динамики.

С таким внутренним динамизмом уральского ландшафта, его пульсацией органически связан, определенный тем же ландшафтом строй труда и производства. «Прииск в самой долине – обводит взглядом повествователь золотой прииск под Невьянском, - Кругом вершины Урала, точно они надвигаются на нее отовсюду... В мгlistое время почудится, что кругом прииска не каменные горы, а обложили его тяжелые массы непроницаемых туч. Зато внизу кипит и шибко бьется всеми своими бесчисленными пульсами упорный труд человека» [13, с.674].

Органическое единство уральского ландшафта, его недр и человеческого труда объединяет очерки Немировича мыслью об Урале как целостном своеобразном мире, что и дало впоследствии основу для концепции горнозаводской цивилизации. В этом существенном В.И. Немирович-Данченко дополнял художественное исследование Урала в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка. Их трудами Урал из географической данности превращался в суггестивный топос русской литературы.

Список литературы

1. Абашев В.В. Д.Н. Мамин-Сибиряк: У истоков геопозтики Урала // Уральский исторический вестник. №1(22). 2009. С.51-59.
2. Абашев В.В. Фирсова А.В. План местности: литература как путеводитель // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2010, Вып. 4 (10). С.98-104.
3. Анисимов К.В. Урал глазами путешественников: мифопоэтика, идеология, этнография // Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV – XVIII вв. Екатеринбург, 2006. С.21-51.
4. Вердеревский Е.А. От Зауралья до Закавказья // В Парме. Пермь, 1988. С.57-130.
5. Власова Е.Г. У истоков образа Урала: отчеты об ученых путешествиях конца XVIII в. // Культурная и гуманитарная география. 2013. Том 2, № 2. С. 159–171. URL: <http://www.gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/73>
6. Дергачев И. А. Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка - историко-литературный парадокс // Известия Уральского государственного университета. 2002 № 24. С. 5-8.

7. Дергачев И.А. Д.Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870-1890-х гг. Новосибирск, 2005.
8. Евнина Е.М. Виктор Гюго // Гюго. В. Девяносто третий год. Эрнани. Стихотворения. М., 1973. С.5-29.
9. История литературы Урала. Конец XIV – XVIII в. М., 2012.
10. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М., 2010.
11. Мамин-Сибиряк Д.Н. От Урала до Москвы. Путевые заметки // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений: В 12-ти тт. Свердловск, 1951. Т.12. С.131-287.
12. Моруа А. Олимпио или жизнь Виктора Гюго. М., 2011.
13. Немирович-Данченко Вас. Ив. Кама и Урал (очерки и впечатления). СПб., 1890.
14. [Михайловский Н.К.] Рецензия на: Немирович-Данченко В.И. Подневольные странники. Очерки и рассказы. 2 тома. СПб., 1877; Его же. Страна холода. СПб., 1877. Его же. По Волге. Очерки и впечатления летней поездки. СПб., 1877 // Отечественные записки. 1877. №3. С. 96-99. Вторая пагинация. (Новые книги).
15. Элиаде М. Азиатская алхимия. М., 1988.
16. Ottum L. Discriminating Vision: Rereading Place in Wordsworth's Guide to the Lakes // Prose Studies. Vol.34. №3. December 2012. P.167-184.
17. Rose G. Place and Identity: A Sense of Place // A Place in the World. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 87–132.

В.В. Абашев

**Увидеть Урал: ландшафтные описания
В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-
Сибиряка**

Одна из принципиальных – и новаторских – особенностей проекта академической «Истории литературы Урала» состоит в том, что ее авторы в литературную историю региона вписывают процесс формирования ее геокультурного образа, рассматривая его как интегральный компонент истории культуры Урала [3, с. 18-22]. Ставится задача проследить, как из географической данности Урал превращался в культурный феномен, как ландшафт, от текста к тексту накапливая черты культурной субъектности, становился агентом течественной культуры – «подземным царством рудников и копей», «опорным краем державы» и «хребтом России».

Процесс формирования образа Урала, вплетенный в движение демографического, экономико-производственного, путешественного и исследовательского освоения новой земли, исторически длителен и включает несколько этапов. В истории формирования представлений о территории важен момент, когда после «лабораторного» накопления образно-символических репрезентаций в специализированной словесности [13, с. 21-51][1, с. 159-171] образы земли через популярное чтение выходят к широкому читателю. Когда это произошло с Уралом можно датировать довольно точно: рубеж 1880-1890-х гг. Главные лица в истории его литературного открытия Д.Н. Мамин-Сибиряк и Вас. И. Немирович-Данченко. В 1888 и 1889 гг., один за другим вышли в свет два тома «Уральских рассказов» Д.Н. Мамина-Сибиряка. Годом позднее была издана книга очерков В.И. Немировича-Данченко «Кама и Урал».

Они во всем разные, эти писатели. Один коренной уралец из демократических слоев духовенства, проживший скромную и скорее замкнутую и печальную жизнь, другой – уроженец Тифлиса, дворянин, сын офицера украинца и армянки, исколесивший полмира, склонный к авантюрам и обладавший на редкость мажорным отношением к жизни. В истории литературы их соединил Урал, – для Немировича один из эпизодов его странствий по России и миру, для Мамина – родина и главная тема всего творчества.

Исследование вклада Д.Н. Мамина-Сибиряка и В.И. Немировича-Данченко в литературное открытие Урала, в создание образа этой земли – задача увлекательная и многоаспектная. В настоящих заметках мы попробуем наметить подход к пониманию лишь одной ее грани – особенностей ландшафтно-пейзажных описаний Урала у этих писателей. Такой выбор вряд ли требует обоснования: ведь именно природные ландшафты составляют важнейший – и «видимый» – компонент образа территории.

Проза Немировича с точки зрения не то что пейзажа, но и поэтики в целом у нас совсем не изучена. Сказывается до сих пор инерция иерархически-ценностного подхода к изучению отечественной словесности: массовая литература и XIX, и XX вв. остается для нас *terra incognita*. Мамину-Сибиряку в этом смысле повезло значительно больше. Статус регионального культурного героя – «певца Урала» – обеспечил ему постоянное внимание литературоведов, уральских по преимуществу. Его творческое наследие достаточно хорошо изучено и продолжает оставаться предметом внимания в многочисленных исследованиях. Среди них есть отдельные работы, посвященные ландшафтно-пейзажным описаниям Мамина [2, с. 38-56][4, с. 49-64][11, с. 191-193]. В них есть ценные наблюдения, но, на наш взгляд, пока не предложено целостного взгляда на ландшафтное видение Мамина, его принципы. В существующих работах ландшафтно-пейзажные описания рассматриваются в отвлечении от вопроса о концепции простран-

ства, особенностей его восприятия и без учета активности наблюдателя. Именно этот аспект и будет в центре нашего внимания.

Сразу стоит оговориться, что у нас нет цели, выяснять, кто из них, Мамин или Немирович, больший художник. И у того, и у другого есть замечательные пейзажные описания, и у того и другого встречаются и на вкус современного читателя детали, сохранившие художественную суггестивность. Например, у Мамина в «Бойцах» «весна гудела на улице, точно в воздухе катилось какое-то громадное колесо» [9, с. 185]. Или у него же в «Золотухе» колористическая феерия заката: «Вечерняя заря догорала, окрашивая гряды белых облаков розовым золотом; стрелки елей и пихт купались в золотой пыли» [9, с.362]. А вот, возможно, прямой предшественник сакраментального «звука лопнувшей струны: «Где-то издали слышится резкий и звучный крик лебедя... Точно какая-то металлическая толстая струна лопнула, и последний предсмертный крик этой струны дрожит над молчаливой окрестностью»[12, с.417]. Это у Немировича и, кажется, комментаторы Чехова пока не заметили очевидной параллели¹. Вот, кстати, лишнее подтверждение необходимости изучать массовую литературу. Она образует ту общую почву, в которой созревают и мотивы литературы высокой.

Прежде всего, скажем, у Мамина и Немировича в их ландшафтно-пейзажных описаниях много общего. Репертуар риторических средств описания у них схож: та же порой несколько наивная антропоморфизация деталей ландшафта, с уклоном в сказочный колорит (деревья и скалы – великаны или воины и т.п.), сравнение гор, покрытых лесом, с застывшими морскими волнами, сравнение нагро-

¹ Среди литературных прецедентов упоминаются стихи Гейне, стихотворение в прозе Тургенева «Нимфы» и рассказ «Бежин луг», более ранний рассказ Чехова «Счастье». См.: Катаев В.Б. Литературные связи Чехова. М., 1989. С.249-250.

мождения скал с руинами фантастических городов. Даже в частностях они порой совпадают. И тот, и другой постоянно обыгрывают сравнение очертаний пихт и елей с линиями готических соборов. Любопытно было бы выяснить, кстати, из какого источника они почерпнули эту архитектурную метафорику?

И все же хотя Мамин, и Немирович пользуются средствами выразительности из общего арсенала средств художественно-публицистического языка, их манера вполне индивидуальна.

Прежде всего, отметим существенную и естественную, вытекающую из жизненного и писательского опыта разницу в их позициях наблюдателей. Что касается Мамина, то, как это уже отметил в свое время И.А. Дергачев¹, в ландшафтных описаниях он часто употребляет формулы географической уникальности. Несколько примеров: «Погода стояла великолепная, как это бывает только в конце июля на Урале» [9, с.345]; «летнее утро было хорошо, как оно бывает хорошо только на Урале» [6, с.241]; «над Самосадкой стояла прелестная летняя ночь, какие бывают только на Урале» [10, с. 135], «весенняя белая ночь стояла над горами, над лесом, над рекой. Такие ночи бывают только на Урале [7, с.48]. При этом толь настойчиво декларируемая

¹ «Л. Толстому, как и И. Тургеневу, не надо было рисовать локальный пейзаж, говорить о его определенной географической мете: личные эмоциональные состояния или философское самоосмысление личности в процессе созерцания природы не могут быть “местными”. Реализм же Мамина-Сибиряка, социологический по всем принципам, тяготеет к реально обозначенным географическим определениям пейзажа. Жизненная конкретность, которая, разумеется, есть у Толстого, Тургенева, и та же конкретность у Мамина-Сибиряка имеют разные параметры. В рассказах уральского писателя это проявляется в настойчивом обозначении географического места, к которому прикреплён пейзаж». См.: Дергачев И. А. Пейзаж у Д. Н. Мамина-Сибиряка: школа, структура, функция // Д. Н. Мамин-Сибиряк – художник: Сб. науч. тр. / Отв. редактор Г. К. Щенников. Свердловск, 1989. С. 52.

уникальность, не вполне проявляется в описании, которое остается в рамках литературной конвенции. В этом смысле характерно описание летней ночи в «Золотухе». Начинается оно привычной декларацией: «Трудно себе представить что-нибудь оригинальнее уральской летней ночи» [9, с. 330]. Но по мере развертывания описания, опытный читатель узнает в нем вариации знаменитой гоголевской ночью.

Иной взгляд на виды Урала у Немировича. Река Кизел, замечает он, «живо напоминала мне реку Тириберку на Мурмане, только последняя обставлена более грандиозными массаами полярных гор» [12, с.216]. В долине Яйвы его окружили заросли шиповника, и он снова вспоминает картины русского севера: «Шиповнику гибель, и аромат его наполняет окрестность. Нежные лепестки несутся по ветру. Меня поразило главным образом не то, что он забрался так далеко к северу: летом шиповник можно встретить и в Лапландии, по пути от Колы к Кандалакше, - а густая окраска его цветов» [12, с.213]. Как видим, если Мамин декларирует уникальность уральских видов, то Немирович, напротив, встраивает их в ландшафтную типологию страны.

В этом расхождении проявляется структурное различие точек зрения писателей по отношению к Уралу: внутреннего и внешнего наблюдателя. Как мы знаем, полнота эстетического освоения предмета обеспечивается позицией вневходимости, дистанцией. Ведь и коренной уралец Мамин подчеркивал, что увидеть Урал ему помог опыт жизни вдали от него. «Нужно было долго пожить вдали от родины и потолкаться среди разного чужого люда», - писал он в автобиографии, - чтобы «перед <...> глазами выступила с особенной рельефностью бойкая и оригинальная жизнь» Урала [8, с.8]. «Региональное пространство в сознании Мамина, - пишет один из современных комментаторов писателя – это родной мир, который неотделим от внутренней сущности автора» [4, с. 64]. Это комплимен-

тарное (в контексте высказывания) суждение, обнажает в то же время и проблему. Не был ли Мамин слишком внутри Урала, чтобы вполне оценивать меру его своеобразия? И не потому ли он так настойчиво, из чувства местного патриотического априори, декларировал уникальность уральских ландшафтов.

У Немировича в сравнении с Маминым было все же преимущество дистанции. Мы имеем в виду преимущество взгляда со стороны. Немирович на Урале в силу естественной позиции внаходимости оказывался более чувствительным к специфике чужой для него жизни и к особенностям нового ландшафта. Обострял силу взгляда и опыт путешествий. До поездки на Урал Немирович основательно изучил русский Север, путешествовал по Волге и Каспию, бывал в Малороссии и на Кавказе и обладал, как показывает его путевая очеркистика, развитым чувством места. Увиденное на Урале воспринималось им а фоне геопанорамы России.

Приведем описание Немировича, вызвавшее, кстати, едкий комментарий Мамина, - вид на закамье с высокого пермского берега. «Противоположный берег низмен и, насколько хватит взгляд, верст на пятьдесят вперед покрыт сплошным величавым северным лесом. Отсюда, сверху видны только вершины этого леса, уходящего в бесконечность, мерещущиеся и там, где уже ничего нельзя разобрать... Матовые, мягкие, бархатистые зеленые облака... Не оторвешься от них, как не оторвешься от картин Заволжья с нижегородского откоса, от саволакских далей с горы Пойю в Финляндии, от вида Подола и Заднепровья в Киеве... Ужасно напоминает эта даль одну из лучших картин барона Клодта, где все полотно залито могучей ширью северного лесного царства» [12, с.134].

Здесь ярко проявляются два важных момента. С одной стороны, та же тенденция вписать новые виды в ландшафтную типологию России. С другой, очень важное проявление эстетических представлений, – апелляция к живо-

писи как более совершенному в запечатлении ландшафта искусству. В такой апелляции Мамин и Немирович единодушны. Они в голос повторяют, что как де жалко, что наши художники еще не добрались до Урала, не запечатлели его видов, что слово бессильно передать его красоты, что природа – великий художник. Но в какой мере каждый из них в своих ландшафтных описаниях ориентируется на эстетику станковой картины. Что касается Мамина, в его описаниях настойчиво появляются элементы живописного кода.

Из них особенно важен эффект рамы, как бы отделяющий наблюдателя от ландшафта. Приведем один из многочисленных примеров - описание лесной панорамы в «Золотухе»: «На западе, из-за зубчатой стены хвойного леса, придавленной линией, точно валы темно-зеленого моря, поднимались горы все выше и выше; самые дальние из них были окрашены густым серо-фиолетовым цветом. Вся эта картинка прииска была вставлена в темно-зеленую раму дремучего хвойного леса, заполонившего все кругом на сотни верст» [9,с.85]. И еще один пример из «Бойцов»: «Распахнув окно (вот она – рама – А.В.), я долго любовался расстилавшейся перед моими глазами картиной бойкой пристани <...> любовался Чусовой, которая сильно надулась и подняла свой синевато-грязный рыхлый лед, покрытый желтыми наледями и черными польнями, точно он проржавел; любовался густым ельником, который сейчас за рекой поднимался могучей зеленой щеткой и выстилал загораживавшие к реке дорогу горы» [9, с.85]. Эти описания проявляют важную особенность пейзажей Мамина. В ценностно-смысловом плане повествователь находится у него как бы вне описываемого ландшафта. Он разглядывает его, любуясь завершённой картиной, созданной великим художником - природой.

Иными словами, в ландшафтно-пейзажных описаниях Мамина эстетически доминирует ориентация на станковую живопись. Поэтому даже если он описывает динамический

процесс в его ландшафтах преобладают моменты статической завершенности. Характерно в этом смысле описание паводка на Чусовой в «Бойцах». «День выдался пасмурный. Горы казались ниже, по серому небу низко ползли облака не облака, а какая-то туманная мгла, бесформенная свинцовая масса. Чусовая играла на славу, как вырвавшийся из неволи зверь. С глухим ревом и стоном летел вниз пенистый вал, шипучей волной заливая низкие берега и с бешеным рокотом превращаясь на закруглениях береговой линии в гряды майданов, то есть громадных белых гребней. Картина для художника получалась самая интересная: в этом сочетании суровых тонов сказывалась могучая гармония разгулявшейся стихийной силы» [14, с. 234]. Замыкающая описание фраза мгновенно умиротворяет разгул стихии, превращая его в гармонию «сочетания суровых тонов» на полотне воображаемого художника. Живопись выступает моделирующим началом повествования.

Немирович, в своих описаниях также нередко апеллирует к живописи. Вот по дороге на Артемовский рудник наблюдает «нигде не повторяющиеся картины великого художника – природы», вот, рассматривая берега Косьвы, сетует на бессилие слова: «не опишешь - рисовать надо» [12, с. 225, 429]. Однако, в самой ткани описаний элементы живописного кода встречаются редко и складывается представление, что у Немировича апелляции к живописи утрачивают содержательный характер и скрывают существенный сдвиг в манере изображения ландшафта. Этот сдвиг связан с активизацией присутствия наблюдателя в описании.

В подтверждение приведем типичное для него ландшафтное описание. В.И. Немировича-Данченко любит панорамные описания окрестностей с вершин гор и холмов. Выразительны описания вида долины Яйвы с горы у деревни Камень, панорамы окрестностей Кизела с вершины Коршуновской копи, вида на вершины Уральского хребта с вершины горы Белый Спай, вид излучин Косьвы и горы

Ослянки из дома управляющего Троицким рудником, вида с Суксунской горы, панорамы Екатеринбурга с Плешивой горки, панорамы Верх-Нейвинска и его окрестностей с Сухой горы [12, с. 206; 264,264; 376,377; 415, 416; 524,525; 588; 642].

Остановимся для примера на последнем из перечисленных - описании вида Верх-Нейвинска с Сухой горы: «На север виден Тагил, кругом верст на сорок открываются дали, то полные сурового и мрачного величия, то приковылающие к себе взгляд идиллическою прелестью долин и полей, раскидывающихся под вами. <...> Дальше всего видно на юг. *Вон* два пруда... Сегодня, после вчерашних туч и холода, солнце пригрело землю и пруды, точно клочки голубого неба улыбаются из своих глубоких падей. Между ними — серебряная нить извилистой <...> Нейвы. Кое-где, далеко, ложатся темные черточки просек. Из лесов поднимаются дымки. *Мерещатся* какие-то пятна; только *вглядевшись, отгадываешь* в них захолустное село, или затерянный в глуши завод. Внизу, прямо под ногами, разбегаются во все стороны белые улицы Верх-Нейвинска; прямо подо мною две церкви, круглое башенное строение, где помещается управление завода и другие дома. Кажется, *на этот золотящийся крест храма можно спрыгнуть. Крыша его — вот тут.* Видны голуби, засевшие на ней... *Вон*, направо, голубеет какая-то речонка: то спрячется в рощу, то забежит за утес, то снова и совсем уже неожиданно покажется и блеснет <...> На запад вершины грозных и сумрачных гор заслонили даль. Между ними и покрытой лесами пониью, подступающей к самому Верх-Нейвинску, — Рудянское озеро. *Мы видим только ближайшую кайму его* — дальше оно переходит в туманную полосу. Туманная полоса точно сливается с небом, и на нем уже висят вершины, точно они не имеют ничего общего с землею, точно сейчас повеет ветер и унесет их далеко, далеко... На север — целый стан гор и холмов. <...> Между ними дорога в Нейвинск то выбежит желтым зигза-

гом, то опять уйдет... Редки золотые пятна овсяного посева, редки зеленые разливы логовин... <...> *Вон гора Верхнего Тагила смелым взлетом рванулась в высоту — да не удалось ей отделиться от мощно захватившей ее земли; и так стоит она, одинокая, недовольная, утопая в небе, малящем ее к себе (курсив мой – А.В.)*» [12, с. 642].

Как видим, в сравнении с Маминым, в пейзажных описаниях Немировича активность наблюдателя, субъекта описания обнаруживается более явно, возникает эффект работы разглядывания, всматривания в окружающее. Это процесс в ходе развертывания описания обнаруживает себя, например, в ориентирующих жестах, отмеченных, в частности, указательными местоимениями - *вон*. Они создают эффект спонтанности, сиюминутности происходящего. Наблюдатель обнаруживает себя не как абстрактная точка зрения, а непосредственно в спонтанности процесса наблюдения, рассматривания. Важно отметить симптоматичное проникновение в описание ландшафта сигнатур телесности наблюдателя, обостряющих эффект спонтанного оптического процесса. Во-первых, Немирович акцентирует само усилие взглядывания: *«мерещатся», «вглядывшись, отгадываешь»*. Во-вторых, в описании открывается живое ощущение пространства, провоцирующего ответный телесный жест: *«Кажется, на этот золотящийся крест храма можно прыгнуть. Крыша его - вот тут»*.

Итак, что происходит в этом описании? Немирович описывает не законченную картину великого художника — природы, он воссоздает работу зрения, взглядывания в пространство. У него взглядывание и создает картину, проявляет ландшафт из пространства. В сущности, акцент изображения смещается на развертывающееся пространство. И в эту работу разглядывания он включает читателя. Возникает эффект спонтанности, мы втягиваемся в сиюминутное становление ландшафта.

Активность наблюдателя, проявляющаяся в работе взглядывания, присутствует и в отдельных ландшафтных

описаниях Мамина. «Горы были покрыты диким дремучим лесом. Ели и пихты, как рать великанов, заполнили все кругом на сотни верст, только их готические вершины выскакивали из этой сплошной темно-зеленой массы и придавали ландшафту строгий, угрюмый характер. Вглядываясь в эту траурную зелень, глаз отыскивал и здесь оригинальную могучую красоту: свет и тени, резкие контуры и темные цвета складывались здесь в удивительную картину» [5, с. 140]. Как видим, работа зрения у Мамина и Немировича разнонаправлена. Вглядываясь в ландшафт, Мамин проявляет в его хаосе законченную картину, которая описывается в терминах живописи: «свет и тени, резкие контуры и темные цвета». Немирович включает читателя в процесс становления ландшафта в развертывающемся перед взглядом пространстве.

В итоге у Немировича происходит динамизация ландшафта - в него вводится процессуальность, момент становления. Уже отмечалось ранее, что и Мамин, и Немирович часто сравнивают гряды покрытых лесом гор с застывшими морскими волнами. Это стертый общелитературный троп. Но вот что происходит с ним у Немировича: «С вышки коршуновской шахты видны окрестности, верст на сорок кругом. Точно волны океана застыли в момент спокойной зыби, так отлоги, так мягки эти горы. Кажется, вот-вот они проснутся и покатаются зелеными грядами к какому-то неведомым берегам. И все эти шахты и заводы, как корабли застигнутые ветром, заколышутся на мерно волнующемся просторе этого величавого моря. <...> Желтыми змеями по лесам разбегаются дороги. Не то озеро, не то ручной плес светится направо. Клочок голубого неба, заброшенный в лесную дрему. Вон в смутном тумане синей дали мерцает у горы такое же озеро <...> светится как звезда, прорезывая отраженным сиянием своим этот <...> прозрачный, смолистым ароматом напоенный воздух. Вон между двумя, окаменевшими в форме гор волнами вынырнула и точно ждет попутного ветра, вся на виду, маленькая

белая церковь, кажется уже распутившая свои паруса» [12, с. 264]. Пронизывающее описание горного ландшафта (и спровоцированное им) чувство полета это телесное переживание наблюдателя, спроецированное на расстилающееся перед ним пространство.

Два типа переживания пространства отпечатлеваются, таким образом, в ландшафтно-пейзажных описаниях Мамина и Немировича не как окончательные и исключительные формы, а как тенденции. Переживание ландшафта как чего-то ставшего, окончательного, отложившегося в эстетически завершенных формах отличает Мамина. Тактильно телесное переживание пространства как разворачивающейся живой стихии намечается у Немировича. У Немировича был своего рода восторг пространства, вовлеченность в его разворачивающееся движение. И это позволило ему увидеть, чувственно ощутить в уральском ландшафте его смысл - движение теллурических энергий.

Список литературы

1. Власова Е.Г. У истоков образа Урала: отчеты об ученых путешествиях конца XVIII в. // Культурная и гуманитарная география. 2013. Том 2, № 2. С. 159–171. URL: <http://www.gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/73> (дата обращения 26.09.2015)

2. Дергачев И. А. Пейзаж у Д. Н. Мамина-Сибиряка: школа, структура, функция // Модификации художественных форм в литературном процессе. Д. Н. Мамин-Сибиряк – художник: Сб. науч. тр. / Отв. редактор Г. К. Щенников. Свердловск, 1989.

3. История литературы Урала. Конец XIV – XVIII в. М., 2012.

4. [Кунгурцева Н.А.] Уральский ландшафт в произведениях Мамина-Сибиряка 1880-х гг. //Творческое наследие Д.Н. Мамина-Сибиряка: Итоги и перспективы изучения. /Под общей ред. О.В. Зырянова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2013.

5. Мамин-Сибиряк Д. Н. В камнях //Собрание сочинений в 10 т. М., 1958. Т. 1. С. 140.

6. Мамин-Сибиряк Д. Н. Горное гнездо. В горах. Екатеринбург: Изд-во «Сократ», 2002.

7. Мамин-Сибиряк Д. Н. Избранные сочинения. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1953.

8. Мамин-Сибиряк Д.Н. От Урала до Москвы. Путевые заметки //Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений: В 12-ти тт. Свердловск, 1951. Т.12.

9. Мамин-Сибиряк Д.Н. Полное собрание сочинений в 20-ти тт. Екатеринбург: Изд-во «Банк культурной информации», 2011. Т.5.

10. Мамин-Сибиряк Д. Н. Три конца. Екатеринбург: Сократ, 2002.

11. Мельникова А.В. Уральский ландшафт в малой прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка первой половины 1880-х годов //Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. №.1(2).

12. Немирович-Данченко. Вас. Ив. Кама и Урал (очерки и впечатления). СПб., 1890.

13. Ранние нарративы об Урале исследованы в работах: Анисимов К.В. Урал глазами путешественников: мифопоэтика, идеология, этнография //Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV – XVIII вв. Екатеринбург, 2006.

14. Мамин-Сибиряк Д.Н. Полное собрание сочинений. Т.5.: Уральские рассказы. Екатеринбург, 2011.

А.В. Фирсова

**Литературное картирование Перми
в путеводителях**

Литературное картирование пространства – особый вид функционирования художественного текста в социуме, при котором сюжеты известных литературных произведений, а также эпизоды биографии писателей становятся полноценным компонентом культурного ландшафта, наполняют его новыми смыслами, определяют новую реальность места [2]. В топографии города появляются особые литературные места: дом писателя, адрес литературного героя, точка панорамного осмотра [27]. В некоторых случаях, литературные места «обрастают» туристской инфраструктурой – возникают мемориальные объекты, музейные комплексы, пункты питания, сувенирные магазины. Литературное место способно инициировать различные социально-культурные практики: тематические фестивали, литературные экскурсии, театральные постановки. Все это позволяет нам говорить о той особой *картирующей* функции, присущей известным литературным произведениям [3].

Термин *картирование*, который мы применяем по отношению к литературному произведению, на наш взгляд, уместен. Дело в том, что *создание образов места* – одна из общих функций карты и текста. По словам К.А. Салищева, картографическое изображение – это образно-знаковая модель, воспроизводящие ту или иную часть действительности в схематической (генерализованной) форме, при этом картографическому моделированию доступны не только внешние формы, но также сущность и внутренне содержание явлений [4]. Так и в художественном произведении присутствует содержательный образ пространства, который влияет на восприятие места. Художественный

текст, имеющий культурную активность на протяжении веков, хранит память обо всех предшествующих контекстах. Во многом, благодаря литературе, в пространстве одновременно содержатся как современные, так и мифологические, исторические пространственные образы, символы и стереотипы.

Предельно конкретно функция литературного картирования пространства проявляется в туристской литературе – путеводителях и справочных изданиях о городе. С точки зрения содержания, путеводители предлагают разнообразный материал для анализа. На наш взгляд, они генетически связаны с жанром литературных путешествий и шире – с *литературой путешествий*, к которой в XVIII–XIX вв. относились: 1) научно-популярные географические и историко-этнографические очерки; 2) литературные путешествия. Современное литературоведение, определяя феномен литературы путешествий, отмечает, что именно в этом жанре переплелись два начала: документальное и художественное, и наиболее полно реализуется идея жанровой свободы. Путешествие как литературная форма дает максимум возможностей для ничем не ограниченного выбора предметов изображения и столь же свободного, по воле автора, перехода от одного предмета к другому [14]. Организующим началом путешествия выступают маршрут и авторское начало, именно они вносят порядок в разрозненные впечатления и создают единую Картину Мира. Определение, данное в Литературном энциклопедическом словаре, обращает наше внимание на прикладной, информационный характер жанра: «Путешествие – литературный жанр, в основе которого лежит описание путешественником достоверных сведений о каких-либо незнакомых читателю странах, землях, народах» [18]. Данная дефиниция практически приравнивает литературный жанр к специальной туристской литературе – *путеводителю*, которые стремятся к определенной универсальности и функциональности и представляют собой *синтез* двух видов

литературы путешествий – научно-популярных очерков и путевой беллетристики.

Путеводитель – это справочник, содержащий необходимую туристу информацию: особенности страны посещения, климат, валюта, религия, гостиницы, кафе, достопримечательности, транспортная доступность, точки лучшего панорамного обзора, практические советы по экономии личных средств. Нередко путеводители содержат карты, схемы, фотоиллюстрации. В зависимости от полноты изложения и особенностей авторского стиля, разделим путеводители на две основные группы. 1) *Информационно-справочные* – краткие, фактографичные, стиль изложения близок к хронике, рекламной статье, описаны основные достопримечательности, даны стандартные туристские маршруты, схемы, карты (например, Lonely planet или Le Petit Fute). 2) *Беллетризованные путеводители* – подробные, с обилием любопытных фактов, авторских рассуждений, стиль изложения близок к очерку, эссе, журналистскому расследованию, уделено внимание культурному контексту, широко используются цитаты, ссылки, наряду с традиционными маршрутами даны нестандартные экскурсии, в интерпретации тех или иных событий присутствует позиция автора (например, серия путеводителей «Оранжевый гид» или «Путеводители с Дмитрием Крыловым»). В то же время, для двух видов путеводителей актуальной остается задача – выявить уникальные характеристики места, *создать его образ*. И с этой целью, современные авторы охотно обращаются к локальному литературному наследию, используя его с прагматической целью – обозначить уникальные достопримечательности, проложить экскурсионные маршруты, создать образ места. В подобном взаимодействии текста и места реализуется картирующая функция художественной литературы.

Слияние двух видов литературы путешествий – научно-популярных очерков и путевой беллетристики в туристских путеводителях мы можем проследить на перм-

ском материале. Совершим обзор путеводителей по Перми в период с 1904 по 2012 гг., и выявим круг писателей и ряд художественных текстов, которые неизменно присутствуют в туристской литературе о Перми. Иными словами, обозначим то литературное наследие, что выступает в качестве туристского ресурса территории.

Перми, по словам Д.Н.Мамина-Сибиряка, «посчастливилось по части истории края» [20]. С одной стороны, в столичных журналах «Отечественные записки», «Русские ведомости», «Вестник Европы» др. публиковались путевые очерки: «Дорожные записки» П.И. Мельникова-Печерского (1842) «От Зауралья до Закавказья» Е.А.Вердеревского (1857), «От Урала до Москвы» Д.Н. Мамина-Сибиряка (1881), «За Урал. Из скитаний по Западной Сибири» Н.Д. Телешова (1897), которые воспринимались современниками не иначе, как беллетризованный путеводитель. С другой, в Перми на протяжении XIX в. издавались многотомные труды по истории, географии и статистике края: «Пермский сборник» Д.Д. Смышляева (1859), «Очерки из истории губернского города Перми» А.А.Дмитриева (1889), «Пермская летопись» В.Н. Шишонко (1887), «Географический очерк Пермской губернии» И.Я. Кривошекова (1906). Связующим звеном двух традиций описания города стала книга В.С. Верхоланцева «Город Пермь, его прошлое и настоящее (1913). Автор учитывал опыт летописцев Перми, но в тоже время стремился написать книгу популярную, легкую для чтения, адресованную широкому кругу читателей. Не случайно, много внимания Верхоланцев уделил настоящему городу. Книга представляет собой своеобразный срез культурной и экономической жизни Перми рубежа XIX-XX вв., описывает повседневные и праздничные занятия пермяков, музыкальную, театральную, церковную жизнь, круг чтения. Автор использует литературный материал: вводит цитату из «Дорожных записок» П.И. Мельникова-Печерского: «Пермь <...> построена правильнее Нью-Йорка: ровные

большие кварталы, прямое и параллельное направление улиц и переулков бросаются в глаза при первом взгляде» [11]; ссылается на очерки «Бойцы» Д.Н. Мамина-Сибиряка при описании Черного рынка; упоминает рассказ «Мелочи архиерейской жизни» Н.С. Лескова как комментарий к деятельности священства. В разделе «Выдающиеся деятели и уроженцы Пермской губернии» даны сведения о Ф.М. Решетникове и Д.Н. Мамине-Сибиряке. Заслуживает внимания рецензия на книгу, опубликованная в столичном журнале «Исторический вестник»: «Настоящая книга Верхоланцева с интересом прочтется не только земляками-пермяками, но и может служить *отличным путеводителем* (курсив наш – А.Ф.) и справочником относительно Перми» [6].

Если мы обратимся к собственно туристской литературе, то увидим, что одна из первых книг «Иллюстрированный путеводитель по Уралу» В.А. Весновского (1904), содержит раздел «Урал в характеристиках ученых, писателей, художников и поэтов». При описании ландшафта, климата, природы, автор использует цитаты из очерков Д.Н. Мамина-Сибиряка, Г.И. Успенского, Н.Г. Гарина-Михайловского [11].

Далее, в традициях советского краеведения, каждое справочное издание включает краткую биографическую справку о писателе в связи с объяснением городской топонимики (названия улиц, скверов, парков) либо, для того чтобы обозначить знаменитых людей, связанных с краем. Именно так выглядит издание В.Чижова «Пермь в экскурсиях» (1926), где отмечены имена А.Ф.Мерзлякова, Ф.М.Решетникова и Д.Н.Мамин-Сибиряка [12].

В послевоенное время, с возобновлением пассажирского движения по Волге и Каме, появляется ряд путеводителей о речных городах центральной России. Встречу с Пермью предваряют цитаты из очерка П.И. Мельникова-Печерского; прогулка вдоль Камы проходит вдоль сквера Ф.М.Решетникова, сквера Д.Н. Мамина-Сибиряка и сопро-

вождается справками об уральских писателях; на ул. Карла Маркса указан дом, где останавливался А.Н. Радищев на пути в Сибирь; в связи с темой ссылки упомянуты А.И. Герцен, В.Г. Короленко; дана информация о пребывании в Перми Г.А. Успенского, А.П. Чехова, А.М. Горького, В.В. Маяковского [12, 16].

В справочных изданиях 1964-70-х гг. рассказ о писателях включен в раздел «Пермь в их жизни» [23, 24]. Даны справки о жизни и творчестве: А.Н. Радищева, А.Ф. Мерзлякова, П.И. Мельникова-Печерского, А.И. Герцена, Ф.М. Решетникова, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.А. Кирпищиковой, В.Г. Короленко, Ф.М. Достоевского, Д.Н. Мамина-Сибиряка, А.П. Чехова, В.В. Маяковского, В.В. Каменского, Д. Бедного, М. Горького, А.П. Гайдара, Е. Пермяка, В.Я. Шишкова, В. Каверина. Указаны пермские адреса писателей и упомянуты литературные произведения, в которых описана Пермь. Включен развернутый очерк о Пермском отделении союза писателей РСФСР.

Маршрутный метод работы с литературным наследием встречаем в путеводителе С.Торопова (1986) [26]. При создании второго маршрута «По главной улице старой Перми», ряд объектов презентован автором как *литературное гнездо* и соединен линией пути, при этом указаны произведения, что создавались в Перми и впитали в себя местные сюжеты. Это: гостиница «Центральная» (Сибирская, 9). Здесь во время эвакуации 1942-45 гг. жили и продолжали работу над произведениями В.А. Каверин («Два капитана»), Ю.Н. Тынянов («Гражданин Очер»), В.Ф. Панова («Семья Пирожковых», «Спутники», «Кружилиха»). Пермская мужская гимназия (Сибирская, 13). Здесь преподавал опальный публицист XVIII века И.И. Тревогин, а также высланный из Казани П.И. Мельников-Печерский, обучался будущий профессор российской словесности, поэт А.Ф. Мерзляков, выросла целая плеяда летописцев Урала: Ф.А. Прядыльщиков, А.А. Дмитриев, Н.К. Чупин. Дом журналиста (Сибирская, 8), с которым связана журналист-

ская деятельность А.П. Гайдара, а позже его биографов С. Гинца и Б. Назаровского. Дом губернатора (Сибирская, 27), который с большой долей вероятности посещали ссыльные А.Н. Радищев, А.И. Герцен, В.Г. Короленко. Дана характеристика деятельности Пермской организации Союза писателей СССР (Сибирская, 30), в которой состояли В.П. Астафьев, Л. Правдин, Л.И. Давыдычев, Л.И. Кузьмин, В.И. Воробьев, А.Л. Решетов, А. Домнин, В. Радкевич, А. Гребнев и др. В путеводителе Торопова мы встретим множество ценных сведений о пребывании в Перми Д.Н. Мамина-Сибиряка, П.П. Бажова, В.Г. Короленко, А.А. Кирпищиковой и многих других писателей. Вся информация дана с привязкой к конкретным адресам, улицам и скверам Перми, но, к сожалению, краеведческий материал еще не выстраивается в тематическую литературную прогулку с логическими переходами от места к месту, игрой смыслов, наблюдением и цитацией произведений.

В эти же годы выходят два сборника, которые обращают внимание читателей на традицию литературного описания Перми в очерках и эпистолярном жанре: «В Парме» (1988) – сборник путевых очерков русских писателей от А.Н. Радищева до Н.Д. Телешова [7] и «Я увез из Перми воспоминание» Д. Красноперова (1989) – письма, дневники, воспоминания русских писателей, связанные с Пермским Прикамьем [29]. В книгах дан ценный историко-литературный материал, который предполагает прочтение его «в пространстве».

Литературные сюжеты обретают свое место в теле города в беллетризованных путеводителях: «В поисках Юртына. Литературные прогулки по Перми» В.В. Абашева (2005) [8], «Путеводитель по Юртыну» С.И. Ваксмана (2005) [9], «Чехов и Пермь. Легенда о трех сестрах» В.Ф. Гладышева (2008) [13]. Здесь на первый план выходят два мощных литературных мифа Перми: «Пермь – прототип Юртына» и «Пермь – город трех сестер», вокруг которых и выстраиваются литературные маршруты. По стилю из-

ложения данные путеводители близки к литературному эссе, но в тоже время, повествование имеет четкую проекцию в городское пространство. Авторы апеллируют к художественным произведениям Б.Л.Пастернака, А.П.Чехова, к письмам и биографии писателей, к журналистской полемике и городскому фольклору, но главное – внимательно вглядываются в топографию города, ища в ней те заветные «locus poesiaе», что создают особый литературный образ Перми: «Дом с фигурами», «Юртинская читальня», «Дом трех сестер». В беллетризованных путеводителях в чистом виде представлен прием литературного картирования пространства.

В туристских изданиях последних лет мы видим, насколько интенсивно используются элементы литературного картирования городского пространства. Авторы туристских изданий погружают топографию города в насыщенный историко-литературный контекст: на страницах справочников, фотоальбомов, путеводителей пестрят поэтические строки П.Вяземского, А.Ф. Мерзлякова, К. Бальмонта, А. Решетова, В. Радкевича, Ю. Беликова, цитаты из произведений М. Осоргина В.Каменского, Б. Пастернака, А. Чехова, Л. Юзефовича. Одни из них оживляют текст путеводителя и объект наблюдения точными характеристиками:

... Берега студеной Камы,
Оживая предо мной,
Выступают как из рамы
С их бесцветной наготой; [12]

Другие – комментируют реалии пермского быта. Например, скульптура «Пермяк соленые уши» напоминает об историческом прозвище пермяков и, в то же время, отсылает к повести «Детство» М.Горького – где дед Каширин называет внука «пермяк солены уши», оттого, что отец писателя был родом из Перми [15]. При характеристике населения города и его вероисповедания приводят строки В.Каменского: Пермь – «пристань всяких инородств» [21].

В популярном маршруте «Зеленая линия» отсылки к литературным произведениям встречаются буквально на каждом шагу: часовня Стефана Пермского представлена как место действия романа «Казароза» Л.Юзефовича; Дом детского творчества «Пермячок» получил свое имя с «легкой руки Льва Давыдычева»; Соборная площадь и семинария напоминает о годах учебы П.П.Бажова и Д.Н.Мамина-Сибиряка; сквер имени Ф.М.Решетникова о повести «Подлиповцы», прославившей нашего земляка и т.д. [14]

Два ярких литературных мифа города: Пермь – прототип провинциального города из пьесы «Три сестры» Чехова и Пермь – Юртин из романа «Доктор Живаго» играют двойную роль. С одной стороны, они предлагают туристу ключ к символическому прочтению городского пространства; с другой, вводят Пермь в поле мировой культуры, «работают» на узнаваемость города, его индивидуальный образ [2]. Не случайно, сегодня «чеховский» и «пастернаковский» сюжеты представлены не только в беллетризованных, но и в информационно-справочных путеводителях, причем, как российских, так и зарубежных: «<...> еще одно произведение, рассказывающее о нашем городе – «Доктор Живаго» нобелевского лауреата Б.Пастернака. Иностранцы туристы хотят видеть места и объекты, описанные в романе: набережную Камы, библиотеку, в которой встретились Лара Антипова и Юрий Живаго, а также ищут дом с фигурами» [5]; «Город с реки кажется огромным, недаром он так поразил Б.Пастернака в 1916 году, что послужил прообразом города Юртин в романе «Доктор Живаго» [17]; «It is believed that Chekhov used Perm as inspiration for the town his Tree Sisters were desperate to leave. Boris Pasternak sends his Doctor Zhivago to a city clearly resembling Perm» [19]. В пермских изданиях эти сюжеты выстраиваются в самостоятельные литературные прогулки [8, 9, 13, 15, 25].

Наш краткий обзор туристской литературы о Перми показал, что на протяжении ста лет литературное наследие

выступает в качестве полноценного туристского ресурса территории. Литературные сюжеты по-особому картируют городское пространство, используются авторами путеводителей для разработки экскурсионных маршрутов, подчеркивают индивидуальность города. Со временем известные сюжеты становятся одним из узнаваемых брендов Перми. Динамика использования литературного наследия в функции картирования пространства отражена на рис.1, где по вертикальной оси отмечено количество литературных сюжетов (имен писателей), упомянутых в путеводителе; по горизонтальной оси отмечен год издания путеводителя; красная линия фиксирует появление в туристской литературе собственно литературных маршрутов.

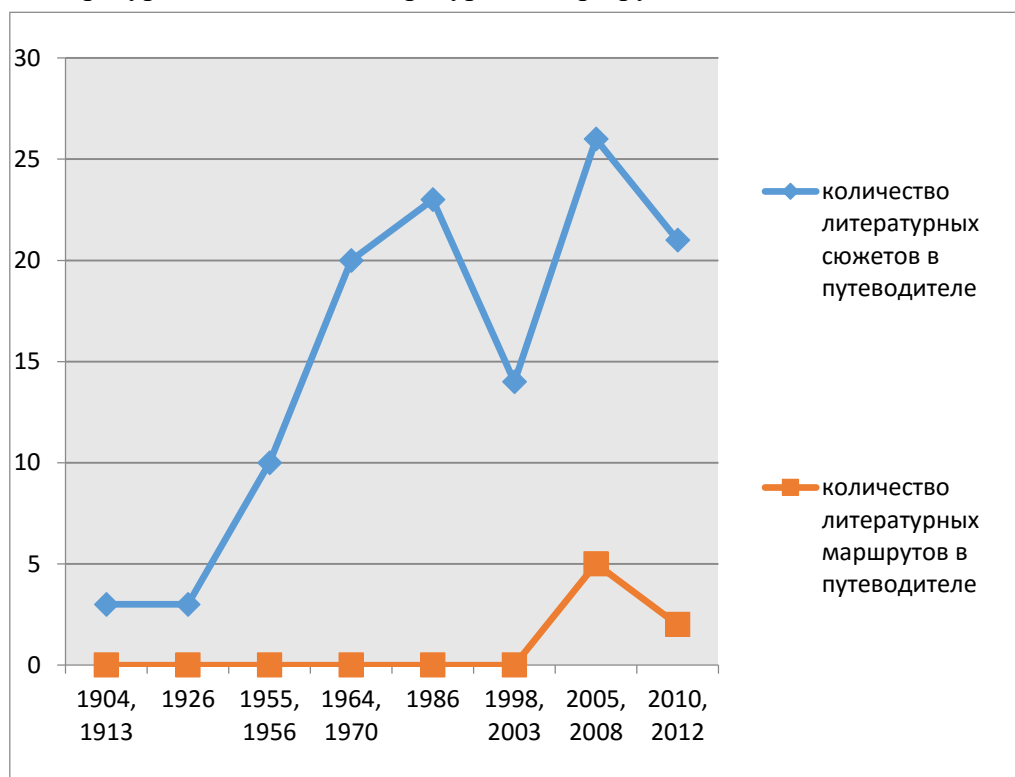

Рис. 1. Литературное картирование Перми в путеводителях.

И в завершении отметим, что прием литературного картирования пространства универсален, но в тоже время он в большей степени характерен для городов «вербальных», нежели «визуальных». То есть тех, где нет ярко выраженных архитектурных доминант и, в общем-то, нечего показывать, но о которых, по верному замечанию, В.В.Абашева «... можно много, вкусно и, при умении, захватывающе интересно рассказывать» [1].

Список литературы

1. Абашев В.В. Неосвязаемое тело города. Опыт работы со смыслом // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 10-16. С.13.
2. Абашев В.В. Пастернаковский город Юртин: география, семиотика и прагматика романного образа // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып.8 (98). С.115-121.
3. Абашев В.В. Фирсова А.В. План местности: литература как путеводитель // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып.4. С.98-104.
4. Берлянт А.М. Образ пространства: карта и информация. М.: Мысль, 1986. С.35-36.
5. Большое путешествие: Пермский край. Путеводитель / Под ред. О.Б.Адрияшкина. Пермь: Агентство «Стиль-МГ», 2004. С.88-89.
6. Быстрых Т.И. В.С.Верхоланцев и его книга «Город Пермь, его прошлое и настоящее». Вступительная статья / Верхоланцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Краткий историко-статистический очерк. Пермь: Изд-во «Пушка», 1994. С.7.
7. В Парме. – Пермь: Кн.изд-во, 1988. 400 с.
8. В поисках Юртина. Литературные прогулки по Перми». Пермь, 2005. 256 с.
9. Ваксман С.И. Путеводитель по Юртину. Пермь: Изд-во «Книжный мир», 2005. 142 с.

10.Верхоланцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Краткий историко-статистический очерк. Пермь: Изд-во «Пушка», 1994 с.

11.Весновский В.А.. Иллюстрированный путеводитель по Уралу.

Издание первое. Екатеринбург: Типография «Уральской жизни», 1904. С.50-67.

12.Волга, Кама, Ока, Дон. Москва, 1955. Режим доступа: www.locstan.net

13.Гладышев В.Ф. Чехов и Пермь. Легенда о трех сестрах. Пермь: Изд-во «Книжный мир», 2008. 176 с.

14.Гуминский В.М. Открытие мира или Путешествия и странники. М.: Современник, 1987, С.141-144.

15.Зеленая линия. Главный пешеходный маршрут Перми. 2009. Режим доступа: lines.perm.ru

16.Кама. Путеводитель. – Молотов: Молотовское книжное издательство, 1956.

17.Le Petit Fute. Пермская область. Путеводитель. Сост. Н.П.Степанова. Москва, 2004. С.76

18.Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М.Кожевникова, П.А.Николаева. М.: «Советская энциклопедия», 1987. 752 с.

19.Lonely planet. Russia. See directory charter for more practical information. 2009. С.468-469

20.Мамин-Сибиряк Д.Н. Старая Пермь. Путевые очерки. Чердынь, 1994. С.10-14.

21.Пермь изведенная и неизведенная. Путеводитель. Санкт-Петербург: Изд-во «Маматов», 2011. 144 с.

22.Пермь. Поэма о городе. Фотоальбом. – Пермь: Изд-во «Пушка», 2-е издание, испр. и доп., 2003.

23.Пермь. Путеводитель-справочник. – Пермь: Перм.кн.изд-во, 1964 г.;

24.Пермь. Путеводитель-справочник. – Пермь: Перм.кн.изд-во, 1970 г.;

25.Пермь. Путеводитель. Справочно-маршрутное издание. Пермь: Издательский дом «Соль», 2010. 136 с.

26.Торопов С. Пермь: Путеводитель. – Пермь: Перм.кн.изд-во, 1986. 160 с.

27.Фирсова А.В. Литературный туризм как продукт культурного картирования // Вестник Удмуртского университета. Сер.6: Биология. Науки о Земле. Вып.2. С. Биология Науки о Земле. С.142-148.

28.Чижов В. Пермь в экскурсиях (опыт изучения города экскурсионным методом). Справочник для руководителей приезжих экскурсий, экскурсантов и туристов. Пермь, 1926. 38 с.

29.«Я увез из Перми воспоминание...»: Письма, дневники, воспоминания русских писателей, связанных с Пермским Прикамьем / Сост. Д.А.Красноперов. – Пермь: Кн.изд-во, 1989. 287 с.

Е.Г. Власова

Маршруты путешествия и особенности формирования образа пространства в уральском травелогe конца XVIII - начала XX в.

В силу экспансивного характера формирования восточных территорий российской империи, путешествия играли важнейшую роль в их дискурсивном освоении. Историография Урала как колонизованной территории в основе своей опирается на отчеты о путешествиях – торговых, дипломатических, научных, деловых, литературных. Этот факт пермской регионалистики вполне отрефлексирован современными исследователями. Не случайно, одной из самых цитируемых книг постсоветского краеведения остается сборник путевых очерков и заметок XIX века, который получил название «В Парме»[4].

Травелогии являются важнейшей частью общего процесса формирования уральского дискурса русской культуры, отражая и направляя его развитие. При этом главной конструирующей особенностью травелога становится его способность связывать пространство. Особый связующий статус травелога в дискурсивном пространстве локального текста зафиксировали авторы монографии «Русская культура в зеркале путешествий» Е.Г.Милюгина и М.В.Строганов: «Текст путешествия можно представить в качестве цепочки локальных текстов, но гораздо важнее, что путешествие фиксирует системно-синтаксические связи между этими локальными текстами» [13].

Попробуем проследить, как выстраивается основное направление семантико-синтаксических связей уральского пространства под воздействием конструирующей воли жанра. Главной осью, собирающей пространство путешествия, совершенно закономерно становится маршрут поездки. Маршрут, выстроенный в соответствии с целью пу-

тешествия, представляет собой направленное движение, основными пространственными составляющими которого являются точки остановок и пути между ними. Образ пространства, созданного в травелоге, самым непосредственным образом зависит от направления движения и фокусных точек маршрута.

В связи с этим конструирующим качеством путешествия можно выделить несколько типов уральского травелога, которые сформировались в разные историко-культурные периоды и определили важные параметры складывающегося образа уральского пространства.

Первое целостное описание Урала как самостоятельного региона российского государства связано с отчетами о научных экспедициях, предпринятых российской Академией наук в конце 60 – начале 70-х годов XVIII века. Главной целью этих экспедиций послужила фронтальная инвентаризация горного промысла на Урале, однако, помимо этого академики достаточно подробно описали особенности местной географии, природных условий, истории и этнографии. Тем самым экспедиционные отчеты оказались первым целостным описанием уральских гор как самобытного российского пространства. Для нашего исследования чрезвычайно важным оказывается тот факт, что большинство отчетов написано в жанре путевого дневника (И.И.Лепехин, П.-С.Паллас и Н.П.Рычков), а, следовательно, они представляют собой первые русские травелоги, посвященные путешествию на Урал.

Маршруты ученых путешествий выстраивались в соответствии с исследовательскими задачами: они по несколько раз перерезали Уральский хребет, прокладывались по бездорожью, охватывая всю территорию Урала. Сам характер передвижения задавал широкую геометрию пространства. Разнонаправленное движение снимало вертикаль центра и окраины, в которой находился Урал по от-

ношению ко всем предыдущим своим интерпретаторам¹. Поскольку главная цель экспедиций предполагала тщательное описание горного промысла на Урале, основными фокусными точками маршрута становились рудники и горные заводы. Все остальное пространство располагалось между ними и было так или иначе подчинено движению к ним. Маршрут путешествия естественным образом связывал пространство семиотическими скрепами, которые подчеркивали горный характер ландшафта и уклада жизни.

Научные путешествия, связанные с изучением горного дела и построенные на нелинейном типе маршрута, оставались немаловажной частью уральского дискурса русской культуры на протяжении всего XIX века – достаточно

¹ Принято вести отсчет уральских травелогов с поэмы «Аримаспея», написанной в 7 в до н.э. греческим путешественником Аристеем, который оказался на Урале в поисках страны гипербореев. В поэме рассказывается о таинственных племенах одноглазых аримаспов, враждующих со своими соседями: на юге они воевали с исседонами, на севере – с грифонами, охранявшими золото Гиперборейских гор. Поэма послужила основным источником сведений об Урале для последующих античных авторов, в том числе для «Истории Геродота». Затем сформировался значительный корпус арабских травелогов, связанных с описанием торговых, военных и дипломатических путешествий на Урал. В средние века Урал оказывается на пути торговых (Марко Поло), дипломатических и научных поездок западноевропейских путешественников, подхвативших античную и арабскую традиции описаний Урала. В основном эта традиция трактовала Урал как рубеж реальной географии и потустороннего пространства. Наиболее зримо это качество Рифейских, как их называли, гор запечатлелось в образах странных существ, их населяющих – грифонов, стерегущих несметные сокровища («Аримаспея»); яджуджей и маджуджей – четырехглазых существ покрытых шерстью (арабские источники), самоедов – самих себя едящих (С.Герберштейн). Европейско-арабские путешествия были подчинены маршруту, цель которого была не определена: она терялась за пределами известного путешественникам мира. Урал оказывался пространством не просто экзотическим, но онтологически предельным. Такое прочтение уральского пространства сохранялось вплоть до активной фазы русской колонизации края, развернувшейся в период петровских реформ.

назвать путешествия А.Гумбольта (1829), Р.Мурчисона (1841), Э.К.Гофмана (1828-1829, 1847-1850), Д.И.Менделеева (1899), каждое из которых оказало серьезное влияние на общенаучные представления об Урале. И все же этот тип путешествия оставался на периферии уральского дискурса, ядро которого определялось писательскими и журналистскими путешествиями в Сибирь. В силу своей эмоционально-образной природы и журнального распространения, эти травелоги оказали гораздо более существенное влияние на формирование общего представления об Урале, нежели специализированные научные отчеты. Преобладающим значением образа Урала, сформированного в «писательском» очерке XIX века, становится транзитный характер уральского пространства. Ф.Ф.Вигель (1806¹), А.И.Герцен (1835), П.И.Небольсин (1846), П.А.Кропоткин (1862), К.М. Станюкович (1885), И.С.Левитов (1882), Н.Д.Телешов (1891) и многие другие описывают Урал как один из этапов своего вынужденного или добровольного путешествия в Сибирь. В этой влиятельной группе травелогов закрепляется образ Урала как преддверия Сибири, основной характеристикой которого является его пограничность – между Европой и Азией, центром и периферией, цивилизацией и «диким полем», свободой и каторгой, а в целом – между своим и чужим пространством.

Автором наиболее суггестивного образа Урала как преддверия Сибири справедливо считается А.И.Герцен. В его воспоминаниях о дороге в ссылку пермская часть пути отзывается холодом и звоном кандалов: «Пермь меня ужаснула, это преддверие Сибири так мрачно и угрюмо... Говоря о Перми, я вспомнил следующий случай на дороге: где-то проезжая в Пермск<ой> губ<ернии>, ночь я почти не спал, ибо дорога была дурна; на рассвете я уснул крепким сном, вдруг множество голосов и сильные звуки желе-

¹ В скобках указан год путешествия на Урал

за меня разбудили. Проснувшись, увидел я толпы скованных на телегах и пешком отправляющихся в Сибирь; эти ужасные лица, этот ужасный звук, и резкое освещение рассвета, и холодный утренний ветер — все это наполнило таким холодом и ужасом мою душу, что я с трепетом отвернулся — вот эти-то минуты остаются в памяти на всю жизнь»[7].

Евразийская пограничность уральского пространства чаще всего интерпретировалась как столкновение цивилизации и неосвоенных, диких земель. Однозначнее других высказался по этому поводу К.М.Станюкович. Поездка писателя пришлось на время тяжелой экономической депрессии горнозаводской промышленности, что не могло не сказаться на восприятии уральского пространства в целом. Симптоматично при этом, что экономический кризис встраивается Станюковичем с общую картину азиатского влияния: «Из окон вагонов мы видели далекую синеву Уральских гор, перед нами мелькали знаменитые когда-то заводы... и незаметно перевалили хребет, очутившись географически в Азии. Я говорю «географически», потому что близость Азии и азиатских нравов начала сказываться гораздо раньше географической границы»[15].

В любом случае, даже в менее критичных по отношению к общекультурному фону уральского пространства травелогах, переезд через Уральские горы воспринимается как пересечение границы своего и чужого пространства, рубежа, где приходится прощаться с домом. «Тут, на высшей точке главной цепи, в нескольких шагах от дороги, стоит окруженный чугунной решеткой сероватый мраморный столб. На одной стороне его вырезано «Европа», на другом «Азия». Я оглянулся в последний раз: сзади виднелись крупные холмы, спутники главной цепи, белые колокольни на горизонте; впереди пологие спуски восточного склона, кругом невообразимые леса...», - напишет двадцатилетний Петр Алексеевич Кропоткин во время своего путешествия к месту службы в Амурский казачий полк [8].

Маршруты сибирских путешествий акцентируют внимание на транзитных локусах пространства: станционные гостиницы, пристани, вокзалы становятся доминантами уральского ландшафта. Однако главным структурным компонентом дорожной карты уральского транзита, безусловно, служит Сибирский тракт. Именно в этот период складывается драматический образ Сибирского тракта как кандалного пути. Одно из самых экспрессивных описаний, передающих напряженное звучание темы каторги, предстает в пейзажной зарисовке Немировича-Данченко, который в задумчивости остановился у пограничного столба Европа-Азия, установленного на самой высокой точке Уральского хребта в месте его пересечения Сибирским трактом: «Страшное место! Сколько слез пролито здесь! Несчастные в кандалах в последний раз оглядывались здесь назад, на свою навеки-вечные покидаемую родину! Далекый, неприятный, чужой и холодный край начинается отсюда! Новая жизнь, новые люди, новые страдания! Воображаю, какие мысли целым роем носились в голове бедного ссыльного, когда он приваливался на краткий отдых к этой пограничной колонне. Может быть, на каждый камень ее подножия падали горячие слезы... Не оттого ли и лес замолчал и нахмурился, что слишком много слышал он здесь рыданий?»[14]

Среди уральских городов в транзитных путешествиях XIX века на первый план выходит Пермь: по мнению большинства путешественников в ней концентрируются основные негативные значения Урала как неустойчивого, неопределенного, пограничного пространства, - окраины цивилизованного мира.

«Я уехал осматривать город. По внешнему виду он уже отличался от городов Европейской России: улицы в нем не мощены, грязи по колена, на всем унылый вид, наводящий какую-то щемящую грусть. Вместо мостовых проложены доски, по которым гуляют кое-где пермские жители. У

вокзала, близ Курбатовской пристани, расположились переселенцы со своими котомками...» (И.С.Левитов) [10].

«Вообще Пермь, после шумного Нижнего, после оживленной Казани, показалась мне очень скучным городом...Затишье!.. и это затишье нарушается подчас только звоном цепей»(П.А.Кропоткин)[9].

Эмоциональное и семантическое наполнение образа Урала начинает меняться в конце 70 - начале 80-х годов, - благодаря ярким и динамичным очеркам В.И.Немировича-Данченко и творчеству Д.Н.Мамина-Сибиряка. Очерки Немировича-Данченко «Кама и Урал», написанные по результатам почти трехмесячной поездки по Уралу в 1876 году, не смотря на внеположенность автора предмету описания, смогли преодолеть инерцию центростремительной аксеологии. Во многом это было связано с особенностями маршрута, проложенного писателем для знакомства с Уралом. Ломаная линия, с возвратным движением, включающая практически все возможные на тот момент способы передвижения по уральскому пространству - от сплава на шестах до железной дороги,- проявила и предопределила особый взгляд Немировича-Данченко на уральское пространство. В.В.Абашев, характеризуя оптику этого взгляда, отмечает: «Немирович исследует и стремится понять Урал. Он опускается в рудники, следит за горнодобычей и металлургическими процессами и вникает в их технологию, поднимается пешком в верховья таежных речек, выслушивает рассказы коренных уральцев: ямщиков, старателей, металлургов, управляющих заводами, инженеров, углежогов, староверов, странников. Он претендует на то, чтобы описать подлинный, настоящий Урал, Урал в его действительности»[2].

Путешествие Немировича-Данченко выстроило образно-семантический код уральского ландшафта (подробнее об уральском коде Немировича-Данченко см. Абашев В.В.) [1], что стало возможным благодаря пристальному

наблюдению и сложновыстроенному маршруту, связавшему важнейшие силовые линии уральского пространства.

Перекодирование сложившегося в травелогах XIX века транзитного образа Урала было завершено в творчестве Мамина-Сибиряка. Не останавливаясь на этом процессе специально, подчеркнем лишь, что первые шаги к созданию самодостаточного образа уральского пространства были сделаны писателем именно в жанре путевых очерков. Первые крупные публикации Мамина-Сибиряка – путевые очерки «От Урала до Москвы» (1881-1882), «В камнях» (1882), «Бойцы» (1883), и позднее - «Старая Пермь» (1889), диаметрально меняют оптику описания уральского пространства. Синтаксические связи уральского ландшафта выстраиваются писателем по встречной для внешних травелогов траектории, где Урал находится в конце пути и выполняет роль онтологической окраины.

Опорной осью уральского пространства писатель делает реку Чусовую, символически связавшую важнейшие природные и антропогенные доминанты Урала. В уральской геопоэтике Мамина-Сибиряка сплав железных караванов по Чусовой предстает не просто способом сообщения, а способом жизни, аутентичным уральскому пространству и сложившемуся здесь миропорядку.

Описание сплава на железном караване, предпринятого писателем с целью детального знакомства с ним, ознаменовало этап внутренней идентификации уральского пространства. Движение было направлено не просто с востока на запад, но и сверху вниз: путешественник спускался с вершины – географической и духовной. Дом, оставшийся вверху, на горе, служил точкой отсчета, что в ситуации традиционной для России центростремительности означало диаметральный разворот пространства. Подобное переворачивание географии было проделано Маминым-Сибиряком не только в очерках «Бойцы» и «В камнях», но и в цикле «железнодорожных» очерков «От Урала до Москвы». На подъезде к столице писатель уносится «мыс-

лью назад»: «...и кажется, что вот уже скоро неделя, как все едешь куда-то под гору, в яму» [11]. Уральские горы и Чусовая становятся географическим и онтологическим центром созданного писателем пространства путешествия.

Не смотря на то, что сплав железных караванов самым непосредственным образом связан с деятельностью горных заводов, фокусными точками сплавного маршрута помимо заводских пристаней оказываются лесные берега, где обычно устраивался отдых – хватка. Описание сплава акцентировало теллурическую составляющую уральской геопоэтики, динамично объединив природные и антропогенные маркеры этой темы – горный рельеф; река, обнажающая прибрежные скалы; толщи древнего пермского моря; опасные пещеры; рудники и горные заводы.

Кроме того, сплав по Чусовой у Мамина-Сибиряка – это путешествие по главным вехам уральской истории. Вот как описывает Мамин-Сибиряк скалистые берега Чусовой: «Глядя на эти толщи насланых друг на друга известняков, сланцев и песчаников, исчерченных белыми прожилками доломита, так и кажется, что пред вашими глазами развертывается лист за листом история тех тысячелетий и миллионов лет, которые бесконечной грядой пронесли над Уралом» («Бойцы») [12].

Жизнь на Чусовой сплавил вместе вогульские и староверческие предания, искусство горного и сплавного дела, легенды о Ермаке, мечты о пугачевском кладе и веру в уральского Робин Гуда – разбойника Рассказова, – создав особый уральский характер, характер человека, живущего «в камнях». Оформление образа уральца в творчестве Мамина-Сибиряка, в том числе и в путевых очерках 80-х гг., завершило становление целостного представления об Урале как самобытном ландшафте (см. подробнее в ст. Е.Г.Власовой «Сплав по реке в структуре дорожных курсов уральского травелога конца XVIII – XIX дв.») [6].

На рубеже XIX - XX вв. начинается новый этап развития уральского дискурса, связанный с формированием соб-

ственного литературного поля и, как следствие, утверждением собственной литературной повестки. «Эти локальные культурные силы смотрели на регион, в котором они появились, словно изнутри, предоставляя читателю в своих текстах опыт само-описания территории, т. е. такого ее освещения, которое велось с точки зрения укорененного в ней человека, а не «завоевателя» или «покровителя», - так описывают особенности литературной жизни Урала этого времени К.В.Анисимов и Е.К.Созина[3]. Важнейшим сегментом молодой уральской литературы, обратившейся к опыту самоописания, становится путевая очеркистика, стабильно занимающая страницы местной периодики. Оценивая размах путевых публикаций в региональной и российской прессе тех лет, один из ведущих пермских критиков предлагает выделить целое направление «дорожной» литературы [16]. Большая часть местной «дорожной» литературы представляла собой т.н. внутренние травелоги, т.е. отчеты о поездках по Пермскому краю. Маршруты внутренних травелогов выстраиваются по веерной траектории, охватывая все существующие транспортные магистрали Пермской губернии. При этом важно, что отправной и конечной точками маршрута становятся внутренние уральские локусы, что, безусловно, создает новую парадигму пространственных отношений. На первый план выходят задачи осознания собственной идентичности. Пространство путешествия и дом размещаются в общем образно-семантическом поле. Важнее оппозиции Урал-столица оказываются отношения уральских центров – Перми и Екатеринбурга: в их соперничестве складывается один из основных сюжетов уральского пространства. Происходит разделение уральской идентичности на пермский и екатеринбургский варианты. Пермское пространство, маршруты путешествия в котором чаще всего определяются локусами, связанными с историей коренного населения Урала (коми-пермяцкие деревни, городища и капища), а также событиями русской колонизацией (поселения рас-

кольников, соляные промыслы), тяготеет к образности древней земли; екатеринбургское, где доминантами пространства остаются рудники, золотые прииски и заводы, – совпадает с горнозаводской семантикой Урала.

Своеобразным завершением целостного цикла формирования уральского травелога XVIII-начала XX вв. оказываются путевые очерки, представляющие тип туристического путешествия. Показательным в этой связи становится очерк «На Чусовой: Впечатления туриста», опубликованный в ПГВ за 1909 год и посвященный рассказу о сплаве на железном караване, который был предпринят с туристической целью.

«Если бы река Чусовая находилась где-либо за границей, или хотя бы около наших столичных центров, то, несомненно, нашлись бы такие предприимчивые люди, которые организовали бы по ней весенние сплавные рейсы для любознательных путников, любителей природы и сильных ощущений и вообще туристов, и несомненно также, что подобные весенние поездки по этой редкой по красоте и исключительной своими особенностями реке привлекали бы массу путешественников, как их ежегодно привлекает какая-нибудь сравнительно жалкая Иматра, или известный Рейнский водопад (Райнфаль) в северной Швейцарии, близ города Шафгаузена», - так описывает туристическую привлекательность Чусовой автор этого экстремального путешествия[5]. В соответствии с задачами туристического травелога и собственным опытом, автор дает рекомендации будущим путешественникам: «Если, однако, кто вздумает совершить весеннее путешествие по Чусовой во время половодья, тот не должен останавливаться над разрешением вопроса – на чем ехать или плыть. Вопрос этот разрешается очень просто – стоит лишь предварительно, письменно, по телефону или устно обратиться в то из заводоуправлений, что сплавляет обычно весной караван свой с железом по Чусовой, или же прямо снесться с доверенным завода, проживающим обычно в Пер-

ми или Екатеринбурге, и испросить разрешение занять место в одной из кают той баржи или коломенки, что предназначена для караванного, т.е. старшего приказчика, сопровождающего караван. Отказов в таких случаях никогда не бывает и заводоуправления весьма охотно предоставляют и, конечно, бесплатно места в каютах судна приказчика, причем могут письменно, по телеграфу или по телефону известить путника о дне и часе отхода каравана, к которому надо, конечно, прибыть заблаговременно, запасшись собственным количеством съестных припасов, спальными принадлежностями и теплой одеждой. Каюта эта не будет иметь, конечно, тех удобств, что на пароходе, хотя там найдется и большое окно, и кровать и проч.»[5]

Тем самым, внутренний маршрут уральского ландшафта, введенный в русскую литературу Маминым-Сибиряком, становится туристическим предложением, отражая формирование самодостаточного геокультурного статуса уральского пространства.

Рассмотренная типология путевых маршрутов, лежащих в основе уральских травелогов конца XVIII – начала XX в., выстраивает основные этапы становления уральского ландшафта русской культуры в его развитии от негативной идентификации к образу самобытного и семиотически насыщенного пространства. Представленный анализ позволяет заострить внимание исследователей, занимающихся проблемами конструирования образа территории, на вопросах жанрово-стилевой и структурной специфики текстов, участвующих в производстве локальных смыслов. В нашем случае важнейшим фактором формирования образа Урала послужила особая жанровая миссия травелога, призванного выстраивать семантико-синтаксические связи пространства путешествия. Картирование маршрутов наиболее заметных уральских травелогов конца XVIII – начала XX в. наглядно показало соотношение дорожной структуры путешествия с представленным в его описании образом пространства.

Список литературы

1. Абашев В.В. К истории геопоэтики Урала: очерки Вас.Ив.Немировича-Данченко // Литература Урала: история и современность: сб. ст. — Выпуск 5: Национальные образы мира в региональной проекции / Ин-т истории и археологии УрО РАН. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. — С.192-200.
2. Абашев В.В. Указ.соч. — С.193
3. Анисимов К. В. , Е. К. Созина. История литературы Урала в контексте региональных исследований / К. В. Анисимов, Е. К. Созина // Известия Уральского государственного университета. — Сер. 2, Гуманитарные науки. — 2011. — N 1 (87). — С. 272-284. С.274
4. В Парме: путевые очерки рус. писателей о Перми и Прикамье/ сост. Н. Ф. Аверина. — Пермь: Кн. изд-во, 1988. — ХХІХ, 33-398, [5] с.
5. В.М. По реке Чусовой (Впечатления туриста) // ПГВ. — 1909. — 22 апр.— С. 1-2
6. Власова Е.Г. Сплав по реке в структуре дорожных дискурсов уральского травелога конца XVIII- XIX веков// Труды «Русской антропологической школы». — Вып.13. — М.:РГГУ, 2013. — с.101-111.
7. Герцен А.И. Собр.соч.: В 30 т. — М., 1961. Т.21: Письма 1832-1838 гг. — С.42.
8. Кропоткин П.А. Дневники // По Каме и Уралу: путевые записки XIX - начала XX вв. / сост. и примеч. Д.А. Краснопёрова; вступит. статья Е.Г. Власовой; ред. Т.И. Быстрых; Центр. городская б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева). — Пермь, 2011. — С.106
9. Кропоткин П.А. Указ. соч. — С.105
10. Левитов И.С. От Москвы до Томска // По Каме и Уралу: путевые записки XIX - начала XX вв. / сост. и примеч. Д.А. Краснопёрова; вступит. статья Е.Г. Власовой; ред. Т.И. Быстрых; Центр. городская б-ка им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева). — Пермь, 2011. — С. 124

11. Мамин-Сибиряк Д. Н. От Урала до Москвы: Путевые заметки // Собрание сочинений в восьми томах. — Т.8. — М.: Гос. изд-во Худ. лит., 1955. — С.400.

12. Мамин-Сибиряк Д.Н. Бойцы: Очерки весеннего сплава по реке Чусовой // Мамин-Сибиряк Д.Н. Повести; Рассказы, Очерки. — М.: Моск. рабочий, 1983. — С.534

13. Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Русская культура в зеркале путешествий: монография. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. — С.31

14. Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал. — М., 1890. — С.560.

15. Станюкович К.М. В далекие края // Станюкович К.М. Полн. собр. соч. — Т.5. — Спб., 1907. — С.446-447.

16. Черномор. «Дорожная» литература // ПГВ. — 2014. — 4 июля. — С.2

III. КАРТИРОВАНИЕ В ТУРИСТИЧЕСКОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

А.В. Фирсова

Литературное картирование пространства в туристских проектах

Туристский потенциал художественной литературы

С развитием туризма, как мирового социально-экономического процесса, возрастает внимание к *прагматическим* аспектам культурного наследия. Меняется само понимание художественного произведения, зачастую оно мыслится не только как ценность эстетического или идеологического порядка, но – если употребить экономико-производственный термин – как продукт, предназначенный для потребления и дальнейшей жизни в социальных практиках. Феномены культуры рассматриваются как факторы аттрактивности территории и ресурс ее развития.

Одним из важных компонентов культурного наследия, особенно для России, является *художественная литература*, которая не только развивается во времени, но и размещается в пространстве, взаимодействует с ним, определяет формы его восприятия. Богатая литературная традиция и бескрайние российские просторы – пожалуй, два самых значительных образа нашей страны в сознании мирового сообщества. Эти начала – литература и география – взаимосвязаны. Именно русская литература создала впечатляющие образы пространства России. В 1913 году Велимир Хлебников призвал писателей к более пристальному изучению географии родины. Он имел в виду, что в

классической русской литературе отразилась преимущественно одна территория – Восточно-Европейская равнина, а реальное территориальное и этническое многообразие России не нашло в ней образного выражения. В своей статье «О расширении пределов русской словесности» он констатировал: русская литература «ждет своего Пржевальского» [10, с. 593]. По существу, Хлебников сформулировал геопозитический проект, проникательно рассматривая художественную литературу как средство формирования впечатляющих образов географического пространства, создания новой карты страны средствами художественного слова.

Тем не менее, потенциал художественной литературы, ее способность производить уникальные *образы мест* практически не используется в вопросах туристского развития территорий, особенно нестоличных регионов. На наш взгляд, это связано с тем, что недостаточно изучены свойства географического пространства, отраженного в литературных произведениях, слабо развита методика прагматического анализа художественного текста, неизучен его картографический потенциал. В настоящей статье мы детально рассмотрим примеры, когда художественная литература формирует новую легенду, «картирует» местность и создает предпосылки для туристского развития региона.

Процесс литературного картирования пространства

Земное пространство является полем взаимодействия географии, как науки о земной поверхности, и литературы, как одной из форм освоения действительности. Размещая сюжет, события и образы произведения в реальном географическом пространстве, описывая детали реального места, писатель по-новому структурирует его, наделяет новыми смыслами, иными словами, создает *художественную топографию местности*. В итоге возникает новый фено-

мен сложной природно-культурной структуры: «Дублин Джойса», «Лондон Конан Дойла», «Москва Булгакова», «Петербург Достоевского», «Урал Бажова» – список подобных примеров можно продолжить. Совершая путешествие по литературным местам, человек читает художественное произведение как своеобразную карту или путеводитель [2].

Впервые картирующая функция литературы с очевидностью обнаруживает себя в литературе эпохи классицизма и Просвещения [9]. Яркий пример – популярный в XVIII в. роман о любви Ж.Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза». Влияние, оказанное этим произведением на читателей и процесс развития литературы, было огромным. Возникли ситуации, когда известный роман становился мотивом для путешествия по местам, описанным в нем. Посещение Швейцарской Лозанны с ее окрестностями – Кларан, Монтрё, Веве, где «томились» литературные герои – Юлия и Сент-Прё со временем превратилось в туристическую традицию. Многочисленные примеры восприятия места сквозь литературный текст находим в жанре путешествия конца XVIII – нач. XIX в. А.С. Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург» цитирует А.Н. Радищева, Стендаль в «Записках туриста» следует «Запискам о галльской войне» Ю.Цезаря. Иногда яркие литературные ассоциации возникают в ландшафте, еще не запечатленном в литературе. В очерке Е.А. Вердеревского «От Зауралья до Закавказья» есть глава, посвященная прогулкам по Перми, автор отсылает читателя к романам Ф. Купера: «... если же судьба занесет кого-нибудь из вас в Пермь, <...> то послушайте моего совета и обратите ваше внимание на следующие достопримечательности Перми: прогуляйтесь по берегу Камы <... > и полюбуйтесь, с романом Фенимора Купера в руках, этой огромной, плавной, величавой рекою...» [5, с.110].

В современных путевых очерках сохраняется традиция литературной презентации места. Характерен в этом смыс-

ле пример эссеистики Петра Вайля. Он называет свой метод «путешествием по миру в сопровождении великих гидов» [4, с. 488]. «Великие гиды» Вайля – писатели-классики, а их произведения – путеводители по мировым городам. Не только путевая беллетристика, но и «служебная» туристская литература изобилует литературными цитатами и ассоциациями. В качестве примера могут быть рассмотрены путеводители серии «Оранжевый гид».

Картирующая функция литературы проявляется в современных книгах, написанных в жанре историко-литературного исследования и, одновременно, путеводителя. Эти издания являются своеобразной реакцией на социальный запрос, связанный с развитием культурно-познавательного туризма, их авторы создают содержательную основу будущих туристских продуктов. Среди изданий, вышедших в последнее десятилетие, назовем: «Скотопригоньевск и Старая Русса» Г.Смирнова (2001), «Московский мир Достоевского» Г.Федорова (2004), «Литературная карта России» С.Богатыревой (2006), «Москва Мандельштама. Книга-экскурсия» Л.Видгофа (2006), «Благословенная Таврида» Г.Кунцевской (2007), «Москва Пастернака» А.Сергеевой-Клятис (2009), «Москва Булгаковская» Л.Бояджиевой (2009), «Чехов и Пермь: Легенда о трех сестрах» В.Гладышева (2008), «Путешествие с Доктором Живаго» В.Абашева (2009).

Таким образом, художественный текст, в проекции на определенную территорию, задает некоторую новую модель пространства, в которой особое значение приобретают памятные места и ментальные представления. Эффект взаимодействия текста и географического пространства создает особый компонент культурного ландшафта – *литературное место* – культурно-географический феномен, который вырастает из традиции почитания известного литературного произведения и его автора, продолжает свою жизнь в социально-культурных практиках и может стать фактором туристского развития территории. Литературные

места разнообразны, к ним относятся и реальный дом, в котором жил писатель, и городское урочище, природный ландшафт, ставшие местом действия литературного произведения, и тематическое кафе, гостиницы. В таблице 1 предложена классификация литературных мест, которая составлена по типу их отношения к действительности и функциональному назначению.

Таблица 1

Классификация литературных мест и способы их картографического отображения

Литературное место (объект картографирования)	Тип отношений с действительностью	Принцип картографического моделирования	Вид картографического знака
I. «Реальные»			
Адрес писателя (дом, квартира, музей, место памяти)	Знак-индекс	Принцип конкретизации	Точечный
Маршрут писателя	Знак-индекс	Принцип конкретизации	Линейный или площадной
Панорамный обзор – место, которое создает условия для созерцания ландшафта	Иконический знак	Принцип системности	Точечный
«Литературное гнездо» – места социально-культурной жизни литературного сообщества	Знак-индекс	Принцип конкретизации	Точечный или площадной
II. а. «Условные художественные»			
«Адрес» литературного героя	Знак-символ	Принцип аналогии	Точечный

«Маршрут» литературного героя	Знак-символ	Принцип аналогии	Линейный
Литературный город и его прототип, «locus poesiae» – место «разыгрывания» литературного сюжета	Знак-символ	Принцип аналогии, принцип системности	Точечный или площадной
П. б. «Условные функциональные»			
Прагматика литературного места: объекты инфраструктуры и события	Знак-индекс	Принцип конкретизации, принцип аналогии	Точечный

Способность известного литературного произведения выступать в качестве путеводителя, формировать ассоциативные ландшафты, литературные места, туристские маршруты, объекты инфраструктуры мы назовем процессом *литературного картирования пространства* (рис.1). Литературное картирование предполагает фиксацию трех способов взаимодействия географического пространства и художественного произведения: конкретного, символического и прагматического. В первом случае, мы фиксируем биографические данные в их проекции на реальный ландшафт; изучаем художественный мир произведения, сопоставляем его с местностью, где разворачивается сюжет, т.е. занимаемся определением литературных мест. Такие связи изучает литературное краеведение. Во втором случае, внимание исследователей сосредоточено на образах географического пространства в художественной литературе, на культурной синергетике ландшафта. Это поле исследований культурной географии, семиотики, литературоведения. Третий аспект взаимодействия – прагма-

тика художественной литературы – фиксация и изучение тех ситуаций, когда творчество известного писателя побуждает человека совершить путешествие по литературным местам, а затем превращается в проектную деятельность по созданию тематических музеев, появлению туризма вокруг литературных мест – область рекреационной географии.

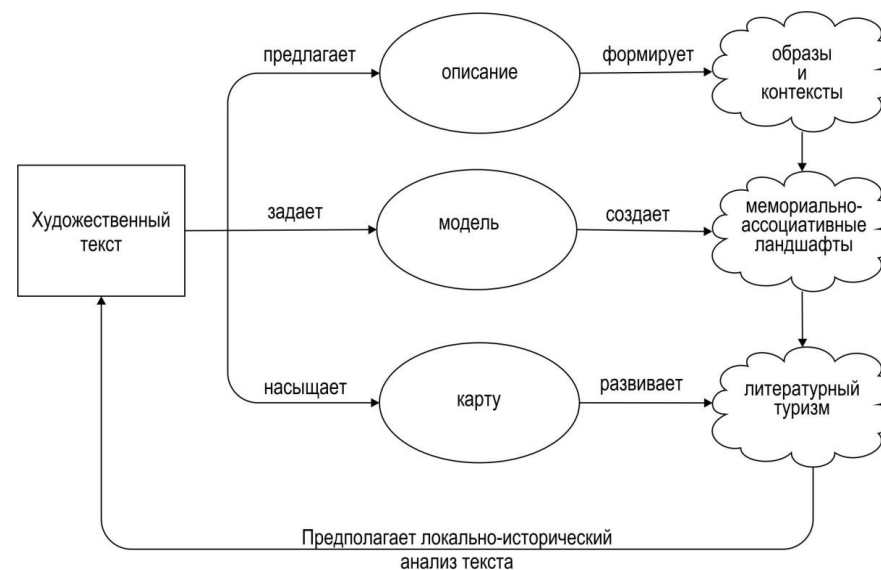

Рис.1. Процесс литературного картирования пространства

Литературное направление в туризме

Понятие *литературный туризм* связано с традицией почитания произведений мировой и национальной классики и их создателей. Основу литературного туризма составляют экскурсии – музейные, городские, загородные. Первоначально литературные прогулки возникли спонтанно и носили частный характер, со временем они стали одним из направлений индустрии путешествий. В видовых классификациях туризма, литературный туризм редко рассматри-

вают как самостоятельное направление. Авторы учебных пособий включают его в понятие культурно-познавательный или экскурсионный туризм. Экскурсии сопровождают человека в самых разных путешествиях, и, как услуга, входят практически во все виды туризма. Основываясь на личном опыте, отметим, что литературные экскурсии заказывают в целях образовательных, развлекательных, имиджевых и как отдельное направление они востребованы в рамках познавательного, образовательного, событийного и делового туризма (рис.2).

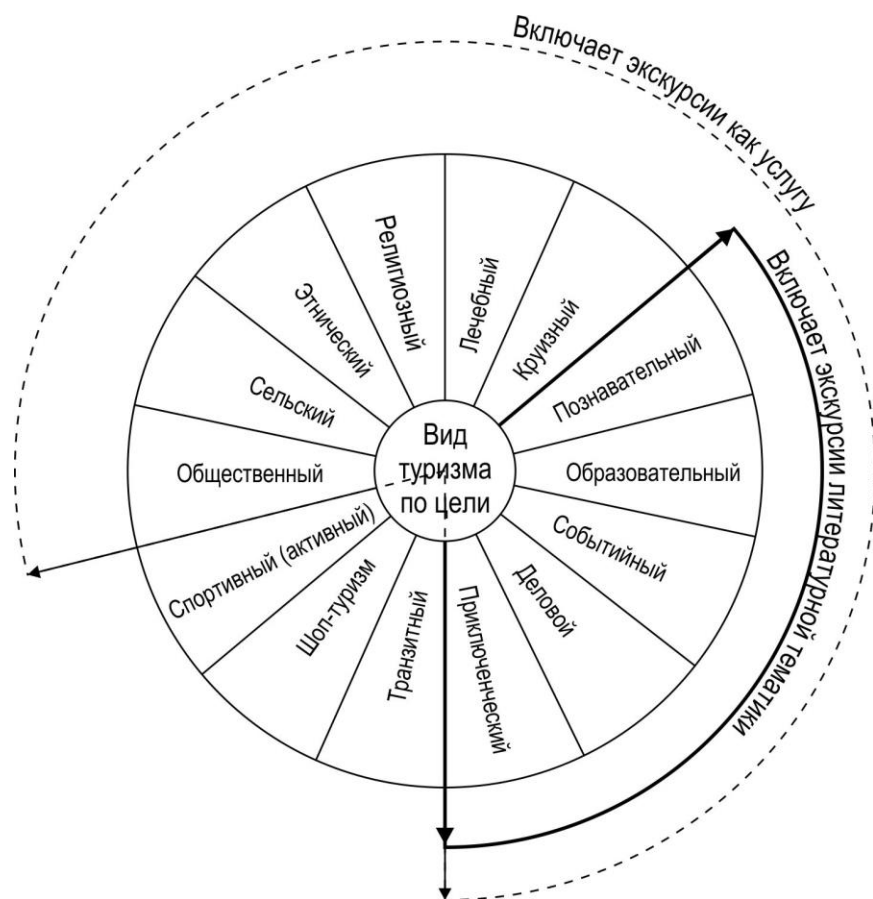

Рис. 2. Литературные экскурсии в системе туризма

Литературный туризм связан с переживанием ярких эмоциональных впечатлений. Это роднит его с новым направлением – туризмом впечатлений, в основу которого положено учение об экономике впечатлений. При создании продукта в духе туризма впечатлений организаторам важно, чтобы потребитель не только смотрел и слушал, но формировал значение о достопримечательностях, используя весь арсенал эмоционально-чувственной сферы. Литературное наследие – тот материал, который можно и нужно использовать при формировании ярких впечатлений туриста и имиджа территории в целом. Атрактивность литературных мест заключается в таких характеристиках, как, уникальность, известность, познавательная ценность. Многие литературные места находятся в глубине туристских районов, в окружении живописных природных ландшафтов и это отвечает современным тенденциям в туризме: 1) персонификации запросов туриста; 2) постоянный спрос на новые объекты; 3) проникновение туристов вглубь районов; 4) сокращение времени пребывания на одном месте; 5) разнообразная деятельность туриста на маршруте; 6) значение спроса и предложения на рынке туристских услуг, разработка уникальных туристских продуктов [8]. Литературные предпочтения клиента могут стать основой разработки персонифицированного туристского предложения, а туроператоры получают возможность создавать оригинальный продукт, что имеет особое значение в условиях высокой конкуренции. Возрастающая мобильность туристов приводит к формированию комбинированных туристских маршрутов: музейная экскурсия хорошо сочетается с пешеходной прогулкой по окрестностям или трекингом к природным ландшафтам, имеющим художественное отражение.

В силу перечисленных обстоятельств, перечень литературных мест мира выглядит впечатляюще и постоянно растет. Литературные музеи, памятники, маршруты могут быть найдены в любой стране мира, где признается вклад

национальной литературы в культурное развитие государства. Эксперты ЮНЕСКО выделяют ряд центров в номинации «литературный город», оценивая при этом количество и качество редакций, издательских домов, библиотек, книжных магазинов и учебных заведений, опыт в проведении литературных фестивалей, интеграцию литературы в городскую среду. В 2004 г. данного титула удостоились города Айова-Сити, Мельбурн, Эдинбург. В список Всемирного наследия ЮНЕСКО вошли «Замок Кронберг» в Дании – место действия шекспировского «Гамлета», «Археологические памятники Трои» – центр повествования в «Илиаде» Гомера. Редакторы международного журнала National Geographic предложили свой рейтинг литературных городов, руководствуясь степенью известности авторов и их произведений и непередаваемой атмосферой творчества, свойственной им: Эдинбург, Дублин, Лондон, Париж, Петербург, Стокгольм, Мельбурн. Интернет-сообщество tripadvisor составило список из десяти литературных центров мира: Лондон, Страдфорд-на-Эйвоне, Эдинбург, Дублин, Нью-Йорк, Конкорд, Париж, Сан-Франциско, Рим, Санкт-Петербург [13].

Структура литературно-туристского кластера

Успешно развивается литературный туризм в городах, где, помимо памятных мест, есть центры изучения литературного наследия – музеи, библиотеки, вузы. По характеру деятельности и тематике экспозиций литературные музеи делятся на следующие виды: 1) историко-литературные (раскрывающие развитие литературы в историческом аспекте); 2) литературно-мемориальные (включают в себя квартиры, дома, усадьбы писателей, их личные вещи и рукописи); 3) музеи литературных героев. Музеи действуют как научно-исследовательские учреждения, организуют лекционную и экскурсионную работу, инициируют научные конференции и уникальные события. Как правило, вокруг музеев располагается ряд объектов туристского инте-

реса – памятник писателю или литературному герою, место действия произведения, ландшафт, запечатленный в художественном тексте, дома и учреждения той эпохи (где могут разместиться тематическое кафе или гостиницы); театр (в репертуар которого включены постановки данного автора); книжный и сувенирный магазины. В данной схеме литературное наследие становится той туристской доминантой, что приводит к определенной деятельности и формирует *туристский кластер* – объединение активных элементов территориальной туристско-рекреационной системы в целях активизации деятельности [8].

В качестве иллюстрации рассмотрим, как организован литературный туризм в трех городах, где художественное наследие «работает» на их туристский имидж.

Наиболее убедительно литературная тематика представлена в Страдфорд-на-Эйвоне – родине В. Шекспира. Традиционными туристскими объектами здесь являются: дом-музей писателя, дом и сад его возлюбленной Энн Хэтуэй в Шоттери, фундамент усадьбы NewPlace – место смерти Шекспира, тематическое кафе, ферма эпохи Тюдоров (место, где выросла мать драматурга Мэри Эрдэн), дом доктора Холла (место жизни его дочери). Туристы посещают книжный магазин, центральную библиотеку им. В.Шекспира, где хранятся оригинальные издания пьес, начиная с 1623 года, Королевское шекспировское общество, чьи театры открываются 24 ноября и ставят пьесы известного драматурга в течение всей зимы. Комплекс объектов соединен туристскими тропами и аншлагами [14].

Интересно проследить судьбу швейцарских городов Монтрё и Веве, о которых упоминалось ранее. Сегодня это одни из самых популярных летних курортов Швейцарии. Города расположены у подножия горного массива Юра, на берегу Женевского озера, в 90 км от Женевы. Окрестности Монтрё и Веве были хорошо известны просвещенной публике – на популярность места отчасти повлияли литера-

турные предания – «Новая Элоиза» Ж.Ж. Руссо, поэма «Шильонский узник» Д. Байрона. Из соотечественников здесь жили и работали Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, П.И. Чайковский, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, Н.В. Гоголь, П.А. Вяземский, И.Ф. Стравинский, С.П. Дягилев. В. Набоков с супругой поселился в отеле «Монтрё-Палас» и провел здесь 17 лет, в местечке Кларанс находится могила писателя. Туристам предлагают экскурсии по памятным местам городов Монтрё и Веве: Кафедральный собор, Шильонский замок, памятники В. Набокову, Ч. Чаплину, Ф. Меркьюри. Сегодня Монтрё один из престижных курортов Европы, здесь проходит международный фестиваль джаза, сосредоточены курорты и игровые комплексы, все вместе делает город одним из популярнейших туристских мест Европы.

Санкт-Петербург не уступает европейским центрам по концентрации и интеграции литературного наследия в городскую среду. С момента своего основания северная столица играла значительную роль в литературной жизни России. Судьба и творчество большинства признанных российских писателей, с эпохи Петра I до современности, связаны с этим городом. Отдельные районы имеют устойчивую ассоциацию с произведениями классиков: пушкинский Петербург охватывает район Мойки, Зимнего дворца и Исаакиевской площади с Медным всадником; Петербург Гоголя – Невский проспект, ул. Гроховая, Коломна (исторический центр в Адмиралтейском районе); город Достоевского – районы Сенной и Владимирской площади, канал Грибоедова; Петербург Блока – Васильевский остров. Изучением и презентацией культурного наследия занимается ряд литературных музеев: Пушкинский дом – литературный музей института русской литературы РАН, музей-усадьба Г.Р. Державина, музей-квартира Пушкина, музей-квартира Ф.М. Достоевского, музей-квартира Н.А. Некрасова, музей-квартира А.Блока, музей-квартира А. Ахматовой – Фонтанный дом, музей В. Набокова, музей

М.М.Зощенко. Привычны в городской среде аллеи и скверы вокруг памятников русским писателям, мемориальные знаки и малые архитектурные формы на фасадах зданий. В экскурсионных фирмах города более 20 предложений литературной тематики, цитаты из художественных произведений сопровождают исторические и архитектурные экскурсии. В репертуарах петербургских театров неизменны постановки классических произведений и их современная интерпретация. Ряд тематических кафе дополняет творческую атмосферу города.

Практика литературного туризма в трех городах позволяет составить схему туристского кластера. Самыми востребованными объектами литературного туризма являются музеи, именно им присуща функция сохранения и трансляции культурной памяти. Наиболее сложными для репрезентации являются символические ресурсы территории – феномены культуры или ландшафта, которые формируют образ места в сознании туриста. Такие объекты, как дом-музей писателя, памятник, ландшафт и его описание, место действия литературного сюжета и их связи, назовем «поле литературных экскурсий», имея в виду, что в пределах данных объектов может развиваться экскурсионный туризм. Поле литературно-туристского кластера – шире. Его формируют объекты инфраструктуры – тематические кафе и гостиницы; книжные и сувенирные магазины; культурные и научно-исследовательские центры (театры, кинотеатры, музеи); социально-культурные события (фестивали, конференции, спектакли). Необходимо, чтобы на территории был информационный центр или стенд, а аттрактанты внутри поля литературного кластера входили в туристско-рекреационный каркас территории. «Пункт входа» в кластер подразумевает наличие транспортного узла, путей сообщения с другими регионами, подразумевает клиента. Все перечисленные элементы формируют модель литературного кластера (рис.3) В центральной части схемы обозначены объекты, что создают предпосылки для

разработки литературных экскурсий, вокруг ключевых элементов – объекты, что обеспечивают успешное развитие литературного туризма на территории.

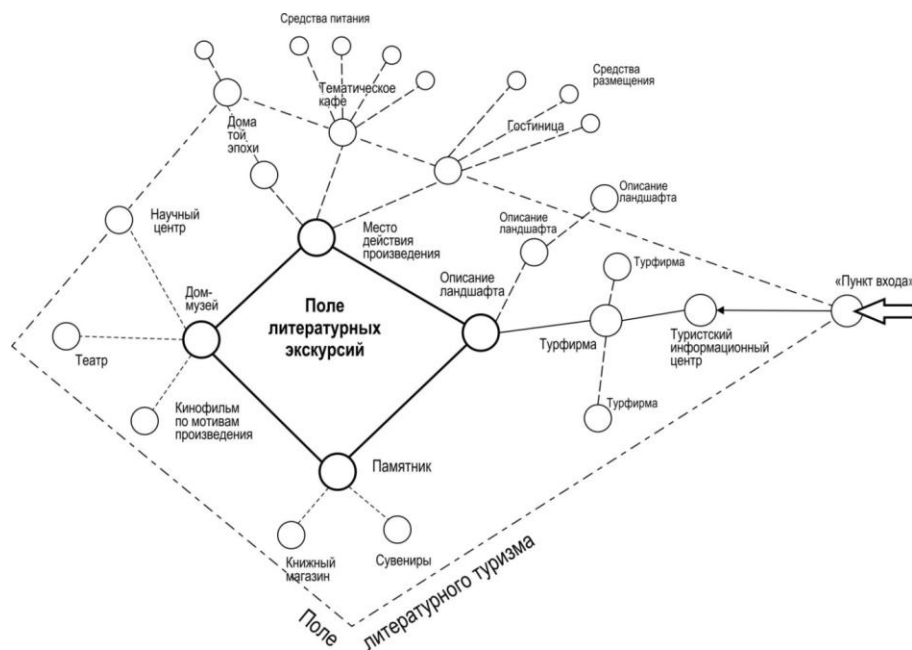

Рис. 3. Модель литературно-туристского кластера

Литературное картирование в туристских проектах

Процесс формирования литературно-туристского кластера связан с проектной деятельностью. Туристская достопримечательность – это социальный конструкт, он появляется в результате соответствующих действий людей, фирм, учреждений культуры и образования, рекламных и туристических агентств. Схема социально-культурного проектирования универсальна, она предполагает анализ ситуации, концептуализацию замысла, постановку цели и реализацию этапов проекта. Как правило, изучение культурного наследия входит в задачи образовательных учре-

ждений; формирование экспертного мнения – компетенция научного сообщества, специалисты-практики ведут отбор экскурсионных объектов, разработку и апробацию тура. Информационное продвижение нового турпродукта связано с разработкой сайта, туристских изданий, освещением информации в СМИ. Выбор интерактивных элементов предполагает организацию фестивалей, конференций, творческих конкурсов. В этапах проектирования нет строгой последовательности, но желательно, чтобы все они были реализованы. Проектирование в сфере литературного туризма объединяет интеллектуальные и творческие усилия ученых и практиков, оно невозможно без поддержки со стороны органов власти и инвесторов. В этом случае проект может рассчитывать на долговременный характер и будет иметь не только экономические показатели, но и социально-культурные следствия, такие как привлекательный имидж территории, формирование новой культурной среды и рабочих мест, влияние туризма на характер интересов и запросов туристов и местного населения. Показателен в данном смысле пример развития литературного туризма в Перми и Пермском крае, где процесс литературного картирования пространства проявился натопо- и мезоуровне.

Пермь имеет столетнюю традицию экскурсионной практики, в которой как в зеркале отражен отечественный опыт экскурсионного дела. В экскурсионных предложениях Перми 1914-1926 гг. преобладали прогулки исторической и естественнонаучной тематики. Имена писателей, связанных с краем – Ф.М. Решетникова, Д.Н.Мамин-Сибиряка, упоминались лишь для комментария городской топонимики. В 1930-70-е гг. экскурсии стали одним из средств идейно-просветительской работы, соответственно, особое значение приобрели политическая и революционная темы, а популярность – писатели, оказавшиеся во время ссылки в Перми – А.Н. Радищев, А.И.Герцен, В.Г. Короленко. В 1970-е гг. происходит зарождение собственно

литературных экскурсий, это связано с открытием музея «Дом поэта В. Каменского» в Троице (1974), а также работами пермских краеведов и журналистов, посвященных судьбе А.П. Гайдара, В.В. Каменского. К 1990-м годам экскурсии литературной тематики переживают стадию стагнации, связанную со сменой идеологии и уходом из профессии квалифицированных кадров. В начале 2000-х гг. вновь приходит понимание, что литературные места – точки городского пространства связанные с жизнью писателя, места «разыгрывания» его произведений – уникальный аттрактант территории, который, при грамотной культурной политике, начинает работать на ее известность далеко за пределами региона. В 1994 г. филологами Перми был учрежден Пермский общественный фонд культуры «Юрятин», одной из миссий фонда стала деятельность по формированию пастернаковского слоя городской памяти. При этом акцент был сделан на прагматике литературного текста – разработке вариантов его бытования в культурной среде. (Абашев 2010а). В рамках проекта «Пермский период Бориса Пастернака» (2006-2009), осуществленного при поддержке Министерства культуры Пермского края, был реализован ряд событий, имеющих эффект долговременного действия. Международная научная конференция «Любовь пространства» (2006) ввела в научный оборот понятие «пермский период творчества Пастернака»; экскурсионная программа, разработанная для участников конференции, обозначила локусы Пермского края, что вошли в творческую лабораторию писателя; мюзикл «Доктор Живаго» (2006) стал одной из лучших постановок Пермского Драматического театра; беллетризованные путеводители «В поисках Юрятина» (2005), «Путеводитель по Юрятину» (2005), «По Уралу с доктором Живаго» (2009) «Всеволодо-Вильва и ее окрестности» (2011), документальный фильм «Урал впервые» (2009) создали условия для внедрения новых экскурсионных маршрутов.

Другим литературным сюжетом, сформировавшимся в сознании культурного сообщества, стало предание о трех сестрах А.П.Чехова и их родном провинциальном городе «вроде Перми». Благодаря проектам, инициированным журналистом и писателем В.Ф. Гладышевым, в Перми были установлены мемориальные знаки писателю и «прототипам» его героинь, созданы маршруты экскурсионных прогулок и подготовлено издание «Чехов и Пермь. Легенда о трех сестрах» (2008).

Сегодня «чеховский» и «пастернаковский» сюжеты комментируют реалии Перми в беллетризованных и информационных путеводителях, причем, как российских, так и зарубежных: «*Город с реки кажется огромным, недаром он так поразил Б.Пастернака в 1916 году, что послужил прообразом города Юрятин в романе “Доктор Живаго”*» [11]; «*It Is believed that Chekhov used Perm as inspiration for the town his Tree Sisters were desperate to leave. Boris Pasternak sends his Doctor Zhivago to a city clearly resembling Perm*» [12, с. 468]. Наличие столь ярких художественных образов дают право сопоставить Пермь с известными литературными городами мира.

Можно резюмировать, что социально-культурные проекты на топо- уровне сформировали поле литературно-туристского кластера. Поле включает: «пункты входа» на территорию, «ландшафт, описанный в произведении», «Юрятинскую читальню», «Дом с фигурами», памятник поэту (фото 1, 2, 3). Отсутствует важная позиция «дом-музей», но отчасти роль музея выполняет Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина, научную поддержку осуществляет и фонд культуры «Юрятин». Также в городе есть творческие институции – студия документального фильма «Новый курс», Пермский академический «Театр-театр», которые предлагают творческую интерпретацию известного романа и биографии его автора.

В Пермском крае процесс литературного картирования проявился в социально-культурных проектах на террито-

рии Александровского и Чердынского района. Дело в том, что Александровский район, окрестности пос. Всеволодо-Вильва с топографической точностью описаны в романе «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака; природные объекты и культурно-этнографическое наследие Чердынской земли структурирует художественный мир романа «Сердце Пармы» современного писателя А.В.Иванова. Остановимся на проектах развития экскурсионного и событийного туризма подробнее.

Всеволодо-Вильва – горнозаводской поселок, основанный по распоряжению князя В.А.Всеволожского в 1811г. Вся хозяйственная жизнь поселка была связана с деятельностью завода – в XIX в. железодельного, а в XX в. – химического. В 2009 г. завод «Метил» прекратил свое существование, что крайне негативно отразилось на экономической и социально-культурной жизни поселения. Уникальность Всеволодо-Вильвы заключается в ее исторической памяти. Здесь причудливым образом пересеклись имена известных людей российской истории, науки, культуры – Саввы Морозова, Антона Чехова, Бориса Збарского, Бориса Пастернака [6]. Но никогда местным сообществом не рассматривалась возможность развития туризма, хотя живописные ландшафты и культурное наследие территории предполагали такую деятельность. Для того чтобы заявить о поселке как об уникальном туристском месте и начать его продвижение на локальном и региональном рынке, сотрудники фонда «Юрятин», при поддержке краевой администрации реализовали все этапы проектирования литературного туризма:

- *Экспедиционная и камеральная работа.* Литературные места территории удалось установить с помощью детального изучения писем из Всеволодо-Вильвы и текста романа «Доктор Живаго». Кафедрой русской литературы ПГУ был организован ряд фольклорных экспедиций, в задачи которых входило определение литературных мест и природных аттрактов, записи топонимических легенд и

преданий. По материалам экспедиции были подготовлены статьи, тексты и фотографии вошли в путеводитель.

- *Формирование экспертного мнения* путем организации двух международных конференций «Любовь пространства» (2006), «Очаги культуры в провинции: опыт картографии» (2008). Почетный гость первой конференции Е.Б.Пастернак заложил символический камень в основание музея «Дом Пастернака». В 2009 г. дом стал филиалом Пермского краевого музея.

- *Разработка и апробация маршрута.* В 2003 г. состоялся первый опыт презентации территории иностранным туристам. По запросу турфирмы «Troika-Reisen» (Москва) был разработан литературный маршрут «По следам Доктора Живаго», основу которого составил путь Б.Пастернака на Урал, проделанный им в 1916 году, а объектами показа стали «locuspoesiae». С 2009 года экскурсии в музей проводятся регулярно.

- *Продвижение территории на туристском рынке.* В 2009 – 2010 гг. был разработан информационный сайт музея, включающий обширный историко-литературный, краеведческий материал, новостной ряд и туристскую информацию (dompasternaka.ru). В 2009 фонд «Юрятин» приступил к реализации проекта по возрождению народных ремесел, результатом которого стало открытие керамической мастерской «Artель» (2010).

- *Создание событий.* Важным в социально-экономической жизни поселка стал 2011 год – Всеволодо-Вильва выиграл краевой конкурс «Центр Культуры Пермского края». Программа «Всеволодо-Вильва. Пятый элемент» предполагала ряд мероприятий, связанных с улучшением рекреационной среды, разработкой и внедрением туристских маршрутов, издательскую деятельность. Еще одно из направлений проекта – зарождение событийного туризма – открытие фестиваля керамики и гончарного искусства «Terracotta на Вильве». Этот фестиваль построен как совместная творческая деятельность керамистов сту-

дии «Артель» и художников из других регионов страны с использованием огнеупорной глины Усть-Игумского месторождения. Кульминация фестиваля – зрелищный обжиг коллективной инсталляции, выставка-ярмарка изделий, выступление музыкальных групп. Посетив фестивальную площадку, туристы, как правило, совершают экскурсию по литературным местам Всеволодо-Вильвы. Научный туризм на территории, начало которому было положено в 2006 г., продолжается в форме Малых Пастернаковских чтений (2011-2014), созданных по инициативе и местной МБОУ «ООШ №8 им. А.П.Чехова» и педагогов МБОУ «СОШ №14 (НОЦ)» г. Губахи.

Проектная деятельность вокруг литературных мест способствовала появлению пос.Всеволодо-Вильва на туристической карте Пермского края. Музей «Дом Пастернака» и керамическая мастерская «Артель» – основные предприятия туристской отрасли на территории. На сегодняшний день выделяется комплекс негативных факторов, отрицательно сказывающихся на развитии туризма в целом: нехватка средств коллективного размещения, пунктов общественного питания; отсутствие на территории поселка крупных инвестиционных проектов, туристских комплексов; плохие дороги, движение пассажирских поездов без остановки в поселке и др. Но на данном этапе важно отметить, что именно роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» и присущая ему функция литературного картирования стали важным ресурсом территории и позволил Всеволодо-Вильве заявить о себе и начать продвижение на локальном и региональном туристском рынке.

Еще одна территория Пермского края, на примере которой мы будем говорить о феномене литературного картирования и связанной с ним положительной динамикой внутреннего туризма – это Чердынский район и художественное осмысление его культурного прошлого в романе А.В.Иванова «Сердце Пармы».

Чердынь, является одним из древнейших городов Урала, официальная дата его основания – 1472 г., но археологические данные свидетельствуют о ранних средневековых поселениях в междуречье Вишеры и Колвы. Главный образ места – горная северная страна, где встречаются язычество и христианство, коми-пермяки, манси и русские. Локальные мифы северного Прикамья собраны и «работают» в произведениях Алексея Иванова. Его роман «Сердце Пармы», действие которого происходит именно здесь – является своеобразным каналом, по которому историко-мифологический образ Чердыни транслируется по всей России.

Чердынь известна пермским туристам. Одним из объектов, который позволяет проследить динамику туристских прибытий на территорию – Чердынский краеведческий музей им.А.С.Пушкина. Показатели его посещаемости говорят о том, что число туристов, прибывающих на территорию, превышает число жителей Чердынского района. А начиная с 2006 г. происходит поступательное увеличение числа туристов: от 43,8 тыс.человек в 2006 г., до 57,0 тыс.человек в 2012. На наш взгляд, это не связано с тем, что именно в 2006 г. прошел первый ландшафтно-этнографический фестиваль «Сердце Пармы», содержательной основой которого стал одноименный роман [3].

Этапы становления событийного туризма в Чердынском выглядят следующим образом:

- *Экспедиционная и камеральная работа*, связанная с выявлением географических объектов описанных в романе «совершил» сам писатель. Все действие романа-легенды происходит в определенных географических локусах: Чердынь, Покча, Искорское городище, камень Полюд и др. Для каждого объекта создано его точное и образное описание. Это свойство авторской поэтики не случайно. А.В.Иванов прекрасно знает уральский регион, в его биографии был период, когда путешествия по краю составляли основу профессиональной деятельности.

•*Формирование экспертного мнения.* Для того чтобы художественное произведение стало своеобразным путеводителем, оно должно быть популярным. Появление романа «Сердце Пармы» (2002) стало заметным событием литературной жизни страны. А.В.Иванов вошел в десятку самых читаемых российских писателей, его произведения были отмечены рядом престижных литературных наград. На практике данный тезис подтверждается тем, что с выходом книги «Сердце Пармы» в обществе возникает спрос на путешествия в Чердынский район. Ответом на этот сформировавшийся интерес становится ландшафтно-этнографический фестиваль «Сердце Пармы».

•*Создание события* и разработка экскурсионного маршрута – эти два этапа проектной деятельности соединились в разработке и проведении фестиваля «Сердце Пармы» (после 2009 г. – «Зов Пармы»), первоначальной задачей которого являлось создать прецедент событийного туризма в Чердынском районе. Роман стал идеологической и содержательной основой мероприятия – организаторы стремились воссоздать историческую атмосферу XV-XVI вв. В течение трех дней зрителям были представлены выступления творческих коллективов, пресс-конференция с писателем, автобусные экскурсии по историческим местам Чердынского р-на, описанным в романе. Экскурсии по г.Чердынь, пос.Ныроб и ООПТ «Искорское городище» проходили с использованием приема литературного монтажа.

Итогом первого фестиваля стало понимание того, что это событие может быть началом системной работы по формированию имиджа территории. В программу по социально-экономическому развитию района 2007 г. впервые был включен раздел о развитии туризма. В последующие годы фестиваль превратился в масштабное историко-литературное музыкальное шоу, в его программу входят: музыкальные выступления, театр на ландшафте, мастер-классы ремесел, музейные экспозиции, игры на ристалище,

исторические танцы, экскурсионные поездки. За годы проведения фестиваля на его сцене побывали такие коллективы как Fleur, Инна Желанная, Калинов мост, ZdobsiZdub ,Ярос и др.Обилие разноплановых мероприятий поддерживает интерес к фестивалю, динамика его посещения выглядит так: от 800 чел в 2006 г. до 18.000 чел в 2012 г.

Благодаря роману «Сердце Пармы» и ежегодному фестивалю на территории Чердынского района формируется временный литературно-туристский кластер. Основу кластера составляют ландшафты, описанные в романе, Искорское городище как ключевое место действия романа, объекты культурной и туристской инфраструктуры (Чердынский краеведческий музей, средства питания и средства размещения). Фестиваль «Зов Пармы» значительно расширяет туристскую емкость территории и создает условия для проектирования литературных туров. В данном кластере не хватает позиции «научный центр», в задачи которого входили бы проекты, включающие изучение поэтики произведений А.В. Иванова, разработку идеологии фестиваля и иную научно-популярную деятельность.

Проектная деятельность вокруг литературных мест, сформированных под влиянием творчества Б.Л. Пастернака и А.В. Иванова, подтверждает нашу гипотезу о процессе литературного картирования пространства, присущего этим произведениям. Подводя итог значения литературного наследия в туризме, скажем, в том случае если известное произведение имеет тесную связь с географическим местом, вписано в туристско-рекреационный каркас территории, оно создает условия для развития событийного, литературного, научного, образовательного туризма и туризма впечатлений. Литературное наследие должно активно использоваться в имиджмейкинге территории и способствовать ее туристской специализации. Изучение сущности литературного картирования пространства открывает новые возможности для исследований в области культурной и рекреационной географии, имеет практическую значи-

мость в вопросах территориальной организации туризма и является перспективным направлением междисциплинарных исследований.

Список литературы:

1. Абашев В.В. Пастернаковский город Юртин: география, семиотика и прагматика романного образа География, семиотика и прагматика романного образа. // Вестник Томского государственного педагогического университета = Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2010а. № 8. С. 115-121.

2. Абашев В.В. Фирсова А.В. План местности: литература как путеводитель. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010б. № 4. С. 98–104.

3. Абашев В.В. Фирсова А.В. Творчество Алексея Иванова как фактор развития внутреннего туризма в Пермском крае // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып.3.С.182–190.

4. Вайль П. Гений места. / П. Вайль. Послесловие Л. Лосева. М. :КоЛибри, 2008. 488 с.

5. Вердеревский Е.А. От Зауралья до Закавказья. / В Парме. Пермь, 1988. С.57-130.

6. Всеволодо-Вильва на перекрестке русской культуры: Книга очерков / Отв. ред. В.В. Абашев; Пермский общественный фонд культуры «Юртин»; Пермский гос. ун-т. СПб. : «Маматов», 2008. 304 с.

7. Зырянов А.И. Географические технологии туристского проектирования / А.И.Зырянов; Перм.ун-т. Пермь, 2010. 119 с.

8. Зырянов А.И. Географическое поле туристского кластера // Географический вестник. Научный журнал. Пермь, Типография ПГНИУ, Выпуск 1 (20) / 2012. С. 96–98

9. Фирсова А.В. Литературное картирование пространства //Региональные исследования. 2012. Вып.3(37). С. 53–61.

10. Хлебников В. Творения. М., 1987.

11. LePetitFute. Пермская область. Путеводитель. Сост. Н.П.Степанова. Москва, 2004. С.76.

12. Lonely planet. Russia. See directory charter for more practical information. 2009. С.468-469.

13. Официальный сайт www.cult-turist.ru URL: [http://cult-turist.ru/articles/other /Nabokov _montreux/?q=986/](http://cult-turist.ru/articles/other/Nabokov_montreux/?q=986/) (дата обращения 16.08.2013).

14. Официальный сайт <http://www.shakespeare.org.uk> (дата обращения 11.05.2013).

15. Официальный сайт музея «Дом Пастернака». URL: [www.http:// dompasternaka.ru](http://dompasternaka.ru) (дата обращения 08.08.2012).

И.М. Печищев

**Инструменты новых медиа – новый
язык образования**

Традиционные форматы преподавания устаревают. Агентство стратегических инициатив и Московская школа управления «Сколково» в 2014 году представили «Атлас новых профессий». В ней профессия лектора отнесена к устаревающим к 2020 году: «Круг задач преподавателей-«репродукторов» будет меняться благодаря развитию образовательных технологий и изменению запросов студентов – записывание стандартного лекционного курса под диктовку снижает мотивацию к учебе, любую информацию можно найти в Сети, а ведущие вузы мира предлагают различные сертификационные бесплатные и платные онлайн-курсы любому желающему. Со временем лекции будут читать только те, кто обладает либо уникальными знаниями и опытом, либо умеет общаться с аудиторией и способен артистично излагать информацию» [1, с. 265].

Наша задача – наметить векторы модернизации образования, каждый из которых будет ответом на вызовы, которые уже невозможно отрицать. Несколько тезисов об изменениях в мире и обществе.

Образование потеряло монополию на знания. Сегодня преподаватель и учебник – далеко не единственный источник знаний и фактов об окружающей действительности. Открытые источники, базы данных, архивы изданий, дистанционные курсы породили среду, в которой единица знания находится на расстоянии одного запроса в поисковой системе. В этой ситуации традиционная форма трансляции знаний переживает кризис, и подвергается сомнению прежде всего учениками. При этом сила образования остаётся в анализе, интерпретации, фильтрации, расста-

новке приоритетов, изучении сценариев использования знания.

Транслирование знаний заменяется *совместной и командной работой, интерактивными формами*. «Добыча знаний» становится коллективной (или домашней) работой, в учебной аудитории при этом происходит обсуждение и анализ информации. Преподаватель в определённых ситуациях становится модератором этого процесса, тьютором для самостоятельно развивающихся учеников.

Образование потеряло монополию на внимание. Огромное количество каналов информации рассеивают внимание учеников, и в этой ситуации на первое место выходит конкуренция за внимание. Она происходит на всех уровнях коммуникации: сериал соперничает с домашним заданием, а лента соцсети – с лекцией. Этот феномен уже довольно хорошо описан как «экономика внимания» [2]. Технологии маркетинга здесь тоже применимы, хотя речь идёт не о прямой продаже образовательного контента, но о дополнительной мотивации выбора в жёсткой конкурентной среде. Образованию нужно научиться работать в новой парадигме.

Интернет уже несколько лет является доминирующим каналом информации студентов. В условиях конкуренции за внимание, очевидно, что традиционные каналы (устная лекция, печатные источники) уступают ему по привлекательности, интенсивности, мультимедийности, интерактивности. Образованию необходимо использовать новые каналы коммуникации и вовлечения. Важно при этом учитывать особенности новой среды.

Технологии делают доступными новые формы образования. Новые технологии – это не только проектор и интерактивная доска в классе. Существующие технологии помогают организовать систему смешанного образования, которая совмещает обучение в традиционной урочной форме с онлайн-обучением, интегрировать мультимедиа в образовательный процесс. Использование современных

устройств на уроках становится не данью моде, а необходимостью.

При этом использование новых форм образования не означает только применение мультимедийных презентаций. Этот опыт уже хорошо освоен и описан [см. 3]. Новые образовательные форматы разнообразны по технологической основе и формату.

Интерес специалистов сферы образования к технологиям новых медиа в последние годы возрастает. При этом речь идёт и о преподавателях дисциплин, не связанных с медиа. Трёхлетний опыт автора статьи в преподавании дистанционного курса для преподавателей «Визуальные коммуникации. Создание мультимедийного контента» [см. 4] даёт основания зафиксировать этот процесс. Как представляется, образование в ситуации соперничества начинает использовать технологии конкурентов.

Разумеется, в понятии «новые медиа» слово «новые» уже не отражает новизны, но этот термин до сих пор используют для обобщённого наименования множества явлений в интернете (порталы СМИ, интернет-ТВ, интернет-радио, блогосфера, социальные сети и т.п.).

Исследователи описывают систему новых медиа четырьмя ключевыми взаимосвязанными процессами: конвергенцией, дигитализацией, интерактивностью и принадлежностью данных медиаресурсов к сетевому пространству [5]. Любопытно, что современное образование можно охарактеризовать похожими изменениями:

- *Конвергенция*: развитие технологий смешанного образования, с одной стороны; с другой – объединение в профессии преподавателя новых функций: продюсера в сфере образования, автора мультимедийного образовательного контента, модератора, игромастера, тьютора, ментора и т.д.;

- *Дигитализация*: образовательный контент всё быстрее оцифровывается для удобства использования;

- *Интерактивность* сменяет монологичность. Новые образовательные стандарты делают ставку на активное взаимодействие с преподавателем;

- наконец, образование активно осваивает *интернет-пространство* в разных форматах, становясь доступнее для обучающихся.

Рассматривая теорию новых медиа в приложении к современному образованию, обратимся к ключевым принципам формирования и распространения медиаконтента[5], находя общее и в этом:

- *любой может создавать информацию;*

Преподаватель и ученик находятся в одинаковых условиях мгновенного доступа к практически любой информации. Это было описано выше как потеря образованием монополии на знания.

- *любая история может быть рассказана и услышана;*

С развитием технологий увеличиваются варианты создания контента обучающимися: много форматов и вариантов публикации делают любого ученика автором с неограниченной аудиторией. За счёт этого возрастает роль горизонтальных связей вплоть до peer-to-peer обучения (передача знаний между сверстниками).

- *любая информация превращается в коммуникацию;*

Монолог как формат невозможно представить сегодня в образовании.

- *современная информационная среда скорее подконтрольна пользователю, чем создателю медиаконтента.*

Всё большую роль в образовательном процессе занимают ученики, у которых появляется свобода выбора, мнения и требования.

Итак, сфера образования как сфера, в которой создаётся контент и происходит множество коммуникативных

процессов благодаря технологиям оказалась как никогда близко к сфере медиа.

Рассмотрим отдельные технологии новых медиа применительно к образованию. Такими инструментами могут стать интернет-сервисы, предлагающие разные варианты создания мультимедийных публикаций и совместной (командной) работы над контентом.

а) Тайм-линии (временные линии) – мультимедийная публикация, в основе которой лежит лента времени и события на ней. К каждому событию может быть добавлен текст, фотографии, видео, карты, гиперссылки. Одна насыщенная тайм-линия заменит большой текст, но по интерактивности и мультимедийности превзойдёт его. Сценарии использования: описание истории событий, научных открытий, сюжета произведений и т.п.

б) Интерактивная графика – мультимедийная публикация, «интерактивный плакат» [6, с. 36]. В её основе – изображение, на которое наносятся интерактивные точки-метки. Каждая точка может содержать текст, фотографии, видео, гиперссылки. Сценарии использования: отметка людей, указание составных частей объектов на схеме или чертеже, подпись меток на карте.

в) Карты. Указание на карте точек и маршрутов событий истории, литературных сюжетов, границ ареалов животных и пр.

г) Инфографика. Визуализация разного рода данных (числовых и категориальных), алгоритмов с помощью разных способов визуализации. В результате с помощью визуальных средств можно описать сложные процессы.

Мы рассматриваем данные инструменты как основа для (1) создания образовательного контента и (2) в качестве заданий для обучающихся. В этом случае оценка деятельности учащихся будет основываться не столько на знании учебного материала, сколько на демонстрации дружных когнитивных навыков: анализе, синтезе, умении отби

рвать необходимую информацию, представлять её в удобном формате.

Использование технологий новых медиа реализует принцип индивидуализации обучения, что способствует самостоятельности и усилению познавательной активности. Кроме этого, как пишут исследователи, «мультимедиа обучение ориентировано на выявление глубинных связей между всевозможными процессами окружающего мира» [7, с. 30].

Согласимся с Н.Е. Поповой, что «современный процесс обучения без мультимедийных средств будет значительно обеднен» [8, с. 35]. Как отмечает исследователь, использование мультимедийных средств положительно отражается на обучении. Вот некоторые из плюсов: сочетание логического и образного способов освоения информации; активизация образовательного процесса за счет усиления наглядности; индивидуализация и дифференциация, использование дополнительных мотивационных рычагов; оперативный контроль и анализ полученных результатов; переход от пассивного к активному способу реализации деятельности учащихся, которые становятся полноправными субъектами образовательной деятельности. [там же, с. 36]

Необходимо учитывать и отрицательную сторону новаций. Эта тема ещё не исследована достаточно хорошо, но уже сейчас можно перечислить опасения преподавателей: «мозаичность культуры, пришедшей на смену просветительской модели культуры; эклектичность сферы знаний в противовес системному мировоззрению, основанному на едином подходе, парадигме; ориентация на репродуцирование вместо творчества в классическом понимании» [9, с. 26]. Как представляется, эти проблемы могут быть решены с повышением эффективности новых образовательных технологий.

Сегодня преподаватели имеют возможность расширить свой педагогический инструментарий, спроектировать но-

вую технологию обучения. И это потребует от них обновления своих знаний и постоянного профессионального роста.

Литература

1. Атлас новых профессий. М: Сколково, 2015. [Электронный ресурс] URL: http://atlas100.ru/upload/pdf_files/atlas.pdf (дата обращения: 01.09.2016)
2. Michael H. Goldhaber. The Attention Economy and the Net. 1997 [Электронный ресурс] URL: <http://www.well.com/user/mgoldh/AtEcandNet.html> (дата обращения: 01.09.2016)
3. Миронов Д.Ф. Мультимедийная презентация и ее возможности в организации самостоятельной работы студентов // Труды СПбГУКИ. 2015. № С.191-196.
4. Визуальные коммуникации. Создание мультимедийного контента // Дистанционный курс. URL: <http://visualmediaschool.ru/> (дата обращения: 01.09.2016)
5. Карякина К.А. Актуальные формы и модели новых медиа: от понимания аудитории к созданию контента // Медиаскоп. 2010. № 1. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mediascope.ru/node/524>
6. Кудряшова Т. Г. Системное использование мультимедийных средств обучения: проблемы и пути их решения // ВЕСТНИК МГПУ. Серия «Информатика и информатизация образования». М.: МГПУ, 2004. № 1 (2). С. 34-37.
7. Алейникова О. А., Волох А. С. Авторские мультимедийные учебно-методические пособия в образовании // Образование в современной школе. М. 2004. № 4. С. 28-33.
8. Попова Нина Евгеньевна Применение мультимедийных средств в обучении: проблемы и противоречия // Вестник НГПУ. 2015. №3 (25) С.34-44.
9. Елистратова Наталья Николаевна Некоторые проблемы применения мультимедиа в системе высшего обра-

Е.Г. Власова

Маршрутами российских первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII – начала XX вв. Аннотация проекта.

Основной задачей проекта «Маршрутами российских первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII – начала XX вв.», который был реализован группой ученых Лаборатории политики культурного наследия в рамках гранта РГНФ 2015-2016 гг., являлись реконструкция и картирование маршрутов наиболее значимых литературных путешествий на Урал, а также создание электронной карты этих путешествий. В соответствии с этой задачей главным результатом работы по проекту стала разработка 6 интерактивных карт: В.И.Немирович-Данченко. Северное Прикамье и Косьва; П.И.Мельников-Печерский. Пермь-Усолье-Соликамск; Д.Н.Мамин-Сибиряк. Старая Пермь: путешествие в Чердынь и Ныроб; С.А.Кельцев. По Каме; Д.Н.Мамин-Сибиряк. Сплав по Чусовой; С.А.Кельцев. Пермь-Екатеринбург: по Уральской горнозаводской железной дороге.

На первом этапе работа коллектива проекта была сосредоточена на отборе и изучении литературного материала, а также разработке подходов к созданию интерактивной карты уральских травелогов XIX века. В качестве образца для апробации технологии картирования литературного материала была выбрана книга путевых очерков Вас. И. Немировича-Данченко «Кама и Урал» (1890). Она отличается не только литературными достоинствами, но и беспрецедентным по пространственному охвату описанием региона. До Немировича столь масштабной панорамы Урала в русской литературе не существовало.

К концу отчетного периода коллектив проекта разработал и опубликовал интерактивную карту прикамской части уральского путешествия В.И.Немировича-Данченко (Северное Прикамье и Косьва). На карте были представлены более 100 локусов маршрута, связанных гиперссылками с полным текстом путешествия (Рис.1).

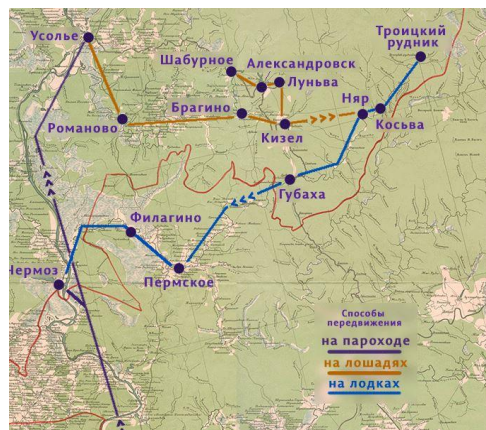

Рис. 1. Первая страница электронной карты В.И.Немировича-Данченко с общей схемой маршрута

Книга Немировича-Данченко (750 страниц) была переведена в электронный вариант формата Word и подготовлена к публикации в рамках данного проекта (Рис.2).

Маршрутами российских первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII - начала XX вв.

(грант РГНФ №15-14-59004 а(р))

1. Вас. Ив. Немирович-Данченко. Путешествие по Каме и Уралу (1876)

Книга путевых очерков Вас. И. Немировича-Данченко «Каме и Уралу» впечатляет не только литературными достоинствами, но и масштабом картины Прикамья и Урала, разворачивающейся на ее страницах.

Полторы тысячи верст, сотни мест, увиденных внимательным к деталям взглядом опытного путешественника и запечатленных выразительным словом. Такой масштабной панорамы Урала до Немировича в русской литературе не было. Вот почему именно с этой книги мы начинаем проект создания литературной карты Урала и Прикамья.

Предпринятое исследование располагается в поле так называемых пространственных гуманитарных исследований («spatial humanities»), предполагающих картографирование и визуализацию пространственных данных литературного (или исторического) текста с использованием возможностей современных геоинформационных систем и средств визуализации.

Технологическая основа карты связана с формированием системы гиперссылок между полнотекстовым вариантом путевых очерков, современной интерактивной картой (Google Maps) и оцифрованными картами Пермской губернии XIX в.

[продолжить >>>](#)

Вас. Ив. Немирович-Данченко. «Каме и Урал» (очерки и впечатления)

Вас. Ив. Немирович-Данченко. Каме и Урал: очерки и впечатления. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1890. 750, IV с.

Страницы: [главная](#) | [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) >>>

XIII. Вверх по Каме. — Пароходы Житкова. — Мотовилиха. — Бабыя кавалерия. — Меловые Столбца. — Как министр знакомился с местными нуждами. — Кампетесы и медведи. — Местный кредит. — Опять лесостроение
 XIV. Последние бурлаки. — Крестьянская беда. — Разоренный край
 XV. Усолье. — Дроворубы. — Люди на скотской работе. — Правление Любимова. — Газовые и дворцовые солеварни. — Графы Шуваловы и Строгановы. — Договорные южники. — Как кулаги обходят рабочего человека. — Озеревские люди

XIII. Вверх по Каме. — Пароходы Житкова. — Мотовилиха. — Бабыя кавалерия. — Меловые Столбца. — Как министр знакомился с местными нуждами. — Кампетесы и медведи. — Местный кредит. — Опять лесостроение
 Вверх по Каме я не советую никому подниматься на пароходе «Лебедь». От Перми до Усолья ходят уже не те пароходы, что до Перми. Каме тут иной раз мелководна: есть постоянные мели и большие пароходы не осилили бы их. На наш «Лебедь» на село столько народу, что я невольно изумился. Яблоку негде было упасть.
 — Да у вас сколько билетов полагается?
 — А у нас так, по душе; комплекту нет, а сколько придет пассажиров, столько и повезем.
 — Ну, а если бы еще пришли вдвое против нынешнего?
 — Тогда посадил бы народ. Как-как разместились бы.
 — Да ведь теснота какая!
 142
 — В тесноте люди живут, да еще как! Бог тесноту любит. И хозяину польза, да и пассажира отказом не обидит. Несмотря на высокие цены за первый класс, удобств никаких. Грязь везде: на столах, на диванах, на полу. В каютах еще хуже, чем в общей зале. На палубе сажка слоями лежит. Зато образа повешаны везде и лампы горят. Образа даже снаружи кают, против ветра смотрят.
 — Отчего не подметут? Посмотри, грязь везде сколько.
 — Сами сотрут. Смотрите, все на полушубках, да на сермягах останется, — отшучивается шкипер. — У нас хозяин такой же, Житков. Ему бы денег больше, а на чистоту он рукой махнул. Мы не немцы, тем точно чистота нужна, а мы и без этого проживем.
 Вон направо тянутся громадные постройки мотовилихинского завода. По обеим сторонам ее на плоскостях возвышенностях вытянулись темные ряды изб, где живет всякий заводской люд. Металлические купола и каменные гигантские трубы, масса кирпичных построек, белый силуэт церкви

Рис. 2. Текст книги В.И.Немировича-Данченко с гиперссылками на картотеку маршрута

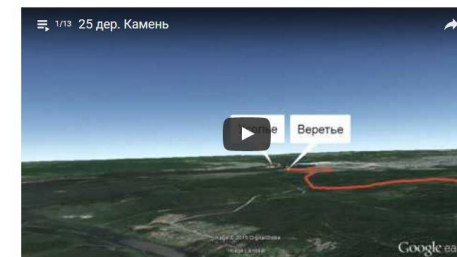
Дополнительно к карте с помощью приложения Google Планета Земля визуализированы отдельные точки маршрута — панорамные описания окрестностей с доминирующими точками местности (Рис.3). Такие панорамы составляют особенность путевых очерков Немировича. Приложение демонстрирует характер ландшафта, который не претерпел существенных изменений со времен его поездки по Уралу.

Панорамы очерка В.Д. Немировича-Данченко «Каме и Урал»

- Список панорам:
1. дер. Камень
 2. Романово
 3. На въезде в Кизел
 4. р. Полуденный Кизел
 5. Артемовский рудник
 6. Панорама на Кизел
 7. Панорама на Луньевку
 8. Панорама при въезде из Шабурного
 9. Сливные рен Няра и Косьва
 10. Гора Осланка. Вид с р. Косьвы
 11. Панорама на горы с балкона дома управляющего
 12. Вид с Троицкой горы
 13. Скалы на Косьве около Губахи

Выберите интересующую панораму, щелкнув на кнопку в левом верхнем углу видео.

Панорамы подготовлены с помощью приложения [Google Планета Земля](#)

[главная](#) | [текст очерка](#) | [картотека точек маршрута](#) | [современная карта Google Maps](#) | [о проекте](#)

Рис.3. Список панорамных описаний в книге В.И.Немировича-Данченко с сервисом визуализации

Технологическая основа карты связана с формированием системы гиперссылок между полнотекстовым вариантом путевых отчетов, в данном случае книги Немировича-Данченко «Кама и Урал», современной интернет-картой (Google maps) и оцифрованными картами Пермской губернии XIX в.

На первом этапе работы в тексте были выявлены топонимы и основные локусы путешествия, составлен цитатник с их описаниями. На втором этапе топонимы и локусы сопоставлены с картами, установлено современное местонахождение объектов. Для каждого географического описания создана отдельная веб-страница, содержащая цитату Немировича-Данченко и фрагмент карты (Google maps и карта Пермской губернии XIX в.) (Рис.4).

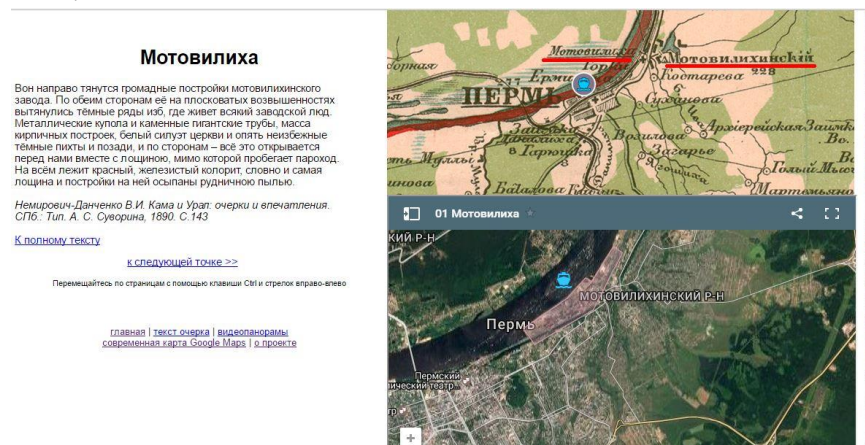

Рис.4. Страница с описанием точки маршрута, которое включает цитату из текста, фрагмент карты Пермской губернии соответствующего периода и ссылку на интерактивную карту Google maps

Данный подход к созданию интерактивной литературной карты был дополнен системой тегов, которые позволяют осуществлять автоматический поиск выделенных локусов и фрагментов их описания в тексте путевого отчета

по тематическому принципу (история, экономика, архитектура, благоустройство, уральцы и т.д.) (Рис.5,6).

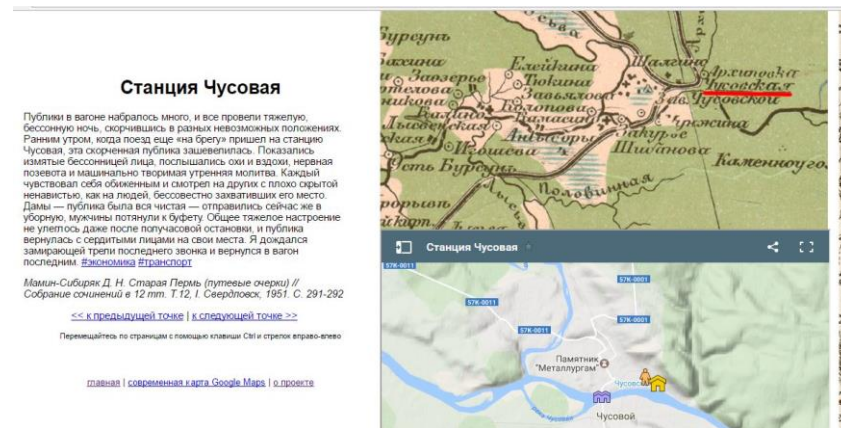

Рис.5. Страница с описанием точки маршрута, дополненное тематическими тэгами

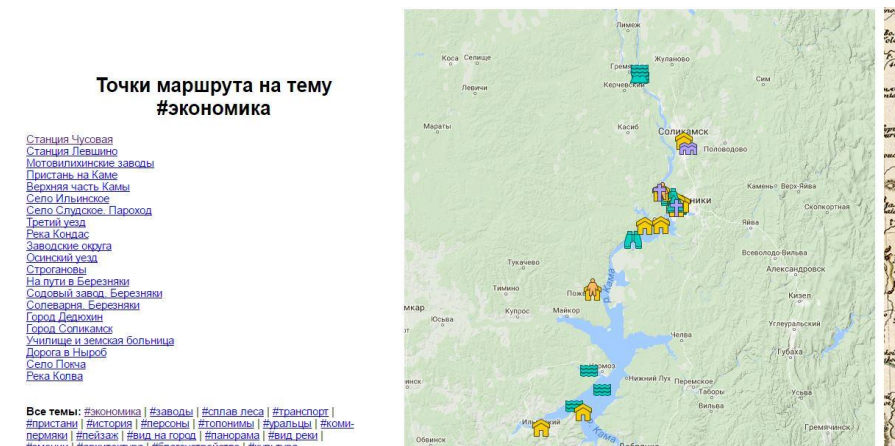

Рис.6. Страница со списком точек, связанных тэгом #экономика

Кроме того, каждая карта сопровождается историко-литературным и туристическим комментарием, специально подготовленными для аннотации маршрутов (Рис.7).

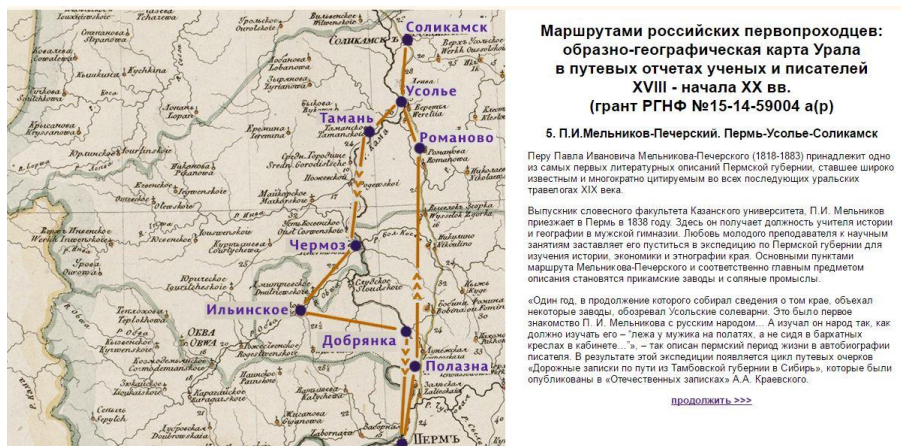

Рис.7. Аннотация маршрута П.И.Мельникова-Печерского

Практическая значимость исследования связана с акцентом на культурной прагматике: карта позволяет выявить аттрактивные возможности художественных образов пространства как ресурса формирования образа территории, и, в частности, технологично использовать историко-культурное и литературное наследие региона в туристической и образовательной деятельности.

Технологические работы по созданию интерактивных карт и веб-ресурса проекта выполнил И.М.Печищев. Руководитель и редактор проекта - В.В.Абашев. Разработка маршрутов и системы тэгов принадлежит Е.Г.Власовой. Большую помощь при составлении маршрутов путешествий оказали магистры кафедры журналистики и массовых коммуникаций ПГНИУ: Е.Орлова, Ж.Куличкина, Ю.Попова, Ю.Сырова, П.Катаев, Э.Мусина, Р.Курбанова, Ф.Пантелеева. Туристический комментарий подготовлен А.В.Фирсовой.

Карты оформлены в виде единого картографического ресурса и выложены на популярном литературном сайте dompasternaka.ru.

**Маршрутами российских первопроходцев:
образно-географическая карта Урала
в путевых отчетах ученых и писателей
XVIII - начала XX вв.
(грант РГНФ №15-14-59004 а(р))**

Б. П.И.Мельников-Печерский. Пермь-Усолье-Соликамск

Перу Павла Ивановича Мельникова-Печерского (1818-1883) принадлежит одно из самых первых литературных описаний Пермской губернии, ставшее широко известным и многократно цитируемым во всех последующих уральских трактатах XIX века.

Выпускник славянского факультета Казанского университета, П.И. Мельников приезжает в Пермь в 1838 году. Здесь он получает должность учителя истории и географии в мужской гимназии. Любовь молодого преподавателя к научным занятиям заставляет его пуститься в экспедицию по Пермской губернии для изучения истории, этнографии и топографии края. Основными пунктами маршрута Мельникова-Печерского и соответственно главными предметом описания становятся прикамские заводы и соляные промыслы.

«Один год, в продолжение которого собирал сведения о том крае, объехал некоторые заводы, обозревал Усольские солеварни. Это было первое знакомство П. И. Мельникова с русским народом... А изучал он народ так, как должно изучать его — лежа у мужика на полках, а не сидя в бархатных креслах в кабинете...», — так описан пермский период жизни в автобиографии писателя. В результате этой экспедиции появляется цикл путевых очерков «Дорожные записки по пути из Тамбовской губернии в Сибирь», которые были опубликованы в «Отечественных записках» А.А. Краевского.

[продолжить >>>](#)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абашев Владимир Васильевич – доктор филологических наук, зав. кафедрой журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета.

Власова Елена Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций, зав. лабораторией политики культурного наследия Пермского государственного национального исследовательского университета.

Печищев Иван Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета.

Фирсова Анастасия Владимировна – кандидат географических наук, доцент кафедры туризма Пермского государственного национального исследовательского университета, экскурсовод.

Научное издание

**Текст и карта: Урал в травелогах
конца XVIII - начала XX в.**

Сборник статей

Материалы Лаборатории политики культурного наследия.
Вып. 10.

Составители:

**Власова Елена Георгиевна
Абашев Владимир Васильевич**

Верстка *Ф.Пантелеевой*

Подписано к использованию 20.12.2016.

Объем данных 2,37 Мб.

Лаборатория политики культурного наследия
Пермского государственного национального
исследовательского университета
614990, Пермь, Букирева, 15, к.5, ауд.9